

В. С. ДУРОВ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
ДРЕВНЕГО РИМА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1993

Рецензенты:

д-р истор. наук *А. И. Зайцев* (С.-Петербург. ун-т),
канд. филол. наук *А. С. Крюков* (ВГПИ)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского университета*

Дуров В. С.

Д84 Художественная историография Древнего Рима. — СПб.:
Изд-во С.-Петербургского ун-та. 1993. — 144 с.
ISBN 5-288-01199-0

В монографии историография Древнего Рима исследуется как художественная словесность. Особое внимание уделено жанровому и стилистическому разнообразию исторической прозы от ее истоков (III в. до н. э.) до времени падения Римской империи. В поле зрения автора — деятельность более чем 70 римских историков, среди которых такие видные писатели, как Цезарь, Саллюстий, Ливий, Тацит, Светоний, Аммиан Марцеллин.

Для филологов, историков и всех интересующихся литературой и культурой античности.

Д $\frac{4603020300-036}{076(02)-93}$ Без объявл.

ББК 83.3(0)3

ISBN 5-288-01199-0

© Издательство
С.-Петербургского
ун-та, 1993
© В. С. Дуров, 1993

История должна быть ясна и понятна нам без всякой обширной учености... мы должны чувствовать себя в ней находящимися на родной почве, а не останавливаться перед ней как перед чуждым и непостижимым для нас миром.

Гегель

«История — свидетель времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины». Определив в столь возвышенных выражениях значение истории, величайший римский оратор Цицерон тут же с горечью констатирует, что в этом виде словесности римляне уступают Греции («Об ораторе», 2, 9, 36; 2, 12, 51). Это горькое признание вырвалось у Цицерона в 55 г. до н. э. «В нашей литературе нет исторических повествований», — сетует он спустя несколько лет («О законах», 1, 2, 5) и вновь возвращается к этому тревожащему его факту в 46 г. до н. э., заявляя, что римская историография очень далека от совершенства («Брут», 64, 228).

Такое утверждение Цицерона может показаться более чем странным, ведь оно прозвучало в середине I в. до н. э., когда римская литература прошла уже немалый путь и вскоре могла бы отметить свой двухсотлетний юбилей,¹ когда в области историографии о себе заявили по меньшей мере два десятка известных нам римских историков.

Однако суровое суждение римского оратора о состоянии отечественной историографии — не единственное в римской литературе той поры. Об отставании римских историков от греческих сокрушаются современники Цицерона, писатели-историки Корнелий Непот (фр. 58) и Саллюстий, считающий, что в отличие от греков у римского народа никогда не было писателей, способных прославить его подвиги («Заговор Катилины», 8, 2—5).

Лишь в I в. н. э. знаток греческой и римской литератур Квинтилиан с гордостью и удовлетворением объявит о том, что

¹ Традиционная дата рождения римской литературы — 240 г. до н. э., когда в Риме была осуществлена первая театральная постановка по греческому образцу.

латинская историография наконец-то сравнялась с греческой («История не уступит грекам»), и назовет имена Саллюстия и Тита Ливия («Образование оратора», 10, 1, 101). Чем же вызвано столь резкое изменение в оценке отечественной историографии? Произошло то, что за последние десятилетия I в. до н. э. римская историография достигла наконец уровня *художественной* литературы. У кого-то это может вызвать недоумение, ведь мы привыкли к тому, что история — это совокупность относящихся к прошлой жизни фактов и событий, изложенных в форме научного исследования. Однако научной историографии в нашем понимании у римлян не было. Римских историков мало интересовали вопросы экономических и социальных отношений, и изучение истории никогда не выливалось у них в строго научное исследование.

Первоначально историки писали свои сочинения в форме сухого перечня событий, изложенных год за годом без попыток их объяснения и осмысления причинно-следственных связей. Затем, когда они сосредоточились преимущественно на воспроизведении и оценке общественных нравов, их главной задачей стало создание картины состояния римского общества, при этом оставлялись в стороне вопросы его эволюции, сама идея которой была чужда римским историкам.² Так, в изображении Тита Ливия римляне эпохи царей почти ничем не отличаются от римлян второй Пунической войны, как будто между ними не пролегалo пяти веков. Неспособность видеть эволюционные процессы, происходящие в обществе, исключая, может быть, те, которые вели к упадку нравов, характерна не только для римских историков. Даже Цицерон считает, что во времена Ромула «люди уже были учеными, а сами времена — просвещенными» («О государстве», 2, 8, 19).

Культура исторической истины у римских историков никогда не было. Когда фактов не хватало, они их просто домысливали, ведь в истории искали, как правило, исторические уроки, а от историка ждали яркого поучительного рассказа. Именно такой становится историография в эпоху Августа — это уже художественное повествование, в котором искусство словесного выражения получает первостепенное значение.

«Историография, — пишет И. М. Тронский, — развивалась не как наука, а как искусство, как один из жанров повествовательной и художественной литературы... Художественная историография, изображавшая жизнь реальных людей, их чувства и стремления, становилась в один ряд с поэзией, восполняя оставленный ею пробел».³

² «Для истории, в нашем смысле слова, необходима личность, необходимо общество и необходимы переходы от одного состояния личности и ее общества к другому» (см.: Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977. С. 36).

³ Тронский И. М. Корнелий Тацит // Тацит К. Соч.: В 2 т. Т. 2. Л., 1969. С. 223.

Насколько нам известно, первым, кому пришла идея сопоставить историю и поэзию, был греческий философ IV в. до н. э. Аристотель. «Историк и поэт, — утверждал он, — различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть» («Поэтика», 9, 1451b1; пер. М. Гаспарова). Аристотель указывает на содержательный аспект поэзии и истории: вымысел, присущий поэзии, недопустим в историческом повествовании.

Вслед за Аристотелем поэзию и историю сопоставляют Полибий, Цицерон, Петроний, Квинтилиан.⁴ Последний, сближая поэзию и историю, обращает внимание уже на форму изложения: «История близка поэзии и до некоторой степени представляет собой стихотворение в прозе и пишется для рассказа, а не для доказательства» («Образование оратора», 10, 1, 31). Предназначая свой труд для будущих ораторов, Квинтилиан указывает на то, что историки, как и ораторы, широко пользуются изобразительными средствами поэзии, но в отличие от последних свою цель видят не в доказательстве определенных тезисов, а в ярком занимательном рассказе о прошлом.

Господствующему долгое время в Риме взгляду на историографию как на голый перечень событий и фактов в их временной последовательности положил конец Цицерон. «Кто может быть скучнее всех этих людей?» — риторически вопрошает он в 52 г. до н. э., имея в виду римских авторов исторических сочинений («О законах», 1, 2, 6).

К теоретическим проблемам историографии Цицерон возвращается постоянно. В июне 56 г. он написал своему другу историку Луцию Лукцею, завершающему сочинение о гражданской войне между Марием и Суллой, письмо с предложением взяться за монографию о его деятельности консула и его роли в подавлении заговора Катилины в 63 г. «Я прошу тебя, — пишет Цицерон, — приукрасить мои деяния как можно больше и в повествовании пренебречь законами истории» («Письма к близким», 5, 12, 3). Разгром Катилины и его, Цицерона, изгнание дают прекрасный материал для рассказа, который может захватить внимание читателя, возбуждая в нем чувство сострадания и вместе с тем радости, поскольку созерцание горестных событий прошлого и чужих бед доставляет удовольствие (*habet delectationem*).

Совершенно очевидно, что историография включается Цицероном в сферу литературных занятий, так как, по его мнению, исторический материал прекрасно подходит для того, чтобы пи-

⁴ Полибий. История, 2, 56, 11—12; Цицерон. О законах, 1, 1, 5; Петроний. Сатирикон, гл. 118; ср.: Лукциан. Как следует писать историю, 8—9.

сатель мог продемонстрировать перед читателями свое стилистическое мастерство. Уговаривая Лукцея написать историю своего консульства, Цицерон готов предоставить в распоряжение историка «записи всех событий», которые, как он считает, после соответствующей стилистической обработки могут стать основой для будущего исторического сочинения.

Рассмотрение вопросов, связанных с теорией историографии, Цицерон возобновляет в трактате «Об ораторе», однако теперь он особо подчеркивает необходимость объективности и беспристрастности в изложении исторического материала, которых в письме к Лукцею по естественной причине не касался, и формулирует законы исторического повествования: «Первый закон истории — ни под каким видом не допускать лжи; затем — ни в коем случае не бояться правды; не допускать ни тени пристрастия, ни тени злобы» (2, 15, 62).

Цицерон останавливается отдельно на характере содержания (*res*) и характере выражения (*verba*) исторического повествования. В плане содержания, считает он, необходимы хронологическая последовательность, географическая точность, исследование причин событий, мнение самого автора, сведения о жизни и характере героев. В плане выражения требуется безукоризненное владение искусством красноречия, потому что можно быть историком даже без литературных способностей, но тогда это всего лишь *narrator* — безыскусный рассказчик вроде тех, с которых началась римская историография, представлявшая собой простое перечисление событий. Настоящая история должна быть художественным произведением, а ее творцы — *exornatores*, т. е. авторами риторически отшлифованного сочинения (2, 12, 54).

Однако, продолжает Цицерон, в римской литературе историков этого типа не существовало, потому что в Риме красноречие применялось лишь в судебных выступлениях, а не вообще в сфере культуры. Стиль же судебного красноречия не подходит для исторического произведения, в котором «слог должен быть плавным и спокойным, текущим легко и ровно без резкости и колкостей, присущих судебному красноречию» (2, 12, 64). Благодаря такой стилистической отделке историческое сочинение становится, по словам Цицерона, «*opus oratorium maxime*» — «трудом в высшей степени ораторским» («О законах», 1, 2, 5).

Стилистические рекомендации Цицерона будут полностью реализованы Титом Ливием, чья «История» издавна определяется как эпос в прозе.⁵ Отныне форма исторического сочине-

⁵ Вот, например, мнение о нем В. Г. Беллинского: «Римляне имели своего истинного и оригинального Гомера в лице Тита Ливия, которого история есть национальная поэма и по содержанию, и по духу, и по самой риторической форме своей» (Беллинский В. Г. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1981. С. 35.)

ния становится предметом особой заботы историков, которые видят свою цель прежде всего в том, чтобы превзойти своих предшественников не столько в документальности, тщательности и точности информации, сколько в искусстве формы и риторической отделке.

Так же, как ораторы, историки с помощью искусства слова стремятся усладить, убедить, взволновать читателя, а точнее, учитывая технику чтения древних вслух, слушателя. Все без исключения римские поэты и прозаики рассчитывали свои произведения главным образом на произнесение вслух, а не чтение глазами и потому придавали особое значение звучащему слову. «Даже исторические сочинения, — пишет М. Л. Гаспаров, — даже философские трактаты, даже научные исследования писались прежде всего для громкого чтения. Высказывалось предположение, что античность вовсе не знала чтения „про себя“: даже наедине с собою люди читали книгу вслух, наслаждаясь звучащим словом».⁶

Установка на голос и слух сохранялась на протяжении столетий. Так, автор I—II вв. н. э. Плиний Младший выражает, по-видимому, общее мнение о предпочтении устной речи перед письменной: «Всегда есть возможность читать, но не всегда возможность слушать. К тому же живой голос (*viva vox*) сильнее, как говорится, трогает» («Письма», 2, 3). Известно, например, что еще в конце IV в. н. э. историк Аммиан Марцеллин публично читал в Риме свое сочинение.

К I в. н. э. римская историография представляла собой весьма пеструю картину в жанровом отношении. В это время наряду с историками, тесно связанными с архаической традицией, пишут свои произведения провозвестники новой исторической концепции, выразившейся, в частности, в разработке новых форм прозы, таких, как историческая монография, разного рода мемуары, биография, автобиография, эпитома — краткое извлечение из прежних историков, бревиарий — сжатое изложение сочинений большого объема,⁷ наряду с которыми продолжают создаваться анналы, истории, компендии всеобщей истории.

В I в. до н. э. — I в. н. э. идет интенсивный поиск новых и модификация уже известных жанровых форм. И в этом случае, как обычно, римляне обратились к сокровищнице греческой культуры. Но в историографии римляне проявили себя с большей творческой свободой, нежели в стихотворных жанрах, по-

⁶ Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 7.

⁷ До нас дошли эпитомы и бревиарии, относящиеся лишь к императорской эпохе, однако какие-то попытки в этом направлении предпринимались уже в I в. до н. э. Если верить Плутарху, сокращение «Всеобщей истории» Полибия делал Брут (см.: Плутарх. Брут, 4).

скольку, трактуя историю своего народа, не были связаны греческим содержанием.

Творческому переосмыслению подвергались образцы не только греческой историографии, но и латинской долитературной прозы, консульские фасты, ежегодные записи жрецов, погребальные восхваления. Об этом прямо говорит Сенека Старший: «Историки, рассказав о кончине того или иного великого мужа, всякий раз предлагают краткий очерк всей его жизни и как бы надгробное похвальное слово (*funebri laudatio*). Так два раза сделал Фукидид, так в отношении крайне немногих лиц поступил Саллюстий; но особо щедрым на это для всех великих мужей был Тит Ливий» («Свазори», 6, 21).⁸

В соответствии с поставленной перед собой задачей: просветить, научить, развлечь, прославить, очернить и т. д., римские историки пользуются самыми разными средствами словесной изобразительности, чаще всего находя их в литературных жанрах, не имеющих прямого отношения к историографии, — эпической, драматической, риторической литературы. В связи с чем характер изложения в историческом сочинении мог быть эпическим, драматическим, документальным, публицистическим, энциклопедическим, учено-антикварным и т. п.

Не следует, однако, забывать, что любой литературный жанр существует не сам по себе, а в конкретной историко-литературной ситуации и в прямой зависимости от творческой энергии конкретного автора. Хотя в античной литературе жанровые законы были довольно жесткими и каждый жанр имел четкие формальные признаки, абсолютизировать их было бы ошибкой, особенно когда дело касается художественной историографии, получившей «прописку» в римской литературе довольно поздно и быстро прошедшей путь развития от древней анналистики до «Анналов» Тацита. Этот процесс был столь стремителен, что, по существу, ни один из жанров художественной историографии не успел отстояться и затвердеть в своей «классической» форме.

Литературная форма — это прежде всего реализация содержания, и, обращаясь к богатейшему культурному наследию греков, римские историки подходили к нему всегда творчески и с учетом специфики национального содержания смело преобразовывали усвоенные у греков литературные формы. По крайней мере, в отношении уцелевших произведений римских историков Цезаря, Саллюстия, Ливия, Тацита, Аммиана Марцеллина и других можно смело говорить о жанровой новации. И дело здесь не только в специфике трактуемого ими исторического материала, тематике, моралистической и художественной направленности, а прежде всего в яркой творческой инди-

⁸ См. также: Цицерон. Об ораторе, 2, 12, 52; Брут, 16, 62; Тит Ливий. История, 8, 40, 4.

видуальности самих авторов, чутко реагирующих на запросы времени. Раскованность жанрового мышления римлян, свободного от всякой догматичности, в полной мере проявилась в лучших произведениях латинской историографии, ведь заданность жанровой формы ставит ограничения для посредственности, но не для творческой личности.

Из обширного наследия римских историков до нас дошла малая часть. Нам известны имена более чем семидесяти авторов исторических сочинений, а располагаем мы текстами лишь двух десятков из них, причем их тоже не пощадило время: многие произведения сохранились в неполном виде. Так, от огромной истории Тита Ливия уцелели только 35 из 142 книг. Не лучшая участь постигла крупные сочинения Тацита и «Деяния» Аммиана Марцеллина. О древнейшем периоде римской историографии мы можем судить лишь по упоминаниям имен историков, в лучшем случае по кратким цитатам из их трудов, у авторов последующих поколений. Погибла почти вся антицезарьанская историография императорского периода.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, написана филологом, и историография в ней исследуется как художественная литература; поскольку рассмотрение литературоведческих вопросов является в ней главным, внимание автора обращено преимущественно на изобразительную сторону римской историографии.

Одухотворенные высокими нравственными идеалами, горячей любовью к Риму и восхищением его великим прошлым, лучшие произведения латинской исторической прозы и в наши дни продолжают оставаться увлекательным чтением и источником эстетического наслаждения.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Римская историография теснейшим образом связана с исторической мыслью греков: их учением о природе и смысле событий, происходящих с людьми, а также видах и средствах исторического повествования.

Начиная с V в. до н. э. в Греции широко обсуждалась проблема установления подлинных причин исторических событий. Полемика об истине и правдоподобию в сочинениях греческих историков вводит историографическую проблему в русло тех вопросов, которые были присущи ораторскому искусству. Подобно судебному оратору, доказывающему выдвинутые положения, историк в рассказе о прошлом восстанавливает ход рассматриваемых событий, опираясь на реальные факты и свидетельства.

Так, греческий историк Фукидид (454—396 гг. до н. э.), приступая к изложению истории Пелопоннесской войны, которую в последней трети V в. до н. э. вели между собой афиняне и спартанцы, пишет: «События войны я не считал уместным излагать так, как услышал о них от первого встречного, или руководствуясь своим личным мнением; я присутствовал при них лично или, узнав от других, рассмотрел их одно за другим с максимально возможным усердием. Это было трудным делом, потому что очевидцы передавали события по-разному, как подсказывала им память и расположение к одной из воюющих сторон. Возможно, отсутствие сказочного делает повествование менее привлекательным для аудитории, но мне будет достаточно, если его сочтет полезным тот, кто пожелает получить ясное представление о случившихся событиях и тех, идентичных или похожих, которые в том же самом или подобном виде могут произойти по свойству природы человека» (1, 22, 2—4).

Это программное заявление Фукидида о критериях, которыми он руководствовался при отыскании истины, закладывает основы так называемого прагматического, или аподиктического,

по определению Полибия, направления в античной историографии.

Во имя исторической правды Фукидид решительно отвергает все мифическое и сказочное, чему отводилось значительное место в сочинениях первых греческих прозаиков-логографов и «отца истории» Геродота (ок. 485 — ок. 425 гг. до н. э.). Именно к ним восходит направление в античной историографии, которое сегодня мы назвали бы этнографическим и антропологическим. В основе этой историографии лежит представление, что деятельность историка так же, как деятельность драматического поэта, относится к сфере воспроизведения или подражания (мимесиса).

Фукидид, по его собственному утверждению, обращается главным образом к тем людям, которые предпочитают не верить ни поэтам, преувеличивающим и приукрашивающим воспеваемые ими события, ни логографам, которые ради внешнего эффекта и услаждения публики пренебрегают правдой. Для него конечной целью исторического повествования является польза, извлекаемая при чтении; ведь минувшее может, по свойству человеческой природы, повториться когда-нибудь в будущем в том же или сходном виде. Этот коренной поворот в теоретических взглядах древних на историографию был связан с радикальным изменением в сфере массовой коммуникации и передачи информации, а именно переходом от устной культуры к письменной, имевшем место на рубеже V—IV вв. до н. э.

Аналитический и рационалистический метод, которым Фукидид исследовал события Пелопоннесской войны, был не пригоден ни для традиционной поэзии, ни для прозы логографов, поскольку обе некогда предназначались для слушателей, а не для читателей.

Устная культура предполагает прямой контакт с аудиторией, воспринимающей произведение поэта или прозаика на слух. Это требует от последних применения особых выразительных средств, отличающихся от тех, которые используются в сочинении, рассчитанном на чтение «про себя». Поэт обращается главным образом к эмоциям и воображению публики, историк, по мнению Фукидида, — к интеллекту читателя, его рассудочности и умению логически мыслить.

Произведение, претендующее на звучащее исполнение и предполагающее более или менее быструю ответную реакцию, должно быть написано простым, ясным и предельно конкретным языком, с преобладанием сочинительных конструкций. Ведь задача автора — с помощью особой словесной техники сделать максимally усвояемыми все поэтические образы и движения мысли, а, кроме того, заставить аудиторию слушать себя, т. е. всеми доступными средствами привлечь и удержать ее внимание.

С распространением в греческом мире письменной культуры

меняются не только отношения автора и аудитории, меняется сама аудитория. Одновременно пересматриваются общие установки и технические средства изобразительности. Параллельно-полюемике Фукидида против устарелой историографии развивается полемика трагика Еврипида против поэзии прошлого, которая ограничивалась тем, что услаждала публику на пирах и торжественных праздниках. Вскоре к этому спору подключился Платон. Обрушиваясь на поэзию, он, подобно Фукидиду, порицающему историографию ионийских логографов, заостряет внимание на отсутствии у поэтов рационалистического анализа человеческого опыта и строго логического изложения причинно-следственных связей, лежащих в основе всех событий.

Не остается в стороне от этих теоретических споров и Аристотель, однако его позиция значительно отличается от платоновской. В своей «Поэтике» приоритет перед историей он отдает поэзии. Центральное в «Поэтике» Аристотеля понятие «мимесиса» применительно к историографии использует Дурид из Самоса (IV—III вв. до н. э.). Во вступлении к своей «Истории» он полемизирует с предшественниками на историческом поприще Эфором и Феопомпом, осуждая их неспособность к воспроизведению жизни (мимесису) и нежелание доставлять публике удовольствие. В силу указанных недостатков их сочинения очень далеко отстоят от исторической действительности.

Эти историки, считает Дурид, обращали свой интерес главным образом на письменную форму изложения (*gráphein*), пренебрегая доставляющими наслаждение элементами, которые берут начало в миметическом типе изложения, задача которого — правдивое воспроизведение жизни через чарующее воздействие устного слова (*hedoné en to phrásai*). Другими словами, Эфор и Феопомп не заботились о том, чтобы своими сочинениями доставлять читателям наслаждение, аналогичное тому, которое испытывают слушатели.

Однако в произведениях Феопомпа не было недостатка ни в психологических характеристиках исторических персонажей, ни в описаниях окружающей среды и обычаев, ни в том, что может вызвать удивление и поразить воображение читателя. Все это служило главной цели — принести читателю пользу, расширить и углубить его знание человеческой природы. В этом отношении Феопомп, как и Эфор, был последовательным учеником Исократ, открывшего в 391 г. до н. э. в Афинах риторическую школу, где он более чем за пятьдесят лет преподавания подготовил немало государственных деятелей, ораторов и историков.

Лишенный природных данных, необходимых для публичных выступлений, Исократ направил свой талант на деятельность, связанную не с устной, а с письменной речью. В своей публицистике Исократ стремился с помощью спокойного и плавного

красноречия сформировать этико-политическое сознание читателя. А своими читателями он видел прежде всего людей реальной политики. Исократ признавал силу звучащего слова, его психическое и эмоциональное воздействие на публику, но основную задачу своей деятельности публициста видел главным образом в пользе. Именно эта сторона творчества Исократ привлекла внимание Эфора и Феопомпа.

Идея мимесиса, лежащая в основе греческой концепции поэтического искусства, будучи приложена к историческому произведению, вылилась в представление, что эмоциональное участие аудитории в событиях, изображаемых историком, должно быть сродни сопереживанию при восприятии поэтического текста. Разновидностью миметического повествования является драматическое воспроизведение жизни, когда читатель или слушатель исторического сочинения превращается в «зрителя», как бы лично участвует в изображаемых событиях. Таким образом, историк, подобно драматическому актеру, связывающему зрителя с происходящим на сцене, осуществляет посредничество между историческим прошлым и аудиторией.

Миметическое направление в греческой историографии было обусловлено глубокими изменениями в культуре IV—III вв. до н. э. и прежде всего появлением новых экспрессивных форм зрелищного искусства, например, новоаттической бытописательной комедии и различных разновидностей мима.

Склонные к психологическому анализу персонажей и исследованиям этнографического типа, историки этого направления обнаружили благодарный для себя материал в политической жизни эллинистических монархий, для которой характерны были определяющее влияние личности монархов и открытость многообразному миру негреческих народов эллинизированного Востока.

Некоторое время спустя в греческой литературе вновь начинают звучать призывы к строго научному и объективному исследованию событий и их причин, определившему исторический метод Фукидида.

С сокрушительной критикой исократического направления в историографии, представленного, как уже было отмечено, именами Эфора и Феопомпа, выступил автор «Всеобщей истории в сорока книгах» Полибий (ок. 200—120 гг. до н. э.). Во вступлении к девятой книге он излагает свои основные принципы в плане их расхождения с точкой зрения исократиков. «Я знаю, что моя история имеет нечто серьезное и единым характером изложения отвечает требованиям и вкусу лишь одной категории читателей. Почти все другие авторы или, по крайней мере, большая часть их, излагая все части истории, привлекают многих людей к чтению своих сочинений. Действительно, речь о генеалогиях привлекает того, кто слушает ради простого удовольствия слушать; тот, кто хочет владеть многообразными

знаниями и сведениями, будет привлечен рассказом о колониях, основании городов и их родственных связях, что можно прочесть у Эфора; политический же деятель обращает свой интерес на историю народов, городов и тех, кто ими управляет. Это единственное содержание, которое нам подходит, и только ему мы посвятили наше повествование, полностью, как сказано, подчиняясь единой манере изложения и готовя для наибольшей части слушателей чтение, лишенное всякой развлекательной цели» (9, 2).

Таким образом, история Полибия — это история прагматическая, т. е. ограниченная событиями политическими, что исключает какое бы то ни было содержание этнографического и антропологического характера. В ней нет места мифологическим преданиям и рассказам об основании городов и колоний, которыми изобилвала историография исократического типа. Определяя цель своего исследования, Полибий вслед за Фукидидом делает противопоставление между пользой (*orhéliton*), которую можно извлечь из его сочинения, и удовольствием (*térgsis*), которое хотели доставить своим читателям историки — приверженцы Исократы.

Когда Полибий говорит о полезности своей историографии, он имеет в виду полезность в прагматическом смысле, в то время как историки, развивавшие теоретические установки Исократы, понимали пользу как категорию философскую и нравоучительную. Нечто сходное мы наблюдаем и в миметической историографии. Отмеченная вниманием ко всем, даже иррациональным, проявлениям человеческой личности и стремлением воспроизводить жизнь во всем ее многообразии и сложности, она выполняла определенное воспитательное назначение, которое, согласно Аристотелю, подразумевалось уже в самом трагическом изображении страстей.

Наиболее жестокой критике подвергает Полибий своего знаменитого предшественника Тимея из сицилийского города Тавромения (ок. 340 — ок. 270 гг. до н. э.), написавшего историю Сицилии и Италии с древнейших времен до первой Пунической войны.

Как вытекает из разбора Полибия, в сочинении Тимея преобладали темы, характерные для историографии риторического, или исократического, направления. «История» Тимея изобилвала сведениями о колониях, основании городов, родственных связях, историях отдельных семей, обычаях народов, а также данными из географии и хронологии. Полибий сурово порицает Тимея за рыхлость композиции, растянутость изложения, неоправданную склонность к философским рассуждениям, сенсационную манеру выражаться.

Но главное обвинение, выдвинутое Полибием, состоит в том, что Тимей искажает историческую истину. Это — следствие того, что он описывает местности не по личному знаком-

ству с ними, а по книгам и, самое главное, он лишен реального опыта в государственных и военных делах.

Непростительно, продолжает Полибий, что многие ошибки Тимея, овладевшего искусством выдавать правдоподобие за правду, проистекают из-за его сознательного желания вводить своего читателя в заблуждение. Историк, претендующий на правдивость, должен выполнить три методологических условия: тщательно изучить и критически проанализировать документы, лично ознакомиться с местностями, о которых идет речь (*autopsia*), основательно разобраться в политических проблемах.

Таким образом, эта историография — прагматическая по содержанию, поскольку ее объектом являются политические, военные и прочие события недавней и современной автору истории; аподиктическая — по методу, поскольку она основывается на строго научных и проверенных доказательствах.

Итак, в греческой историографии сложились два основных направления. Оба ставили своей целью подготовку политического деятеля. Однако как способы реализации этой цели, так и конкретные задачи историка были различны. Если исократическое, или риторическое, направление было обращено на общекультурные и общечеловеческие ценности, которыми с учетом конкретных обстоятельств следовало руководствоваться в политической деятельности, то прагматическое направление, теоретиком которого стал Полибий, было нацелено на то, чтобы снабдить политика строго проверенными сведениями, необходимыми при управлении государством, и на примере ошибок, совершенных в прошлом, удержать его от принятия поспешных решений.

В первом случае мы имеем дело с историографией тенденциозной и пропагандистской: и в этом смысле она верна истине, поскольку является отражением своей эпохи. Во втором случае перед нами историография, которая претендует на беспристрастность и объективность и направлена на выработку вневременных рекомендаций, т. е. полезных для государственного деятеля независимо от времени и текущей ситуации.

Глава вторая

РОЖДЕНИЕ РИМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НА ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Рождение римской историографии приходится на последнее десятилетие III в. до н. э., а точнее на время завершения вто-

рой Пунической войны, которую с 218 по 201 г. Рим вел с Карфагеном, и связано с именами Фабия Пиктора и Цинция Алимента.

Первый римский историк Квинт Фабий Пиктор принадлежал к знатному роду Фабиев, т. е. к самой высшей аристократии. Он был в родстве с Квинтом Фабием Максимом Кунктатором, который командовал римским войском в войне с Ганнибалом. Свое прозвище «Пиктор» («Живописец») историк получил от деда (или прадеда), расписавшего фресками стены храма богини здоровья и благополучия на Квиринале.

Год и место рождения Фабия неизвестны. Он принимал активное участие в политической и военной жизни Рима, был сенатором и с оружием в руках сражался с галлами (225—222 гг. до н. э.). Во время второй Пунической войны, после того как римляне в 216 г. до н. э. были разгромлены Ганнибалом в сражении при Каннах, сенат послал Фабия за советом к дельфийскому оракулу.

Свой исторический труд Фабий написал по-гречески и озаглавил «*Rhōmáion gráxeis*» («Деяния римлян»). Повествование в нем начиналось с мифологических событий — прибытия в Италию Энея и рассказа о Евандре, царе древнейшей аркадской колонии на Палатине.

Между Энеем и Ромулом, основателем Рима, Фабий Пиктор размещал длинный ряд царей Альбы Лонги. Изложение было доведено, по всей видимости, до сражения при Тразименском озере (217 г. до н. э.) или, возможно, до битвы при Каннах и последовавшего за ней посольства римлян в Дельфы.

Луций Цинций Алимент, современник Фабия Пиктора, происходил из старинного плебейского рода, был сенатором и должностным лицом, претором в Сицилии в 210—209 гг. до н. э. Известно о его участии во второй Пунической войне и пленении Ганнибалом. Он написал по-гречески «Историю Рима» от основания города, которое относил к 729—728 гг. до н. э., до событий своего времени. От его сочинения так же, как от истории Фабия Пиктора, дошли лишь скудные фрагменты.

Нашими знаниями о римской историографии этого периода мы обязаны главным образом свидетельствам римских и греческих историков последующих веков.

Схема ранней историографии Древнего Рима восходит к записям, которые с древнейших времен составлялись римскими жрецами-понтификами для календарных целей. Эти записи, имевшие официальный характер, назывались *Annales* («Анналы»). Изложение в анналах велось в хронологической последовательности, по годам: указывались консулы и магистраты года и самые значительные события (договоры о мире, объявление войны, стихийные бедствия, необычные природные явления, затмения, неурожай и т. п.). Таким образом, сведения, регистрируемые понтификами, касались в общих чертах време-

ни, людей, мест и случившихся событий, т. е., по существу, того же содержания, что свойственно историческому труду.

Источником данных для первых римских историков служили также архивы магистратов. Должностные лица в Риме с древнейших времен были обязаны регистрировать все мероприятия и наиболее важные события, которые имели место во время их магистратуры.

Наряду с официальными записями в знатных римских домах велись частные семейные хроники. Благодаря своему социальному происхождению, широкой личной известности и высокому общественному положению первые римские историки имели доступ к частным архивам влиятельных патрицианских родов.

В то время как первые поэты Рима были людьми самого низкого социального положения — некоторые привезены в Рим в качестве рабов и лишь потом за свои заслуги отпущены на волю, первые прозаики входили в узкий круг правящей знати. Это обстоятельство, сделавшее возможным появление римской историографии на греческом языке и во многом определившее ее направленность и характер, необходимо всегда учитывать при оценке деятельности историков начального периода римской литературы. Представители правящего сословия, по большей части патриции или лица, наделенные обширными полномочиями и имевшие в государстве огромное влияние, военные и политические деятели, они в своих трудах прославляли прошлое отечества и оправдывали его современную политику. Гарантию достоверности излагаемых ими фактов, которые должны были восприниматься как безусловно заслуживающие полного доверия, обеспечивали прежде всего личное участие в этих событиях самих авторов и, кроме того, широкая известность их имен.

Наравне с ораторским искусством историография стала постоянным правящего класса, который, таким образом, приобрел еще одно средство для закрепления своего господствующего в государстве положения.

Рождение римской историографии именно в эпоху пунических войн не является случайностью. Вооруженное столкновение с Карфагеном, возвысившее Рим до великой державы западного мира, стало поворотным пунктом в его истории. Римляне теперь начали испытывать настоятельную потребность в собственном истолковании своего легендарного прошлого, которое давно уже сделалось предметом историографических изысканий греков.

Пробудившийся интерес греков к своему западному соседу побудил их еще в IV в. до н. э. вплотную заняться историей Рима. Уже нельзя было, как прежде, не считаться с его существованием, что прекрасно понимал Тимей, посвятивший 5 книг в своей «Истории» вторжению в Италию эпирского царя Пирра

(280—275 гг. до н. э.). Вклад Тимея в римскую историографию стал определяющим, поскольку он дал пример исторического повествования с установкой, принципиально отличающейся от той, которая была типична для хроники понтификов.

Влияние греческой историографии на римскую анналистику Фабия Пиктора и Цинция Алимента несомненно. Насколько можно судить по фрагментам, которые имеются в нашем распоряжении, есть основания говорить об исократическом характере архаической историографии римлян, прежде всего в плане ее повествовательных приемов, чему в значительной степени способствовало использование первыми римскими историками греческого языка в своих сочинениях.

Появление римской историографии первоначально на греческом языке было вызвано сугубо практическими целями и потребностями внешней политики Рима. Историками двигало стремление противодействовать карфагенофильской пропаганде и, следовательно, антиримской историографии, которая пользовалась греческим языком.

Фабий Пиктор и Цинций Алимент пишут свои исторические труды по-гречески, потому что они обращаются к тому же самому миру, к которому была обращена историография, прославлявшая карфагенян, т. е. к народу, говорящему на греческом языке, позиция которого имела большое значение в войне между Римом и Карфагеном.

Выбор греческого языка для первых сочинений по истории был неслучаен еще и потому, что это был язык высочайшей образцовой культуры, который гарантировал их распространение среди эллинизированных народов Востока. Правда, при этом круг римских читателей значительно суживался, ограничиваясь немногими образованными людьми, знающими греческий язык. Впрочем, аналогичное явление отмечается и в эллинистической литературе. В начале III века до н. э. вавилонянин Берос и египтянин Манефон пишут по-гречески историю своих народов, иногда открыто полемизируя с греческими авторами.

Римскими историками эпохи борьбы с Карфагеном владело желание показать греческому миру традиционную честность римлян по отношению к своим союзникам и исключительно оборонительный характер навязанных им войн. Римлян нередко обвиняли в империалистической сущности их внешней политики, в стремлении под любым предлогом вторгнуться с оружием в чужие земли. Так, с исключительно карфагенофильской и антиримской точки зрения была написана на греческом языке история первой Пунической войны (264—241 гг. до н. э.) Филином, который, по свидетельству Полибия, в силу личной склонности и безграничной симпатии находил, что карфагеняне действовали неизменно благоразумно, достойно и благородно, между тем как римляне поступали всегда наоборот. Естествен-

но, что римские историки чувствовали необходимость в иной интерпретации своего прошлого, которая позволила бы им предстать перед другими народами в лучшем свете и отразить многочисленные обвинения в свой адрес.

Так что нет ничего удивительного в том, что направленность сочинения Фабия Пиктора была исключительно проримской и патриотической. Пропагандистский характер его истории отчетливо проявляется в объяснении причин пунических войн, среди которых он называет высокомерие и жажду власти Гасдрубала, которым всегда восхищался Ганнибал, полностью разделявший диктаторские планы своего родственника. Однако, замечает Фабий, не все в Карфагене одобряли экспансионистскую политику Гасдрубала и затем Ганнибала. Что же касается римлян, то они были вынуждены взяться за оружие, чтобы защитить себя от агрессии карфагенского войска.

Можно смело утверждать, что, помимо пропагандистской функции, сочинения первых римских историков выполняли еще и дипломатическую миссию.

Высказанное в современной науке предположение, что латинский язык в эту эпоху не был еще выработан для использования в прозаическом сочинении, представляется, на наш взгляд, маловероятным, ведь в эти же самые годы историю Рима воспевали в латинских стихах Невий и Энний. Правда, они обращались к совершенно другой публике, а именно к обществу своих соотечественников.

Между историографией и эпической поэзией этой эпохи есть много точек соприкосновения. Больше того, древняя историография, в особенности когда излагаются события очень отдаленного прошлого, может, в какой-то степени, определяться как эпос в прозе. В обоих случаях используется один и тот же эпический материал, но в эпосе откровенно сознательным является художественный замысел. Однако и у поэтов-эпиков, и у историков задача общая — прославление Рима посредством его идеализации и соединения истории его основателей с греческими легендами, что, впрочем, уже было сделано до них греческими историками. Последнее обстоятельство, кстати, могло быть одной из причин использования греческого языка римскими историками. Кроме того, в этом сознательном акцентировании древних связей римлян с грекоязычными народами, к которым обращалась древняя историография Рима, выразилось стремление первых римских прозаиков облагородить отечественную историю, сделать ее более значительной.

Первоначально интерес римских историков был сосредоточен преимущественно на истории возникновения Рима и современных событиях. Таким образом, несколько веков римской истории оказывались вне их кругозора. Эта особенность сближает древнюю историографию с историческим эпосом Невия «Пуническая война» и поэмой Энния «Анналы». События, имев-

шие место между отдаленной по времени эпохой основания Рима и недавней историей, получали в их сочинениях слабое отражение и занимали объем, не соразмерный общему объему произведения. Так, в поэме Энния, в которой повествование велось в хронологической последовательности, события, более близкие ко времени автора, излагались гораздо подробнее. Указанную поляризацию интересов отметил в I в. до н. э. Дионисий Галикарнасский у Фабия Пиктора и Цинция Алимента. Они, по его наблюдению, подробно изложили только современную историю, а события предшествовавшего времени — лишь в общих чертах.

Возникновение Рима, эпоха царей, основание италийских городов и события новейшей истории отныне становятся неизменным содержанием римской анналистики. Для периода, опускаемого историками, возможно, в то время просто не хватало документального материала. Не исключено также, что первые римские историки не ставили перед собой задачу отыскания сведений о прошлом, предшествовавшем пуническим войнам, поскольку им хотелось рассказать более всего о событиях, в которых они участвовали сами. Ведь, как уже не раз отмечалось, первые историки были не только писателями, но главным образом политическими деятелями и основными участниками излагаемых ими исторических событий.

Характерный элемент ранней анналистики — морализм. Пытаясь, например, объяснить причины пунических войн, Фабий Пиктор обращается к анализу личных качеств карфагенских полководцев, подчеркивая их надменность, властолюбие, нежелание считаться с мнением других людей. Историк тенденциозно лишает врага всякого героического ореола и умаляет его достоинства и, наоборот, повествуя о Риме, всячески восхваляет его прошлое и возвеличивает настоящее. Прославлением национальных героев ранняя римская историография сближалась также с эпической поэзией. Она сохранила и передала историкам последующих поколений чувство благоговейного уважения к Риму и его прошлому.

С научной точки зрения сочинения первых римских историков вызывают сильные сомнения в подлинности приводимых в них сведений. На первых порах, когда исторических данных не хватало, они восполнялись легендами, которые придавали героическое сияние древнейшим временам римской истории.

Однако и в отношении сравнительно недавних событий эта историография также не заслуживает полного доверия и порождает сильнейшие подозрения в ее объективности, поскольку сочинения первых прозаиков имели явно апологетический характер и были предназначены главным образом прославлять, причем не только мифологическое прошлое, но и современные события, имеющие прямое отношение к деятельности тех самых родов, к которым принадлежали сами авторы. Не исключено,

например, что именно Фабий Пиктор является создателем легенды о 306 Фабиях, которые, подобно 300 спартамцам, павшим в битве при Фермопилах, погибли в сражении с этрусскими у реки Кремеры в 477 г. до н. э.

Итак, ранняя римская историография, восходящая к традиции понтификальной анналистики, сохраняет ее летописный характер. В отличие от последней, она предназначена не для архивного хранения, а для конкретной читательской аудитории, владеющей греческим языком. Но до подлинно художественной литературы этой историографии было еще очень далеко.

Глава третья

МАРК ПОРЦИЙ КАТОН И РИМСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Историография на греческом языке Фабия Пиктора с ее аналитической установкой представляет собой резкий поворот от простой анналистической регистрации понтификов. Однако нельзя недооценивать значение летописного материала. Отказавшись от голого перечисления фактов, свойственного *Annales pontificum*, ранняя римская историография сохраняет погодную форму изложения жреческих хроник.

Несколько позже по примеру Фабия Пиктора писали исторические сочинения по-гречески Гай Ацилий и Авл Постумий Альбин.

Гай Ацилий имел плебейское происхождение. Был сенатором. По всей видимости, в совершенстве владел греческим языком. В 155 г. до н. э., во время дипломатической миссии трех греческих философов Карнеада, Диогена и Критолая, прибывших в Рим, был для них переводчиком в сенате.

Вероятно, хуже знал греческий язык Авл Постумий Альбин, патриций, консул 158 г. до н. э. Во вступлении к своему сочинению он извиняется за плохое знание греческого языка и за желание использовать его в своем труде. Его ругают Полибий и Катон. Впрочем, когда писал Альбин, Рим уже был признанным победителем в Средиземноморье и больше не нуждался в пропаганде на чужом языке. В это время начал писать свою историю на латинском языке Катон, так что практика Ацилия и Альбина, писавших по-гречески, выглядела теперь анахронизмом.

Марк Порций Катон, по прозвищу Цензор, родился в 234 г. до н. э. в Тускуле, в плебейской семье, древней, но небогатой. Катон постоянно кичился своим плебейским происхождением и тем, что он выходец из деревни. Его детство и юность прошли в Сабине, в маленьком имении, оставленном ему отцом, который умер, когда Катон был еще совсем молодым.

Вероятно, около 209 г. до н. э. Катон прибыл в Рим, где благодаря своей энергичности быстро сделал военную и политическую карьеру. В 204 г. он был квестором при Публии Корнелии Сципионе, который, являясь проконсулом в Сицилии, готовил военную экспедицию в Африку. Еще до битвы при Заме (202 г.) Катон побывал в Сардинии, откуда он привез в Рим Энния, будущего создателя римского национального эпоса в стихах «Анналы». Впоследствии Катон избирался народным трибуном, претором и в 195 г. консулом. Получив по жребию в управление провинцию Испанию, он подавил там крупное восстание и заслужил триумф.

С 184 г. до н. э. он занимал должность цензора, прославившись в этой должности необычайной суровостью. Впрочем, Катон всегда выступал как непреклонный сторонник римских традиций. Во имя незыблемости староримских обычаев он обрушивался на нобилитет, которому любил противопоставлять свое низкое происхождение, суровость воспитания, простоту жизни. Особенно враждебен он был приверженцу греческой культуры Сципиону Африканскому и его окружению.

Катон боролся со Сципионом, видя в нем возможного диктатора и ревностного поборника распространения в Риме эллинизма. Кроме того, он считал, что экспансионистская политика Сципиона наносит непоправимый вред Риму и особенно италийскому сельскому хозяйству. Своими действиями Катон вынудил Сципиона Африканского удалиться в добровольное изгнание.

С непримиримостью, доходящей до фанатизма, он осуждал любое превышение власти, любую форму проявления роскоши. При этом он навлек на себя такую ненависть, что 44 раза привлекался к суду, но ни разу не был осужден.

В контактах Рима с эллинистическим Востоком ему виделась угроза чистоте древних нравов, поэтому он был врагом всех тех, кто, как ему казалось, забыл здоровые традиции отцов ради нравов, импортируемых из-за моря. Когда в 155 г. до н. э. в Рим прибыло знаменитое посольство трех греческих философов Диогена, Критолая и Карнеада, которые имели особенно большой успех в сципионовском окружении, Катон на основании того, что их теории развращают римскую молодежь, добился в сенате, чтобы философы были высланы из Рима. Он всячески противодействовал проникновению эллинистической культуры, которая вопреки его усилиям стремительно распространялась в Риме.

Культура и образованность самого Катона, хотя он этого и не признавал, формировались под сильным влиянием эллинизма. По свидетельству Цицерона, Катон в старости изучал греческий язык. По всей видимости, это — всего лишь легенда, в которой эллинизм пытался взять запоздалый реванш над своим самым заклятым врагом. Но вся деятельность Катона предполагает знание греческой культуры, что особенно демонстрирует его большое историческое сочинение «Origines» («Начала») в семи книгах, к сожалению, утраченное для нас (мы располагаем лишь его немногочисленными фрагментами).

«Origines» — последнее произведение Катона. Над ним он работал с 168 г. вплоть до своей смерти (149 г. до н. э.). Этот исторический труд является самым показательным для понимания личности писателя. Название, выбранное Катонем для своей истории, — единственное в своем роде в римской историографии. Обычно римские историки озаглавливали свои сочинения, используя названия *Annales*, *Res gestae*, *Historiae rerum gestarum* и т. д. Заглавие «Origines» вызывает в памяти название *ktiseis* («основание», «начала»), обычное для многих греческих сочинений. Трудно предположить, что сведения, которые приводил Катон, особенно об основании италийских городов, не восходили к греческим источникам.

1-я книга катоновских «Начал» была посвящена основанию Рима, 2-я и 3-я — основанию италийских городов. Содержание этих трех книг обусловило название всего сочинения. В последующих (с 4-й по 7-ю) книгах излагалась история Рима, начиная от первой Пунической войны до 152 г. до н. э. Катон считал, что римская история V—IV вв. должна занимать минимальное место в его «Началах». Сходная поляризация историографических интересов уже была нами отмечена для предшествующей анналистики на греческом языке.

Во многих отношениях «Начала» представляли собой нечто новое в римской историографии. До Катона еще никто не писал исторических сочинений в прозе на латинском языке. Впрочем, использование латыни, как и само построение этого произведения, является лишь внешним отражением совершенно иной исторической концепции, совершенно иного этического-политического мышления. В то время как во всей предшествующей анналистике, целиком посвященной представителям правящего класса, выделялась прежде всего деятельность полководцев, как правило, патрициев, Катон в своей истории нигде не называл имен вождей, ни римских, ни иноземных, считая, что подвиги совершаются не отдельными людьми, а всем войском или народом.

С этим исключительным значением, которое Катон придает народным массам, обрекая на безымянность выдающихся военных и политических деятелей, резко контрастирует то, что он включает в свое сочинение некоторые речи, произнесенные

когда-то им в сенате, и вообще весьма нескромно говорит о собственной политической деятельности. Впрочем, от такого страстного и активного человека, каким был в жизни Катон, было бы совершенно абсурдно ожидать историческое сочинение, совершенно оторванное от личности самого автора, историю, в которой не господствовала бы идеология ее автора. К тому же само писание истории Катон расценивал как прямое участие в жизни современного ему общества.

Самое примечательное в катоновской историографии — то огромное значение, которое придется в ней истории итальянских городов. Как видно из дошедших фрагментов, Катон рассказывал не только о происхождении городов, но и о той роли, которую итальянцы и их армии сыграли в победах Рима.

Как уже говорилось, римская историография с первых своих шагов характеризовалась моралистическим подходом к излагаемому материалу и философскими размышлениями о нравах и обычаях народов, что сближает ее с сократическим направлением в греческой историографии. Этот аспект, еще более усиленный Катонем, придает его «Началам» ярко выраженную этнографическую окраску.

Исследование итальянских племен, их обычаев и традиций отвечало реальным интересам провинциала Катона, который ощущает себя прежде всего итальянцем и только потом римлянином. Повсюду в своем сочинении он подчеркивал враждебность итальянских провинциалов римскому господствующему классу.

Насколько мы можем судить по единственному уцелевшему сочинению Катона «О сельском хозяйстве» и фрагментам других произведений, он сознательно архаизирует свой стиль, создавая впечатление сжатости, деловитости и лаконичности, а временами торжественности. Особенности этого архаизированного стиля являются многочисленные аллитерации, паронимы, гомотелевтон, повторы, четкое построение фразы, т. е. черты, характерные для произведений, рассчитанных на исполнение голосом и на слуховое восприятие. Возможно, этим отчасти объясняется пристрастие Катона, опытного и плодовитого оратора, к вставным речам, о которых речь шла выше.

Однако принципиальная новизна «Начал» Катона состоит в том, что он впервые в римской историографии начал использовать латинский язык. Фабий Пиктор и Цинций Алиммент писали по-гречески, преследуя дипломатические и пропагандистские цели, в чем потребность постепенно отпала, а вместе с ней — необходимость употреблять в историческом сочинении греческий язык.

Решительно выступая против эллинизации римской культуры, Катон неустанно заботился о чистоте римских традиций и сохранении нравственных ценностей предков, и его обращение к латинскому языку играло здесь не последнюю роль.

С изменением внешнеполитической ситуации изменилась публика, которой предназначались труды историков. Теперь это был уже не грекоязычный, а латиноязычный читатель или, точнее, учитывая технику чтения древних вслух, слушатель. Правда, еще находились в Риме историки, продолжавшие писать свои сочинения по-гречески. Катон подвергает их острой и беспощадной критике, не скупясь на весьма резкие выражения. Образчиком такой едкой критики может служить та, которую навлек на себя Авл Постумий Альбин, во вступлении к своему труду приносящий читателям извинения за плохое знание им греческого языка. «Ты, Авл, действительно глуп, если предпочел извиниться за вину, чем избежать ее. В самом деле, обычно просят извинения за ошибку, допущенную по неведению, или за погрешность, к которой нас вынуждает необходимость. Но кто тебя принудил совершать проступок, за который ты должен просить прощения еще до того, как совершить его» (Авл Геллий, 11,8).

Признаком изменившихся времен может служить тот факт, что тот же Авл Постумий Альбин за свою грекоманию стал объектом осмеяния в «Истории» Полибия (39, 1, 12). Полибий пишет о нем как о человеке сластолюбивом и изнеженном, который в своем увлечении эллинским образованием и языком переступал всякую меру и, подражая наихудшему в эллинизме, возбудил к нему враждебность добропорядочных римлян.

Примеру Катона, написавшего для своих соотечественников историю на их родном языке, без колебания последовали Луций Кассий Гемина, Луций Кальпурний Пизон Фруги, Гай Фанний, Гней Геллий и др. Они излагали историю Рима по уже ставшей традиционной схеме от мифа о его возникновении до событий, свидетелями которых они были сами. Чаще всего своим сочинениям они давали название «Анналы», наиболее понятное и естественное для исторического повествования на латинском языке, ведь таким образом устанавливалась прямая связь с национальными истоками.

У всех этих историков рассказ начинался с прибытия в Италию Энея и его героических деяний. События, следовавшие за основанием Рима до пунических войн, излагались очень сжато. Эта, уже отмеченная нами, поляризация излагаемого материала в римской исторической прозе III—II вв. до н. э. отражает характерное для греческого менталитета и лежащее в основе исторической мысли греков представление о прямой связи между миром истоков и настоящим временем через парадигматическую ценность мифа. Поведение мифологического персонажа становится нравственным образцом, которому надлежит следовать в общественной и частной жизни. Это представление нашло благоприятную почву и в римском мире. Поэты и прозаики постоянно ссылаются на чистоту нравов, умеренность и про-

стоту образа жизни, присущие эпохе возникновения римской государственности.

Символом умеренности и чистоты нравов стал Ромул, первый царь римлян, с которого началось политическое и военное восхождение Рима. Типичной иллюстрацией такого отношения к легендарному герою может служить описание личных черт и привычек, свойственных Ромулу в повседневной жизни, в истории Луция Пизона Фруги. Авл Геллий пишет: «С достойной любви простотой мысли и языка Луций Пизон Фруги в первой книге „Анналов“ рассказывает об образе жизни царя Ромула. Вот его буквальные слова: „Говорят, что тот же самый Ромул, приглашенный на ужин, пил мало по той причине, что на следующий день его ожидали важные дела“. Ему говорят: „Ромул, если бы все вели себя таким образом, вино стало бы дешевле“. Он ответил: „Напротив, оно стало бы, в самом деле, дорогим, если бы каждый мог пить, сколько он пожелает, а я выпил сколько хотел”» (11, 14).

Нравам предков римские историки сознательно противопоставляют новые нравы, проникшие в римское общество в результате прямого контакта с греческим Востоком, в чем моралисты типа Катона видели реальную угрозу нравственным устоям Рима и с чем они связывали упадок гражданского и политического сознания римлян. Так, Пизон Фруги, обличая в «Анналах» современные нравы, сокрушается по поводу распространения в Риме роскоши, развращенности, склонности молодежи к эротическим наслаждениям.

Парадигматическая связь между мифологическим прошлым и современной действительностью окрашивается в трудах римских историков чувством недоверия к настоящему, вплоть до осознания ими необратимости духовного кризиса, охватившего общество. Таким образом, были заложены основы той пессимистической концепции истории, которая пронизывает всю римскую культуру, приобретая трагическое звучание в трудах Саллюстия и Тацита.

По примеру Катона, речи исторических личностей вводил в свои «Анналы» Гай Фанний, консул 122 г. до н. э. Он отстаивал пользу истории, причем не дидактическую, а политическую. В первой книге своего сочинения Гай Фанний, вслед за Полибием, провозглашает необходимость историку иметь непосредственный опыт в политической деятельности: «Когда из деятельной жизни мы в состоянии извлечь урок, многие вещи, которые в настоящий момент кажутся положительными, оказываются впоследствии отрицательными, и многие оказываются совершенно непохожими на те, какими они казались раньше» (Priscian, XIII p. 960 P. 8 H G).

Замена в римской историографии греческого языка на латинский не повлекла, однако, за собой принципиального отказа от основных повествовательных приемов, которых до сего

времени придерживались римские историки. Пример Тимея, уделявшего большое внимание способу изложения, не только не потерял своего значения, больше того, его влияние постепенно усиливается. Доказательством могут служить вышеприведенный отрывок из «Анналов» Пизона Фруги, в котором описано поведение Ромула на пиру, или рассказ о добровольном самопожертвовании и воинской доблести римского трибуна в «Началах» Катона (Авл Геллий, 3, 7). Эти описания имеют подчеркнута миметический и драматический характер.

Несмотря на то, что Катон демонстративно отказался от стилистических поисков и совершенствования своей прозы, заявив, что слово должно быть лишь простым средством для выражения мысли («держись сути, слова приложатся»), для римских историков уже назрела острая потребность в широком применении стилистических принципов, сложившихся в греческой историографии и сократического направления.

Глава четвертая

НА ПУТИ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Первый римский автор, который почувствовал потребность в формальной отделке исторического повествования на латинском языке, — Луций Целий Антипатр. Он стал подлинным новатором в римской историографии. Сухому перечню сведений Целий Антипатр предпочел изображение окружающей обстановки, моралистические наставления, психологические портреты персонажей, иногда идеализированные, чтобы создать символический образ добродетели и порока. Он любит красочные рассказы с элементами вымысла и картины, дающие возможность извлечь уроки морали.

Теперь уже и римляне под влиянием греческой историографии видят цель истории в том, чтобы наставлять, учить доблестям отцов, воспитывать читателя на примерах, достойных подражания. Не отказываясь от задачи честно информировать читателя, эта историография полагает, однако, что украшения и риторические фигуры не вредят истине, а, наоборот, помогают довести ее до сознания читателей, привлекая и завоевывая их внимание.

Вместо того чтобы обращаться, как это делали историки предшествовавших поколений, к происхождению и истокам Рима, новые историки сосредоточиваются на ограниченных пе-

риодах времени из современной истории. События более отдаленных времен они дают в виде экспозиции, набрасывая их в общих чертах, как бы делая уступку или отдавая дань традициям анналистики, чтобы затем более пространно трактовать историю своего времени.

Целий Антипатр около 110 г. до н. э. написал историю второй Пунической войны в семи книгах. Стремясь дать своему изложению прочную основу объективного исторического исследования, он обращался к разным источникам, причем не только римским, но и греческим, имевшим проганнибаловскую направленность. Однако, несмотря на стремление к точности, он не исключает из своей истории чудесное и сверхъестественное, нередко задерживаясь на рассказах о снах, предсказаниях, таинственных явлениях, что, видимо, отвечало его литературному замыслу. Причем делает он это с явным удовольствием.

Цицерон так сообщает нам о его стилистических притязаниях на изящество изложения: «Только славный Антипатр... придал истории более возвышенный тон, а все остальные писали не художественную историографию, а простой рассказ о событиях» («Об ораторе», 2, 12. 54).

Вот, например, как Целий Антипатр изображает отправку римского войска в Африку: «От крика воинов птицы падали на землю, и столько народу взошло на корабли, что казалось, будто в Италии и в Сицилии не осталось ни одного смертного» (см.: Тит Ливий, 29, 25, 1). Ввиду скудости фрагментов, дошедших до нас от сочинения Целия Антипатра, мы не в состоянии дать окончательное заключение о фактических результатах его стилистического опыта. Нет лишь сомнения в том, что в своей деятельности историка он присоединился к сократическому направлению в историографии, отмеченному печатью риторического искусства.

Другую позицию занял Луций Семпроний Азеллион, который в своем историческом сочинении соблюдал принципы аполитического метода, характерного для творчества Полибия. Политический деятель, он входил в кружок Сципиона Эмилиана, центр всей духовной жизни Рима того времени. Здесь он имел возможность познакомиться с греческим философом Панетием и римским сатириком Луцилием.

Нет никакого сомнения в том, что Семпроний Азеллион знал лично Полибия и, насколько мы можем судить по сохранившимся фрагментам, разделял его концепцию истории прагматического типа.

В качестве военного трибуна под начальством Сципиона он участвовал в Нумантийской войне в Испании (134 г. до н. э.). События, участником и свидетелем которых он был, Азеллион изложил в сочинении, которое называлось «Res gestae», по другим свидетельствам, — «Historiae» и состояло по меньшей мере из 14 книг. Изложение в нем, по всей видимости, доводилось

до 91 г. до н. э. Из фрагментов можно заключить, что стиль его был довольно-таки грубым, если не сказать солдафонским, значительно уступаая стилю Целия Антипатра.

Во вступлении к своей истории Семпроний Азеллион заявляет о том, что недостаточно изложить факты по годам, нужно объяснить их сущность, выяснить цели и намерения главных участников событий: сухой перечень внешних событий не может способствовать прославлению выдающихся деяний и стимулированию к труду на благо римской республики.

Вот его слова, сохраненные автором II в. н. э. Авлом Геллем: «Различие, которое существует между теми, которые вознамерились писать анналы, и теми, которые силились в исчерпывающей манере обрабатывать деяния, совершенные римлянами, главным образом следующее: анналы ограничивались изложением событий каждого года в манере тех, которые писали дневник, т. е. то, что греки называли *ephemeris*. Мне кажется, что недостаточно рассказывать только о том, что произошло, но что нужно выяснить также смысл и логику, которые лежат в корне отдельных происшествий... В самом деле, анналы не могут никого побудить ни к тому, чтобы быть более готовым к защите государства, ни к тому, чтобы быть более осторожным в отношении неосмотрительных поступков. Писать же, при каком консуле началась война, при каком окончилась, кто справил триумф и что случилось на войне, не указывая, что тем временем постановил сенат, какой закон был предложен, как эти начинания были встречены — все это означает рассказывать детям сказки, а не писать историю» («*id fabulas pueris est narrare, non historias scribere*» — 5, 18, 8—9).

Здесь четко противопоставлены два разных способа исторического повествования: один представляет собой простое изложение фактов, другой, аналитический и доказательный, направлен на углубленное исследование причин событий. Первый способ определен Семпронием Азеллионом как *annales relinquere*, второй — *res gestas perscribere*. Таким образом, впервые в римской литературе были поставлены вопросы, связанные с теорией историографии.

Полемические стрелы Семпрония Азеллиона направлены не столько против анналистики жрецов-понтификов, сколько против всех тех предшествовавших и современных римских историков, которые ограничивались простым изложением событий без попытки проанализировать их причины. Говоря об историках, которые рассказывают сказки (*fabulas*) детям, а не пишут историю, Семпроний Азеллион имеет в виду приверженцев историографии сократического направления, способных эмоционально захватить и увлечь аудиторию описанием событий и ситуаций, вызывающих удивление и изумление, что присуще прежде всего обычаям, нравам, легендам, сновидениям, чудесам и т. п. Не исключено также, что в слове *fabulas* содер-

жится указание на драматические произведения, изобилующие всеми вышеуказанными компонентами.

Как мы видим, к концу II в. до н. э. в римской историографии четко определились два направления: одно представлено Семпронием Азеллионом, который становится наследником и глашатаем аподиктического метода Полибия; другое — Целием Антипатром, который, прилагая к латинскому языку стилистические принципы греческой риторики, продолжил в римской историографии линию Исократ.

Глава пятая

ПОИСК НОВЫХ ФОРМ

Политическая история Рима второй половины II в. до н. э. была отмечена глубоким общественным кризисом. Попытки братьев Гракхов осуществить земельные реформы в интересах широких слоев разоряющегося крестьянства привели к обострению социальных отношений во всех сферах общественной жизни, восстаниям и длительным гражданским войнам. Все эти события значительно преобразовали римскую историографию. До сих пор она была почти целиком направлена на такую интерпретацию исторического прошлого, которая отвечала бы потребностям исключительно господствующего класса, полностью отождествлявшего себя с римской республикой.

Новая политическая реальность вынуждала к иному осмыслению происходящих событий, причем в плане не столько их нравственного, сколько конституционного и философского содержания. В это время идет размежевание историков на тех, кто принял сторону Гракхов, и тех, кто выступил против них. Представители антигракханской историографии, включая свои рассуждения в общую тему «упадка нравов», видят в деятельности Гракхов мелкие личные мотивы или низкое честолюбие интриганов, между тем как историки, стоявшие на противоположных позициях, пытаются разглядеть в их действиях серьезные основания, понять социально-экономическую подоплеку событий.

Не случайно именно в последние десятилетия II в. до н. э. в римской историографии появляется форма, для которой характерен монографический подход к материалу, когда изображаются отдельные события или лица и, наряду с поиском идеальных образов, делается попытка извлечь из римской истории

этические уроки и дать на ее основе картину нравов. Эта историография уже не ограничивается, как прежде, показом исключительно внешних событий, а обращает внимание и на проблемы внутренней жизни. Новое поколение историков уже не обращается к легендарному прошлому Рима, а предпочитает исследовать события по времени более близкие, даже современные авторам.

Появление истории Целия Антипатра, целиком посвященной второй Пунической войне, знаменовало переход от традиционной анналистики к монографическому изложению исторического материала.

Самой значительной из форм исторического повествования, рожденных на волне новой политической реальности, была автобиография — жанр, которому была уготована замечательная судьба в римской литературе. Конечно, автобиографии этого времени были еще весьма далеки от той глубины мысли и той тонкости самоанализа, которые мы находим, например, в сочинениях Марка Аврелия и Августина.

Зарождение автобиографического жанра в римской литературе было вызвано, по всей видимости, интересами как личными, так и политическими: желанием защищаться или атаковать противника, выставляя его на всеобщее обозрение в неприглядном свете. Появление автобиографии предполагает утверждение в римском обществе отдельной личности, которая приобретает в жизни коллектива особое значение. Это одна из самых существенных черт всей римской культуры (начиная со сципионовской эпохи) хорошо объясняет, почему литературный жанр автобиографии процветает с большим успехом в Риме, чем в Греции. (Как и во многих других случаях, греческая литература давала здесь замечательные примеры, среди которых видное место занимал «Анабасис» Ксенофонта.)

Возможностями нового исторического жанра воспользовалась в политических целях прежде всего сенатская аристократия, чему в немалой степени способствовали традиции хвалебного красноречия в форме «погребального восхваления» (*laudatio funebris*). В Риме издавна существовал обычай произносить перед могилой умершего похвальную надгробную речь — элогий. Она произносилась одним из членов семьи или, в случае публичных похорон, каким-нибудь должностным лицом.

В элогии превозносилась, что вполне понятно, деятельность умершего, а также деяния и подвиги его предков. Таким образом, получалась своеобразная героическая история семьи. Сначала эти речи, видимо, не записывались, однако очень скоро их стали включать в архивы знатных римских семей, что содействовало созданию фамильных хроник (речь о них шла выше), которые в силу своего происхождения и назначения не могли быть объективными. Тем не менее первые римские историки были вынуждены обращаться к этим источникам и неувиди-

тельно, что Цицерон и Ливий порицают «погребальные восхваления» за то, что в них искажается и фальсифицируется история.

На рубеже II—I вв. до н. э. автобиографии писали Марк Эмилий Скавр, консул 115 г. до н. э., Публий Рутилий Руф, консул 105 г. до н. э., последователь стоицизма, изгнанный в Малую Азию в 92 г., где он умер после 78 г. до н. э., и Квинт Лутаций Катул, игравший заметную роль в культурной жизни Рима. Их произведения имеют апологетический характер. Первый из названных авторов защищался от обвинений демократической партии. Второй, несправедливо отданный под суд за вымогательство ненавидящей его денежной аристократией, которую он восстановил против себя, обуздывая в Малой Азии злоупотребления откупщиков налогов, объяснял в своем сочинении свои действия в провинции. Третий требовал свою долю заслуг в победе над кимврами, которых он победил в 101 г. до н. э. вместе с Марием.

Говоря о создателях автобиографий, не следует забывать о Луции Корнелии Сулле (138—78 гг. до н. э.), который написал «Мемуары», прерванные на 22-й книге из-за смерти автора и законченные его вольноотпущенником Корнелием Эпикадом. По всей видимости, это была не автобиография в буквальном смысле слова, хотя ее направленность была явно апологетическая, а особый жанр «записок» (*commentarii*), предназначенный снабжать материалом других историков.

Рядом с новыми историографическими формами продолжали создаваться анналы. Еще находятся невосприимчивые к проблемам изменившегося времени историки, которые пишут свои сочинения, следуя традиционной схеме, т. е. обращаются к истокам Рима и его возникновению, располагая события в хронологической последовательности в форме летописи, не пытаясь при этом понять их внутреннюю связь, причинно-следственные отношения между ними, не отделяя главное от второстепенного, не заботясь о психологической мотивировке поступков людей.

В начале I в. до н. э. «Анналы» пишет Валерий Анциат. Его труд очень объемистый и многотомный (не менее 75 книг) изобиловал сведениями в высшей степени малодостоверными, потому что в своем стремлении возвеличить отечество и сделать деяния Рима более грандиозными историк часто искажал факты, особенно это касалось цифровых данных о пленных, убитых и военной добыче. От «Анналов» Валерия Анциата дошло небольшое число фрагментов, по которым можно судить о преобладании в них риторико-драматических элементов. Но главной особенностью этого сочинения с политической установкой явно олигархического характера было возвеличение рода Валериев в истории Рима.

Возобновление практики архаической историографии черпать сведения из семейных архивов имело после событий гражданской эпохи неоценимое значение для римской истории, так как

позволило историкам восполнить пробелы анналистики, особенно ощутимые для промежутка между падением в Риме царской власти и началом первой Пунической войны, в частности, для периода борьбы патрициев и плебеев. Освещение этих событий теперь отвечало политическим убеждениям авторов.

На позициях, противоположных позициям рода Валериев, находились Клавдии, представитель которых Квинт Клавдий Квадригарий пишет «Анналы», ограничивая свое изложение более узким отрезком времени — от нашествия на Рим галлов (390 г. до н. э.) до современных событий. Возможно, в основу своего сочинения он положил «Анналы» Гая Ацилия, повествование в которых было доведено до середины II в. до н. э. Не исключено, что в процессе работы над историей Клавдий Квадригарий перевел с греческого на латынь труд своего предшественника. Наиболее оригинальной была та часть «Анналов», в которой он излагал события своего времени.

В отличие от Гая Ацилия, который располагал материал в однообразной анналистической последовательности, предусматривающей для каждого года сначала отчет о положении в провинциях и войсках, затем перечень необычайных явлений, обзор военных кампаний, дискуссии по вопросам внутренней политики и, наконец, информацию о посвящении храмов и публичных играх, ежегодно проводимых в честь римских богов, Клавдий Квадригарий, по всей видимости, стремился разнообразить свой рассказ и сделать его доставляющим удовольствие путем введения в него речей, писем и анекдотов, пользуясь при этом языком простым и ясным, лишенным внешних украшений. Являясь как бы посредником между двумя фазами развития римской историографии, Клавдий Квадригарий в какой-то степени предвещает ее обновление.

Политические события конца II в. до н. э. — начала I в. до н. э. раскололи римское общество на две партии: оптиматов, представителей старой аристократии, защитников авторитета сената, и популяров, объединивших широкие слои населения и опиравшихся в своих действиях на решения народного собрания. Если Валерий Анциат и Клавдий Квадригарий разделяли взгляды оптиматов, то противоположной политической ориентации придерживался Гай Лициний Макр, отец оратора и поэта Лициния Кальва. Будучи народным трибуном, он сражался за восстановление трибунских прав, урезанных сулланским законодательством. Обвиненный в 66 г. до н. э. в злоупотреблении своей властью и вымогательстве, он покончил с собой.

«Анналы» Лициния Макра состояли, по всей вероятности, из 16 книг, в настоящее время утраченных. В первых двух книгах сжато излагалась древнейшая история до войны с Пирром включительно, в остальных — события более современные. У Лициния так же, как у Валерия Анциата и Клавдия Квадригария, просматривается тенденция возвеличить роль своего рода

в истории Рима. В «Анналах» Лицинии были представлены как защитники прав плебса в борьбе патрициев и плебеев, развернувшейся в IV в. до н. э.

Следует отметить, что, несмотря на свою тенденциозность Лициний Макр, в отличие от Анциата и Квадригария, точнее передает исторические факты. Известно, например, что доступ плебеев к занятию консульской должности действительно был обеспечен законом, представленным в 367 г. до н. э. трибуном Г. Лицинием Столоном.

Вызывает интерес рационалистический подход Лициния к трактовке самого известного в римской истории мифа о близнецах Ромуле и Реме, чудесным образом вскормленных волчицей. По всей видимости, историк отождествлял древнейшее италийское божество Акку Ларенцию с женой пастуха Фавстула, нашедшего близнецов, поскольку им обоим приписывалась роль кормилицы братьев. Так как жена пастуха благодаря своему легкому поведению имела грубое прозвище *Lupa* («волчица» в смысле: блудница), речь должна идти не о легендарной волчице, а о реально существовавшей женщине.

Несмотря на то, что уже в век Суллы историография заметно эволюционировала, склоняясь к более научным и современным методам исследования, она тем не менее еще была отмечена неприкрыто риторической тенденцией в ущерб общей объективности оценок. Примером такой историографии может служить история Сизенны.

Луций Корнелий Сизенна (ок. 120—67 гг. до н. э.) — весьма крупная фигура в римской историографии. Его деятельность приходится на стык двух эпох. Он написал сочинение, озаглавленное «*Historia*» и состоявшее, вероятно, из 23 книг, почти полностью утраченных. В этом сочинении после краткого изложения событий предшествующей эпохи, которые не занимали полностью даже первой книги, довольно пространно излагались события с 91 г. до смерти Суллы (78 г. до н. э.), т. е. история Союзнической войны (91—88 гг. до н. э.), которую вел Рим со своими италийскими соседями, и гражданской войны между Марием и Суллой.

Человек знатного происхождения, претор 78 г. до н. э., воин, оратор и историк, Сизенна был убежденным оптиматом и сулланцем. В изложении событий, в которых он сам принимал участие, Сизенна не стремился к объективности. Герой его истории — Сулла; ему Сизенна отводил главное место в своем повествовании, нередко доходя до подробностей романического и сказочного характера, как это было принято у историков, писавших об Александре Великом. Образцом ему служили греческие сочинения, например, весьма читаемый в Риме труд Клитарха, написавшего около 310 г. до н. э. о деяниях македонского царя. Наряду с легендарным материалом, в истории Си-

зенны было немало философских рассуждений, верных сведений о внешней и внутренней политике Рима.

Стиль Сизенны несколько вычурный, повествование изобиловало сложными словами и терминами, правда, весьма, колоритными. Он любит архаизмы, но это не мешает ему создавать смелые неологизмы в напыщенной манере. Из-за своей склонности к замысловатости он представлен Цицероном как *emendator sermonis usitati* (исправитель обиходной речи), т. е. как человек, пристрастный к манерной речи. Цицерон считал Сизенну историком наиболее значительным в римской литературе, хотя далеким от совершенства.

Как уже отмечалось, в век Суллы у некоторых римских историков проявляется готовность отойти от традиционных способов изложения исторического материала и тяга к поиску таких форм, которые отвечали бы задачам новой историографической концепции. Так, в Риме приобретают право на существование жанры монографии и автобиографии. С возросшим значением роли отдельной личности в политической жизни наряду с автобиографическим жанром в римской литературе получает распространение и признание жанр биографии. В целом этот жанр был чужд архаической культуре римлян, по причине отсутствия у них особого интереса к личности самой по себе, хотя определенные биографические элементы имелись и в похвальных надгробных речах и в *tituli* (подписях), которые делались под портретами знаменитых людей, отголосок которых ощущается в «*Imagines*» Варрона.

Человек энциклопедической образованности и необычайной широты интересов, Марк Теренций Варрон Реатинский (116—27 гг. до н. э.) отличался невероятной литературной продуктивностью. Среди огромного числа написанных им сочинений есть одно под названием «*Imagines*» («Портреты»), содержавшие 700 биографий, или, точнее, портретов прославленных личностей. Каждый портрет сопровождался элогием в стихах и кратким комментарием в прозе. Все знаменитости были разделены на группы (цари и герои, государственные деятели, поэты, прозаики, актеры и т. д.), каждой отводилось по 2 книги; одна была посвящена изображениям римлян, другая — неримлян (по большей части греков).

Как самостоятельный литературный жанр биография появилась в Риме еще до публикации варроновских «Портретов», для этого уже имелись все необходимые условия, прежде всего выдвижение в общественной жизни отдельных фигур полководцев и политических лидеров, вроде Сципионов, Гракхов, Суллы, Помпея, Цезаря.

И в этот раз, как уже было прежде, римские историки обратились к богатому опыту греков, в литературе которых давно сложилось несколько типов биографий, предназначенных для конкретной аудитории и выполняющих определенную роль в

общественной жизни. Следуя классификации современных ученых, можно выделить следующие разновидности биографического жанра у греков. Биография *поэтическая*, реконструированная на основе сведений, содержащихся в стихах архаических поэтов-лириков. Биография *анекдотическая*, цель которой — портретное изображение характера, воссоздание физического и нравственного облика политика или деятеля культуры. Биография *философская*, сосредоточенная на создании этико-психологического образа личности (например, платоновская «Апология Сократа»). Биография *политико-идеологическая* — близкая к жанру энкомия, гимну в честь определенного лица, рисующая в светлых тонах портрет полководца и политика (например, «Агесилай» Ксенофонта или «Евагор» Исократ). Наконец, биография *схоластическая*, которая, основываясь на результатах ученых изысканий эллинистических филологов, вылилась в форму критико-библиографических очерков, предваряющих издания классических текстов.

Естественно, что точки соприкосновения с историографией имели главным образом жизнеописания военных и политических деятелей. Греческие историки охотно использовали в своих сочинениях биографический материал такого рода. Но если в историографии исократического направления, отмеченной моралистической и педагогической установкой, биографическим данным и психологическим портретам исторических личностей отводилось значительное место, то в историографии прагматического направления привлекались лишь те сведения, которые были свободны как от очернительской, так и панегирической окраски.

В Риме становление биографии прошло в русле автобиографии, в виде дополнения, сделанного Корнелием Эпикадом, вольноотпущенником Суллы, к мемуарам диктатора. Несколько позже Луций Вольтацилий Пилут, вольноотпущенник Помпея Великого, составил в нескольких книгах биографии своего патрона и его отца Гнея Помпея Страбона. Но это еще были биографии разрозненные. Первым римским автором, составившим серию биографий на латинском языке по образцу эллинистических сборников, стал Варрон Реатинский со своими «Портретами». Его современником был некий Сантра, написавший книгу «О знаменитых людях». От их сочинений лишь частично сохранились биографии, принадлежащие перу Корнелия Непота.

Корнелий Непот родился в Цизальпийской Галлии (точная дата рождения неизвестна, возможно, ок. 100 г. до н. э.). Умер во время правления Августа. Он был в дружбе с Титом Помпонием Аттиком, Цицероном и поэтом Катуллом, посвятившим ему книгу своих стихотворений. Эти столь разные дружеские связи говорят о широте культурного кругозора Корнелия Непота, который писал стихи эротического содержания, зани-

мался изысканиями антикварного характера, но в основном сосредоточился на истории.

Известно о его сочинении под названием «*Chronica*» («Хроника»), состоявшем из трех книг. Однако мы не знаем, было ли оно написано в стихах, как произведение Аполлодора Афинского (II в. до н. э.), послужившее ему образцом. «Хроника» представляла собой компендий — краткое изложение в хронологическом порядке всеобщей истории от мифологических времен до современных автору событий. Достоинно внимания то, что Корнелий Непот, вслед за Аполлодором, излагал не только исторические события, но касался также вопросов литературы. Вскоре эта традиция будет продолжена историком Веллеем Патеркулом. По всей видимости, «Хроника» служила источником сведений для историков последующих поколений (Ливия, Плутарха). От этого сочинения дошли немногочисленные фрагменты.

Лишь фрагменты сохранились и от другого произведения Непота «*Exempla*» («Примеры»), сборника рассказов, дающих примеры добродетели и порока, подобранных, видимо, так, чтобы их можно было использовать с педагогической целью. Сведения из этого сборника были использованы Валерием Максимом и Плинием Старшим.

Самым оригинальным произведением Корнелия Непота было «*De viris illustribus*» («О знаменитых людях»), в котором он собрал биографии выдающихся личностей, распределив их, по примеру «Портретов» Варрона, по группам: цари, полководцы, поэты, ораторы, историки, философы, юристы, грамматики и ученые. Каждой группе отводилось 2 книги: одна была посвящена римлянам, другая — иноземцам. Сопоставление разных культур имело определенную новизну. Сравнивая обычаи и нравы различных народов с вековыми традициями римлян и отдавая дань последним, Непот хотел помочь своим соотечественникам избавиться от всего провинциального, что еще сохранялось в их культуре, и способствовать их приобщению к мировой цивилизации.

От этого обширного сочинения до нас дошла только книга об иностранных полководцах «*De excellentibus ducibus exterarum gentium*» («О выдающихся полководцах иноземных народов»). Она содержит 22 биографии: 19 — греческих исторических деятелей, 1 — перса Датама и 2 — карфагенян Гамилькара и его сына Ганнибала. Кроме того, мы располагаем кратким списком чужеземных царей-полководцев (*De regibus*) и жизнеописаниями Катона Цензора и Тита Помпония Аттика, извлеченными из книги о римских историках («*De Latinis historicis*»).

Следуя античной концепции биографии, Корнелий Непот дает галерею образцовых фигур, являющихся примерами какой-то определенной добродетели. Он стремится не столько к исторической точности, сколько к назиданию читателя. Его

цель — удовлетворить любопытство читателя занимательными и многозначительными анекдотами из жизни великих людей, хорошо показывающими их нравы и характер.

Написанные в легком повествовательном стиле, в котором, хотя и чувствуется влияние Цицероновской прозы, тем не менее хватает небрежностей и шероховатостей, биографии Непота с их психологической и поучительной установкой обращены к невзыскательной аудитории, которая довольствуется простой и поверхностной информацией популярного и анекдотического свойства, удовлетворяющей скорее любопытство, чем любознательность. Все это способствовало широкому распространению многочисленных образчиков сочинений подобного рода. Неудивительно, что Корнелия Непота охотно читали на протяжении всей античности.

Что-то вроде компендия всемирной истории написал в это же время Тит Помпоний Аттик. Он родился в Риме в 109 г. до н. э. в семье всадника. Умер в 32 г. до н. э. в Риме, долгое время прожив в Афинах. Он был всеми любим и почитаем. Прозвище «Аттик» он получил за свою образованность и совершенное владение греческим языком. Хотя он жил в один из наиболее бурных периодов римской истории, участия в политической жизни никогда не принимал, оставаясь выше борьбы партий, осуществляя, таким образом, на деле предписания эпикурейской доктрины, последователем которой он был.

Аттик — крупный книгоиздатель Рима. Он окружил себя образованными переписчиками и каллиграфами, которые по его поручению переписывали тексты книг. Эти книги затем передавались книгопродавцам и быстро распространялись. Он опубликовал, в частности, произведения Цицерона.

Цицерон считает Аттика исключительно добросовестным историком и упоминает его сочинение «*Liber Annalis*» («Летописная книга»), где в хронологическом порядке сжато излагал самые значительные события истории Рима от основания города до своего времени и попутно упоминал об истории других народов, прежде всего греков, сообщал также генеалогии наиболее знатных римских семей. От традиционной анналистики архаической эпохи компендий Аттика отличался своей краткостью — и самое главное интересом автора к истории других народов.

Глава шестая

ИСТОРИОГРАФИЯ И ПОЛИТИКА В ЖИЗНИ ГАЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

Жизнь Цезаря теснейшим образом связана с политической историей Рима I в. до н. э. Как никто другой из его современ-

ников, он сумел понять смысл событий, происходивших в эпоху кризиса Римской республики, и возглавить процесс преобразования ее в империю.

Гай Юлий Цезарь родился 13 июля 100 г. до н. э. в Риме в знатной патрицианской семье. Племянник Гая Мария и зять мариянца Цинны, он навлек на себя ненависть всемогущего диктатора Суллы и был вынужден покинуть Италию. Лишь после смерти Суллы (78 г. до н. э.) он смог вернуться в Рим, где сделал свои первые шаги на политическом поприще. В 77 г. он выступил как оратор, блистательно поддержав обвинение в вымогательстве, выдвинутое против сулланца Гнея Корнелия Долабеллы. Затем он отправился на остров Родос, чтобы усовершенствовать там свое красноречие в школе знаменитого ритора того времени Аполлония Молона, у которого незадолго до этого брал уроки Цицерон.

Свой *cursus honorum* (путь почестей) Цезарь начал в 68 г. с квестуры в Испании и прошел его полностью: эдил в 65 г., верховный понтифик в 63 г., претор в 62 г. и пропретор в Испании в 61 г.

В эти годы он заложил основы своего дальновидного политического плана, который имел своей целью ослабление консервативной сенатской аристократии. Стараниями Цезаря сенатская партия была лишена сильнейших своих сторонников.

Цезарь заключил союз с Помпеем, образовав с ним и Крассом первый триумвират (60 г. до н. э.), заставил удалиться из Рима с миссией на Кипр своего политического противника Катона, правнука Катона Цензора, с помощью своего приспешника Клодия добился осуждения и изгнания Цицерона (58 г. до н. э.). В 59 г. Цезарь стал консулом и в следующем году в качестве проконсула отправился в провинцию Галлию, включавшую в себя территории Предальпийской и Нарбонской Галлии. Это счастливое стечение обстоятельств Цезарь тотчас оценил и использовал данную ему власть для успешного завоевания всей Галлии.

В течение восьми лет (58—50 гг. до н. э.) он вел напряженные военные действия, разбил различные галльские племена и завершил кампанию, подавив восстание Верцингеторига, предводителя арвернов. Таким образом, вся Галлия стала римской провинцией. Выдающиеся успехи Цезаря в Галлии обеспечили ему широкую популярность, верность и преданность военного сословия. Однако сенатская оппозиция, встревоженная успехами Цезаря, переманив на свою сторону Помпея, стремилась вернуть свои утраченные позиции и всячески препятствовала Цезарю в выставлении его кандидатуры на второе консульство. Это был сигнал к разрыву между Цезарем и сенатом.

Цезарю был предъявлен ультиматум — в течение установленного срока распустить свое войско и сдать свои полномочия преемникам, посланным в Галлию, но он отверг его и совер-

шил откровенно враждебный акт: во главе войска перешел через Рубикон, что означало открытую оккупацию Италии и начало гражданской войны. События развивались с головокружительной быстротой: бегство сената из Рима (49 г.), победа над Помпеем при Фарсале (48 г.), убийство Помпея в Египте, подавление последних очагов помпеянского сопротивления в Африке (битва при Тапсе в 46 г.) и в Испании (битва при Мунде в 45 г.).

Теперь Цезарь является единоличным правителем Рима. Это — решительный и расчетливый политик, человек, которого любили и так же сильно ненавидели. Хотя Цезарь не принимает царских регалий, он тем не менее устанавливает свою личную власть в государстве, стремясь управлять своими подданными беспристрастно, как гражданами одинаково равными перед законом. Политическая деятельность Цезаря встретила враждебность сенатского меньшинства, лишавшегося многих своих привилегий в результате реформ, проводимых диктатором. Консервативно настроенная аристократия не могла понять, что превращение Рима в мировую державу привело к тому, что старая республиканская форма правления, созданная еще в небольшом городе-государстве, перестала соответствовать новым историческим условиям. Управление огромной страной требовало централизованной и сильной власти. Римский сенат и народное собрание были уже не в состоянии управлять колоссальным по своей протяженности государством, которое все чаще становилось добычей политических группировок и демагогов. Концентрация всей полноты верховной власти в руках одного человека было единственным выходом из кризисного положения, в котором оказалась Римская республика.

Цезарь щедро раздавал права римского гражданства, увеличил численность сената, введя в его состав представителей армии и провинций. Самое главное, он сконцентрировал в своих руках всю реальную власть, получив титул императора и став диктатором пожизненно. Он окружил себя ореолом божественности, усиленно пропагандируя легенду об Аскании-Юле, основателе рода Юлиев, сыне троянского героя Энея и внучке богини Венеры.

Все это определило его отношение к восточным провинциям, ведь именно там Римская империя могла восприниматься как прямая наследница эллинистических монархий. Этим же объясняется интерес Цезаря к Египту, где он способствовал восшествию на египетский престол царицы Клеопатры, поддержав ее силой римского оружия.

Политические мероприятия, проводимые Цезарем как в Риме, так и за его пределами, стали причиной его преждевременной смерти. Заподозренный в стремлении к царской власти, он пал жертвой заговора сенатской аристократии. 15 марта 44 г.

до н. э. во время заседания сената Цезарь был убит заговорщиками.

Убийство Цезаря для всех без исключения римлян стало трагедией. Была прервана преобразовательская деятельность умного и дальновидного реформатора, насильственная смерть которого на полтора десятилетия ввергла римское государство в хаос новой гражданской войны.

Если заговорщики, устраняя Цезаря, надеялись восстановить республику, то они жестоко ошибались. Республика принадлежала прошлому и возродить ее было уже невозможно. Дело, начатое Цезарем, было доведено до конца его приемным сыном Октавианом Августом, который с учетом всего предшествующего опыта установил в государстве диархию, основанную на власти принцепса (первого человека в республике) и сената. Но, по существу, это был уже переход от республики к монархии, так как на деле вся полнота государственной власти была сосредоточена в руках одного Августа.

Несмотря на свою бурную политическую активность, Цезарь был человеком разнообразных культурных интересов. Известно, что он занимался поэзией и драматургией. Еще в юности он сочинил эпическую поэму «Похвала Геркулесу» и трагедию «Эдип». Его перу принадлежит небольшая поэма «Путь», в которой он описывал свое путешествие в Испанию, куда он отправился в 46 г. для борьбы с оставшимися в живых помпеянами, завершившейся сражением при Мунде.

Кажется, что ему были не чужды философские и научные интересы. По всей видимости, он разделял взгляды греческого философа Эпикура, популярные в Риме в I в. до н. э. Что касается научных увлечений Цезаря, то их удостоверяют реформа календаря, проведенная им в 46 г., и грамматический трактат в двух книгах «Об аналогии», который он написал, находясь в Галлии.

Занимался Цезарь и ораторским искусством, как судебным, так и политическим. Широкой известностью пользовались две надгробные речи (*laudationes funebres*), произнесенные им в 68 г. по случаю смерти тетки Юлии и первой жены Корнелии.

У нас есть сведения о сочинении Цезаря «Антикатон» в двух книгах. Оно было написано в 45 г., после того как Катон покончил с собой в Утике, узнав о разгроме помпеянцев при Тапсе. Памфлет Цезаря изобилует обвинениями против Катона. Цель этого произведения — противодействовать начавшейся после смерти Катона его идеализации как борца за свободу. В древности было известно собрание писем Цезаря, несколько из которых дошло до нас в переписке между Цицероном и Атикком. Это письма, адресованные самому Цицерону, а также доверенным друзьям Цезаря в Риме.

Из литературного наследия Цезаря уцелели только исторические сочинения, наиболее интересные и значительные для

нас, — «Commentarii belli Gallici» («Записки о галльской войне») в семи книгах и «Commentarii belli civilis» («Записки о гражданской войне») в трех книгах.

В «Commentarii belli Gallici», или, как чаще их называют, «De bello Gallico» излагается год за годом ход военной кампании в Галлии с 58 по 52 г.; каждому году посвящена одна книга.

Действия Цезаря в Галлии начинаются с мероприятий по сдерживанию двух потоков миграции: с востока гельветов и с севера германцев под предводительством свеба Ариовиста. Сначала гельветы, а затем и Ариовист были разбиты войском Цезаря и отброшены в свои пределы (1-я книга, 58 г. до н. э.). Потом следует победоносная война против нервиев, племени Бельгийской Галлии (2-я книга, 57 г. до н. э.), и завоевание территорий вдоль Атлантического побережья, населяемого венетами (3-я книга, 56 г. до н. э.). В 55 г. Цезарь, устроив кровавую бойню узипетам и тенктерам, перешел через Рейн по сооруженному за десять дней мосту. В этом же году он совершил, не добившись, правда, успеха, свою первую экспедицию в Британию (4-я книга). В 54 г. он вновь отправляется в Британию и ведет там успешные боевые действия. Вернувшись в Галлию, он усмиряет пришедшие в движение местные племена (5-я книга). Цезарь прекрасно сознает, что затишье в Галлии лишь кажущееся, и поэтому укрепляет свои войска. Действительно, вскоре вспыхивает восстание, поднятое тревирами. Подавив его, Цезарь вновь отправляется в Германию, где наголову разбивает свебов и эбуронов (6-я книга, 53 г. до н. э.). 52 г. — это год самого опасного и полного драматизма восстания в Галлии под предводительством молодого мужественного царя арвернов Верцингеторига. Однако и это восстание Цезарь подавил, осадив Верцингеторига в Алезии и разбив его войско (7-я книга).

В «Записках о гражданской войне» излагаются события гражданской войны с января 49 г. до середины ноября 48 г. Повествование начинается с очень краткого сообщения о заседании римского сената 2 января 49 г. и событиях последующих дней, которые повлекли за собой решительные действия Цезаря, в результате чего он был объявлен врагом государства. Перейдя Рубикон, Цезарь, захватывая на своем пути города, быстро достиг Рима. Помпей, консулы и сенаторы, преследуемые Цезарем, бегут в Брундисий и оттуда переправляются в Грецию. Цезарь, поручив свосму офицеру Требоннию осаду занятой помпеянами Массилии, устремляется в Испанию (1-я книга). Массилия пала; в Испании капитулирует легат Помпея, писатель Варрон. Однако в Африке легат Цезаря Курнион из-за своего безрассудства терпит тяжелое поражение и погибает (2-я книга). Цезарь, переправившийся с войском из Брундисия в Эннр, разгромлен Помпеем под Диррахием, но затем в Фес-

салии в битве при Фарсале в августе 48 г. возвращает себе победу. Бежавший в Египет, Помпей ищет убежища у царя Птолемея XIV, который приказывает предательски убить его. Цезарь спешит в Египет и, прибыв в Александрию, узнает там о гибели Помпея. Вскоре он подвергается нападению со стороны египетского войска (3-я книга).

«Записки о гражданской войне» явно не завершены. Написанные некоторое время спустя после излагаемых событий, они были прерваны по причине смерти Цезаря. «Записки...» Цезаря дополнены другими авторами. Так, события последних двух лет галльской войны (51—52 гг. до н. э.) были изложены в 8-й книге «Галльской войны»; о боевых действиях в Египте (47 г.), войне в Африке, завершившейся победой Цезаря при Тапсе (46 г.), и войне в Испании до сражения при Мунде (45 г.) рассказывается в трех небольших анонимных произведениях «Bellum Alexandrinum» («Александрийская война»), «Bellum Africum» («Африканская война»), «Bellum Hispaniense» («Испанская война»).

Автор 8-й книги «Галльской войны» — легат Цезаря Авл Гиртий, принимавший участие в галльской и в гражданской войнах. После смерти Цезаря он вместе с Октавианом воевал против Антония, был избран консулом и погиб вместе со своим коллегой по консульству Пансой в битве при Мутине (43 г.).

В предисловии к 8-й книге «Галльской войны», обращаясь к своему другу Корнелию Бальбе, Гиртий заявляет о том, что он намерен дополнить исторический труд Цезаря, соединив события, изложенные в «Галльской войне» (58—52 гг.), с событиями, изложенными в «Гражданской войне» (49—48 гг.), а затем продолжить «Гражданскую войну» и довести повествование до убийства Цезаря. Ему удалось осуществить лишь самую скромную часть этого обширного плана, так как его работа над историей была прервана неожиданной смертью.

Есть предположение, что перу Гиртия принадлежит также «Александрийская война»: в стилистическом отношении это сочинение сближается с 8-й книгой «Галльской войны». Что касается «Африканской войны» и «Испанской войны», то авторство Гиртия здесь абсолютно исключено, поскольку эти произведения очень несовершенны по форме. Авторами последних двух сочинений были, возможно, какие-то два офицера, служившие под началом Цезаря и бывшие, следовательно, свидетелями событий, о которых они рассказали в духе полного согласия с идеологией Цезаря. С «Записками...» Цезаря их связывает общность цели. Однако те же самые идеологические мотивы, которые Цезарь в своих произведениях вводил постепенно и осторожно, здесь не развернуты с таким же великолепным искусством и иной раз выдают сознательное и слишком уж открыто апологетическое намерение их авторов.

Название «Commentarii», которое Цезарь дал своим сочи-

нениям о галльской и гражданской войнах, относится к сфере скорее мемуарной, нежели сугубо исторической литературы.

Слово *commentarii* означает «заметки, записки для памяти», указывая на собрание дневниковых записей, представляющих собой серию сырых заметок, еще не являющихся связным и окончательным по форме повествованием. Таким образом, «комментарии» — это необработанный материал, основа будущего сочинения. Однако уже современники Цезаря отметили, что, несмотря на весьма скромное название, его труд — нечто большее, чем простые «заметки», и уж, конечно, не безыскусная канва для будущего литературного произведения.

Хотя в «Записках...» Цезаря отсутствуют такие характерные для древней историографии элементы, как вступление и обширные прямые речи, они тем не менее подчинены определенному художественному замыслу и носят следы стилистической обработки. Пытался ли Цезарь скрыть свою заботу о художественной отделке «Записок...», или чувствовал, что из-за нехватки времени не довел их до желаемого результата, и потому назвал их «комментариями», как бы не претендуя на их литературную ценность, сказать трудно. Если верить Цицерону, задачей Цезаря было оставить будущим историкам материал для дальнейшей обработки и украшений. Скорее всего, цель Цезаря состояла в том, чтобы противостоять историографии, которая в это время утверждалась в Риме как жанр главным образом ораторский. Не достоверность, а убедительность — девиз этой историографии, в которой документальность нередко подменялась правдоподобием.

Историографии, имеющей своей целью с помощью различных стилистических уловок лишь наставлять читателя и возбуждать его эмоции, Цезарь противопоставляет историографию, всецело поглощенную проблемами военного искусства и топографии. Он демонстративно не хочет облачать свой труд в «художественное одеяние», принятое у ораторов и моралистов. Цезарь ставит перед собой целью главным образом политическую, поскольку «Записки...» должны были ответить на обвинения политических противников, которые считали вооруженную интервенцию Цезаря в Галлии необоснованной и взваливали на него ответственность за развязывание гражданской войны в Италии. Задача Цезаря в «Записках...» — показать, что галльская война была вынужденной и носила оборонительный характер, а война с Помпеем спровоцирована сенатской партией, в то время как он сам (Цезарь) делал все возможное, чтобы избежать ее. В этой связи становится понятной настойчивость, с которой Цезарь говорит о провокациях гельветских и других галльских и германских племен против Рима и его союзников.

Впрочем, желание оправдаться — не единственная цель «Записок...». Обычно сочинения пропагандистского характера представляли собой памфлеты значительно меньших размеров

и не отличались столь явным стилистическим усердием автора. Вместе с тем пропагандистская направленность вполне отвечает природе мемуарной литературы и ничто не препятствует рассматривать «Записки...» Цезаря как типичный образец этого литературного жанра, обращенного скорее к потомкам, чем к современникам.

Обращенные к будущему, «Записки...» имеют прямое отношение к историографии, вместе с тем они являются самозащитой и предназначены для современников Цезаря. Из-за чрезвычайной важности излагаемых событий и исключительной роли в них самого Цезаря у нас создается впечатление, что мы имеем дело действительно с историческим повествованием, чему весьма способствует манера автора рассказывать о самом себе в третьем лице, как это уже имело место в «Анабасисе» Ксенофонта. Нет сомнения в том, что наше впечатление не соответствует полностью тому, которое создавалось при чтении «Записок...» Цезаря у античного читателя, поскольку в них отсутствовали некоторые художественные компоненты, которые он привык ожидать от сочинений историографического жанра.

Не следует исключать, что сам Цезарь отдавал себе отчет в том, что в своем произведении он вышел из границ жанра комментариев, придав художественный характер жанру, который прежде имел исключительно официально-деловое назначение. Так, он вводит в свое повествование географические и этнографические экскурсы, обычные для литературно-обработанной историографии.

Выбор автором формы для своего произведения никогда не бывает случаен. Форма «записок, или комментариев» отвечала характеру самого Цезаря, поставленной им перед собой задаче и тому типу исторического повествования, который был наиболее близок ему. Не миметическая историография риторического направления, а прагматическая, восходящая к Фукидиду и Полибию, была созвучна Цезарю, историку и политику, литературный вкус которого соответствовал стилистическим требованиям аттицистов с их стремлением к ясности изложения и четкости анализа.

Сухость и простота стиля Цезаря особенно эффектны в описаниях тактики подготовки и ведения боевых операций, например, сражения при Алезии в 7-й книге «Галльской войны», и в рассказе о военно-инженерных сооружениях, например, знаменитом мосте через Рейн в 4-й книге. Не менее ярко стилистическое мастерство Цезаря проявилось в географических и этнографических отступлениях (см., например, сравнительную характеристику галльских и германских нравов в 6-й книге), а также в толковании политического поведения своего и своих противников. Когда нужно, Цезарь делает свое изложение живым и стремительным, и тогда его сухой стиль становится

средством, удобным для того, чтобы сделать рассказ о событиях более сжатым и драматичным.

Нет сомнения в том, что «Записки...» не должны отождествляться с официальными отчетами и военными донесениями Цезаря римскому сенату. Вполне возможно, что они даже не восходили непосредственно к ним. Конечно, данные этих отчетов, донесения Цезарю его офицеров, как и записи самого Цезаря, были использованы в «Записках о галльской войне» и «Записках о гражданской войне». Однако они подверглись столь значительной переработке, что попытки отыскать в тексте их следы представляются нам безуспешными. Предположение, что Цезарь не переработал в своем произведении переработанными или почти переработанными записи, письма, реляции, само по себе невероятно. Иначе пришлось бы допустить отсутствие в «Записках...» какой-либо стилистической отделки, что совершенно немыслимо для этих двух произведений, имеющих столь совершенную структуру и форму.

«Записки» Цезаря предстают перед нами как захватывающее изложение событий человеком, наделенным государственной интуицией и способным не только понять смысл происходящего, но и навязать читателю такое толкование изложенных фактов, которое отвечало бы его политическим планам. Подход Цезаря к истории исключительно рационалистический. Роль сверхъестественных сил и случая он сводит практически к нулю и, как правило, старается установить причинные связи между событиями, полностью устраняя из своего повествования все невероятное и анекдотическое, чем изобиловала историография его предшественников.

Однако уже древние выдвинули проблему достоверности историографического труда Цезаря. Служивший в армии Цезаря Азиний Поллион находил, что «Записки...» написаны без должной тщательности и заботы об истине, имея в виду главным образом «Записки о гражданской войне». Бесспорно, «Записки...» имеют апологетический характер. Когда Цезарь писал их, он не мог не учитывать, что и на греческом и на латинском языках уже существовали сочинения, прославляющие Помпея, а также то, что враждебное отношение к нему самому сенатской аристократии, проявившееся еще во время его военных действий в Галлии, теперь уже полностью прорвалось наружу. Так что нет ничего странного в том, что он с максимальной четкостью определяет собственную позицию.

Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении материалам, в «Записках...» нет полного искажения фактов. Можно говорить лишь об особой манере, причем весьма искусной, представлять события в наиболее благоприятном для автора свете: они иногда сдвигаются во времени; подача, окраска и нюансировка фактических данных строго продуманы, в щекотливых и затруднительных для Цезаря ситуациях ис-

пользуются иносказательные выражения и умалчивания. Однако Цезарь является слишком значительной личностью, чтобы опускаться до откровенной лжи. Одно дело — утверждать, что «Записки...» рисуют события с точки зрения самого Цезаря, другое — видеть в них умышленную фальсификацию истории.

Так, в 3-й книге «Галльской войны», рассказывая о вторжении римского войска в область венетов, населявших Атлантическое побережье, Цезарь выставляет себя лишь защитником международного права, попранного венетами, так как они задержали римских послов, чем вынудили римлян обратить против них оружие. В действительности же речь должна идти о восстании венетов против римлян, поставленных перед необходимостью пойти на это, чтобы не потерять контроль над морской торговлей с Британией. Так что действия Цезаря в этой зоне — не что иное, как одно из проявлений римского империализма.

Вот еще один пример того, как Цезарь освещает некоторые события. Сообщая в «Записках о гражданской войне» о начале военных действий против римского сената, он, чтобы не заострять внимания на факте своего перехода через пограничную реку Рубикон, отделявшую Предальпийскую Галлию от собственно Италии, говорит сглаженно: «Он направился в Арминн», т. е. не только не упоминая названия реки, но представляя этот столь чреватый для римлян тяжелыми последствиями шаг как простое перемещение легиона из Равенны в Арминн, чтобы там взять под свою защиту народных трибунов, чьи права были попраны сенатской олигархией. Более того, по утверждению Цезаря, сделать этот шаг его вынудило единодушное желание солдат, к которым он обратился за поддержкой, хотя, по другим источникам (Светоний, Дион Кассий), встреча Цезаря с солдатами состоялась уже после перехода через Рубикон.

Итак, Цезарь «деформирует» излагаемые им факты, но делает он это не путем грубой фальсификации, а посредством их особой интерпретации или почти неуловимым хронологическим смещением событий, иногда просто обходя их молчанием и концентрируя внимание читателя на другом. Таким образом, его повествование — это, по сути дела, авторская интерпретация фактов, данная под определенным углом зрения.

Между «Записками о галльской войне» и «Записками о гражданской войне» очень трудно установить какое-то принципиальное различие. И все же общая для обоих произведений установка автора на самопрославление и дискредитацию политических противников в «Записках о гражданской войне» имеет более выраженный характер. Если между двумя историческими произведениями Цезаря есть все же различия, то они касаются в основном стиля повествования. Замечательный художник слова, Цезарь очень чутко реагирует на различия в

содержании, что не могло не отразиться на стиле его сочинений. Однако трудно сказать, является ли это сознательным изменением стиля, или на стиль оказывает влияние чувство возрастающей ответственности Цезаря за события, активным участником которых он был и о которых теперь рассказывает.

Как и в «Записках о галльской войне», в «Записках о гражданской войне» главными героями повествования являются Цезарь и его войско. Однако душевное состояние Цезаря, его настроение в том и другом произведениях совершенно различны. В «Записках о галльской войне» им владеет сознание возложенных на него обязанностей, чувство ответственности и озабоченность командира, вынужденного вести тяжелую войну в суровых для римских солдат условиях. Но в этом сочинении нет горечи и обиды, как в «Записках о гражданской войне».

Различны и противники Цезаря. В первом произведении это примитивные, грубые и жестокие галлы, которые, несмотря на свою дикость и низкую культуру, все же способны вызвать к себе уважение храбростью и смекалкой. Во втором произведении врагами Цезаря являются представители римской знати: по своему духу они чужды настоящим римлянам и достойны лишь презрения.

В «Записках...» Цезарь применил стилистические принципы, провозглашенные им в трактате «Об аналогии». Он устраняет из своей речи неологизмы, архаизмы, иноязычные слова (разумеется, когда в них нет особой необходимости) и одновременно всю ту лексику, которая может придать его стилю новизну и экстравагантность. Он тщательно отбирает слова, пользуясь при этом минимумом лексики и воздерживаясь от чрезмерной синонимии. Чувство меры, присущее Цезарю, проявляется также в построении синтаксического периода, в котором сочинительные и подчинительные конструкции строго уравновешены, уже самой своей четкой сбалансированностью отражая ясность и отточенность мысли автора.

В «Записках...» нет ни одной посторонней эмоции. Но это вовсе не означает, что Цезарь — бесстрастный повествователь, просто он старается не акцентировать свои эмоции, более того, весьма решительно сдерживает их. Цезарь полностью убеждает нас в своей правоте благодаря не только стилистическому мастерству, но в значительной степени удивительному искусству владеть собственными чувствами. Тон его повествования всегда спокойный и деловой.

Впечатлению бесстрастия «Записок...» способствует в значительной степени то, что Цезарь о самом себе говорит в третьем лице. Этот стилистический прием, обладающий исключительной эффективностью, создает в совокупности с другими элементами характерный стиль Цезаря, отличающийся прозрачностью, четкостью и точностью. К тому же стиль автора, говорящего о себе в третьем лице, становится более свободным,

естественным и непринужденным. Этот прием, помимо прочего, дает автору возможность выделиться, показать себя таким формалистом и педантом и лишний раз назвать свое имя, что немаловажно в сочинении апологетического характера.

Манерой изложения Цезарь создает у читателей «Записок...» ощущение необычайной стремительности. В этом нет ничего удивительного, ведь стремительность была в натуре самого Цезаря. Все же в ряде случаев он отказывается от своей обычной напористости и стремительности в повествовании, когда это продиктовано художественными задачами. Например, несколько замедленный ритм изложения имеют этнографические экскурсы.

Стиль Цезаря — это стиль солдата, лаконичный и очень естественный, свободный от всего показного, бьющего на внешний эффект, потому что Цезарь стремится доказать и убедить, а не просто поразить воображение своих читателей. «Записки...» являются образцом полного соответствия формы и содержания: излагаемый в них материал, любая мысль и настроение писателя находят адекватное выражение.

О непревзойденной простоте и точности языка «Записок...» имеется авторитетное мнение Цицерона. «Нагие, простые, прелестные» — такими прилагательными определил великий оратор литературные достоинства «Записок...», «ибо всякие украшения речи с них, словно одежда, сняты» («Брут», 262). «Нагая простота» «Записок...», о которой говорит Цицерон, — это не что иное, как абсолютная реализация художественного замысла. Естественность и непринужденность прозы Цезаря — результат большого искусства и тщательной отделки.

Глава седьмая

ДРАМАТИЗМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ САЛЛЮСТИЯ

Гай Саллюстий Крисп родился в Амитерне в 86 г. до н. э. в зажиточной плебейской семье. В его роду не было прославленных предков, как у первых римских историков. Итальянские корни и психология «нового человека» определили его критическое отношение к политической деятельности и утонченному образу жизни городской аристократии.

В юном возрасте он приехал в Рим, где познакомился с неопифагорейцем Нигидием Фигулом, известным ученым того времени, который занимался грамматикой, теологией, астрологией,

мантикой и естествознанием. Надо полагать, результатом общения с этим философом-мистиком стала поэма «Empedoclea», в которой были соединены учения Эмпедокла и Пифагора о переселении душ. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что автор этой утраченной философской поэмы и историк — одно и то же лицо.

Свой «путь почестей» Саллюстий начал с квестуры в 55 или 54 г. до н. э., открывшей ему доступ в сенат, где он сразу же встал на сторону популяров. Свидетельством этого является написанная около 54 г. «Инвектива против Цицерона». Это произведение, принадлежность которого Саллюстию многими исследователями оспаривается, представляет собой памфлет, в резкой, можно сказать, злобной, форме обвиняющий бывшего консула.

В 52 г. Саллюстий избирается плебейским трибуном. Это был год смут и беспорядков, год убийства вождя городского плебса Публия Клодия Пульхра. Саллюстий, выступивший с протестом, оказался в числе самых яростных врагов сторонника сената Милона, рабами которого был убит Клодий.

Вражда Саллюстия к Милону была вызвана также личными мотивами. Если верить Варрону, Милон застал будущего историка со своей женой Фавстой, дочерью Суллы, в момент совершения ими прелюбодеяния. Виновника отпустили лишь после того, как он был высечен и заплатил выкуп. Обрушившись теперь с обвинениями против Милона, Саллюстий навлек на себя ненависть сенатской аристократии, которая в 50 г. исключила его из состава римского сената под предлогом его безнравственного образа жизни. Покровительствовавший Саллюстию Цезарь в это время находился в Галлии. Дело происходило незадолго до гражданской войны: политическое влияние Цезаря резко упало, уже обозначился его разрыв с сенатом, и помочь Саллюстию он не мог.

Саллюстий покинул Рим и присоединился к Цезарю, вместе с которым участвовал в переходе через Рубикон. В 49 г. под давлением Цезаря сенат вторично избрал Саллюстия квестором, восстановив таким образом его в сенате и вновь открыв для него дорогу к государственным должностям. Всю гражданскую войну он провел на стороне Цезаря, выполняя его поручения в Иллирии, Кампании и Африке. В борьбе Цезаря с Помпеем и сенатской олигархией Саллюстий проявил себя не только как военачальник и дельный администратор, но и как публицист.

Ему приписываются два открытых письма, обращенные к Цезарю. Одно из них может быть датировано 50—49 гг. до н. э., т. е. временем начала гражданской войны. В письме звучит отчаяние и беспокойство автора в связи с тяжелейшим моментом, переживаемым Римской республикой, и выражается вера в великого Цезаря, которому дается совет искать опору

среди широких слоев римского населения и италийских собственников. Другое послание было написано в 46 г. после побед Цезаря в Африке и Испании, когда он уже стал неограниченным правителем Рима. В этом письме автор призывает диктатора проявить милосердие, не злоупотреблять властью и для обновления римского общества провести государственные и экономические преобразования в направлении его антиолигархического устройства — уничтожить ростовщичество, осуществить военную реформу, заняться проблемами плебса, увеличить число сенаторов и т. д.

После победы над помпеянами при Тапсе Цезарь назначил Саллюстия наместником образованной на территории Нумидии провинция Новая Африка. В делах управления провинцией Саллюстий не отличался особой щепетильностью и, согласно античной традиции, привез оттуда неисчислимы богатства. Конечно, распространению этих обвинений в немалой степени способствовала ненависть к нему враждебной партии. Тем не менее, вернувшись через два года в Рим, Саллюстий смог купить себе виллу Цезаря в Тибуре и построить в Риме великолепный дом, окруженный огромными садами, славившимися своей изумительной красотой (*horti Sallustiani*).

Противники обвинили Саллюстия в лихоимстве, но Цезарю удалось избавить его от суда. Тем не менее политическая карьера Саллюстия была окончательно сломана, тем более что со смертью диктатора в 44 г. он лишился своего могущественного покровителя. После гибели Цезаря Саллюстий ведет жизнь частного человека. За происходящим он следит со стороны, но от своих прежних убеждений (противника римской знати) не отказывается. Уединившись в своих знаменитых садах, он целиком посвятил себя историческим сочинениям, над которыми работал до самой смерти, последовавшей в 35 г. до н. э.

Во вступлении к своей первой монографии «Заговор Катилины» Саллюстий разъясняет, что побудило его обратиться к занятиям историей. Историография, пишет он, — это деятельность духа, и, как таковая, выявляет возвышенную суть человека. Однако этому благородному делу он посвятил себя слишком поздно, потому что в юности, подобно многим своим сверстникам, подстрекаемым дурным честолюбием, увлекся политической деятельностью, которая принесла лишь огорчения и навсегда отвратила его от политики. Таким образом, Саллюстий дает понять, что считает деятельность историка возвышенной и полезной для государства, благородным досугом, в отличие от всех тех занятий, которые делают людей добычей страстей и пороков.

Историческое повествование полезно только в том случае, если в нем соблюдены два условия — правдивость и беспристрастность, которые не могут быть достигнуты при слишком деятельной жизни. Саллюстий полагает, что оба эти качества ему

теперь доступны, и избирает для своего исторического повествования наиболее созвучную ему форму монографии, потому что она способна доставить читателю удовольствие и дает автору возможность наиболее полно раскрыть смысл излагаемых событий.

В отличие от анналистов и Катона Цензора, Саллюстий не излагает подробно историю Рима от его возникновения до своих дней. Он присоединяется к новому направлению в историографии, которое заявило о себе в эпоху Суллы. В своих сочинениях «Заговор Катилины» и «Югуртинская война» он обрабатывает два эпизода из римской истории: заговор Катилины в 63 г. до н. э. и войну против нумидийского царя Югурты, которая велась римлянами с 111 по 105 г. до н. э. Довольно краткий период римской истории — около 12 лет, начиная от смерти Суллы (78 г. до н. э.), освещает Саллюстий в своем последнем сочинении «История», лишь частично дошедшем до нас.

Исторические сочинения Саллюстия представляют собой историографию, которая не столько описывает, сколько объясняет события и поступки людей. Эта историография, отвечающая одновременно художественным и психологическим требованиям, в определенном смысле противоположна анналистике. Теперь историк сознательно ограничивается небольшим историческим отрезком или отдельным событием, полностью сосредоточивая на нем свой интерес.

Первое историческое сочинение, написанное Саллюстием, — «De Catilinae coniuratione» («О заговоре Катилины»), или «Bellum Catilinae» («Катилинова война»). В нем излагается история заговора, с помощью которого Луций Сергий Катилина, представитель обедневшей аристократии, человек, лишенный каких-либо нравственных принципов, пытался изменить римский государственный строй, собирая для этого вокруг себя всех недовольных и разорившихся людей. Речь, таким образом, идет о событиях, имевших место в год консульства Цицерона.

Изложение ведется по очень четкому и стройному плану. После четырех вводных глав, в которых содержатся вышеупомянутые идеи о значении историографии и изложение темы сочинения, следует глава, посвященная физическому и моральному облику героя. Затем дается краткий очерк истории Рима, объясняющий, как древние римские добродетели были разрушены честолюбием, алчностью и развратом, заполонившими Рим вслед за разрушением Карфагена. Таким образом, в отличие от других авторов, начало нравственного упадка Саллюстий относит ко II в. до н. э., ко времени выступления братьев Тракхов, положивших начало столетней полосе гражданских войн.

Нравственно разложившееся общество является благоприятной средой для происков Катилины, окружившего себя всякого рода отщепенцами, которым нечего было терять. Саллюстий

рассказывает о преступлениях и беспутствах Катилины, его влиянии на римскую молодежь. После провала первого заговора в 66 г. и после того как он был забаллотирован на консульских выборах в 64 г., Катилина принимает решение прибегнуть к насилию и убить недавно избранного консула Цицерона. Он вербует в свои ряды новых сторонников, пытаясь опутать нитями заговора всю Италию. Попытка убить Цицерона оканчивается неудачей. Убедив сенаторов в исключительной серьезности создавшегося в Риме положения, Цицерон получает чрезвычайные полномочия для борьбы с заговорщиками. В Риме царят паника и смятение, но Катилина осмеливается появиться на специально созванном заседании сената, где против него с обвинительной речью выступает Цицерон.

Катилина с угрозами покидает зал заседаний, а затем столицу и присоединяется к вооруженным отрядам заговорщиков, возглавляемых Гаем Манлием в Этрурии. Здесь Саллюстий на время отступает от изложения событий и размышляет о социальных и политических условиях, сделавших возможным этот заговор. Вскоре были получены новые сведения о заговоре. После бурных и продолжительных дебатов в сенате пять арестованных в городе заговорщиков были казнены в тюрьме посредством удушения. При обсуждении этого вопроса с требованием решительных и крайних мер выступил Катон. Он настаивал на смертной казни без апелляции к народному собранию. Цезарь же взывал к милосердию и осмотрительности, обрисовывая последствия непримиримо сурового приговора. Хотя и признавая заговорщиков виновными, он требовал совершения судебной процедуры по всем правилам, т. е. с соблюдением права апелляции.

Катилина готовится к боевым действиям в Этрурии, куда из Рима отправляются два войска, чтобы помешать мятежникам отступить в Галлию. В сражении с правительственными войсками он, проявляя истинно римский героизм, доблестно погибает.

По словам самого Саллюстия, выбор содержания для его монографии был обусловлен беспрецедентным характером злодеяния, задуманного Катилиной, и опасностью, которой подвергалось тогда государство. Саллюстий серьезно обеспокоен кризисом, охватившим римское общество, и намерен заняться поиском его причин.

Задача, поставленная Саллюстием, сама по себе не новая, до него ею уже занимались историки — у римлян Катон Цензор, у греков Полибий и Посидоний. Новым, однако, является метод, с помощью которого историк исследует проблему, концентрируя все свое внимание лишь на одном моменте, который он считает наиболее значительным и показательным для данной ситуации, чтобы таким образом понять глубинный смысл всего процесса.

В «Заговоре Катилины» это исследование, а также интерпретация конкретного исторического материала осуществлены главным образом в авторских отступлениях-экскурсах и в речах, вложенных в уста персонажей. Историк обращает внимание прежде всего на нравственный облик Катилины, преобладающей страстью которого является *lubido rei publicae cariundae* («нейстовое желание овладеть властью в государстве»), и утрату обществом моральных критериев как в частной, так и в государственной жизни.

Вместе с тем Саллюстий отмечает и социально-политические корни рассматриваемых в монографии событий. В речи Катилины перед заговорщиками (глава 20) и в письме Гая Манлия, посланном Марцию Рексу (глава 33), красноречиво показаны непомерное обогащение кучки могущественных людей и чудовищное обнищание большинства римского населения, следствием чего явились бесправие и унижительное существование многих граждан. В центральном экскурсе (главы 36—39) Саллюстий останавливается на социальных мотивах, заставивших массу людей жаждать перемен и вместе с Катилиной активно участвовать в подготовке государственного переворота. Идеологические причины, сделавшие возможным заговор Катилины, обобщены в речах Цезаря и Катона, произнесенных ими в сенате (главы 51—52).

Политическая позиция самого Саллюстия ни у кого не вызывает сомнений. Он — цезарианец и как таковой не может не сознавать глубины недовольства, охватившего широкие слои населения, угнетаемого сенатской олигархией. Однако ни Саллюстий, ни тем более Цезарь не могли одобрить попытку насильственного и противозаконного ниспровержения власти, а к тому же с привлечением неимущих слоев городского плебса. В их задачу входило лишь ограничение всемогущества римской знати, узурпировавшей политическую власть, но права собственности обсуждению не подлежали. Эта умеренная позиция объясняет противоречивость взглядов Саллюстия. Он не может не признавать, что проблемы, которые назрели в обществе и позволили Катилине обзавестись большим числом сторонников и сочувствующих, действительно существуют, но предложенное заговорщиками решение этих проблем вызывает у него отвращение как незаконное и преступное.

Историк у равной степени претит и этическая и политическая сторона дела. Как представитель нобилитета Катилина поражен всеми его пороками, но еще больше вызывает у Саллюстия протест политическая неразборчивость Катилины в средствах, поскольку он призывает к мятежу чернь, которая всегда представляла угрозу для общей безопасности.

Именно здесь находится ключ к пониманию саллюстианского морализма. В этом отношении очень показательна периодизация римской истории, данная в «Заговоре Катилины». На-

чалом кризиса Саллюстий считает разрушение римлянами в 146 г. до н. э. Карфагена. С устранением внешнего врага политическая ситуация в Риме резко изменилась. На смену добрым нравам (*boni mores*), которые отличались величайшим согласием граждан (*concordia maxime*) и минимальным корыстолюбием (*minima avaritia*), пришли непомерная страсть к деньгам и жажда власти (*ambitio*). Разрушительное влияние этих пороков возросло в эпоху сулланской диктатуры, поразив в первую очередь молодежь. Таким образом, кризис, охвативший римское общество начиная с середины II в. до н. э., — это кризис нравственности и, следовательно, может быть остановлен лишь возвратом к добрым нравам предков.

Призыв к строгому образу жизни древних становится в I в. до н. э. лозунгом в равной степени оптиматов и популяров. Две борющиеся между собой партии берут на вооружение одни и те же лозунги, потому что, хотя и обращаясь к разным социальным силам, обе решительно отвергают всеобщий мятеж как средство достижения своих политических целей. Поэтому Саллюстий считает, что интересам государства не противоречит как позиция оптиматов, так и позиция популяра Цезаря.

Нередко полагали, что основная цель монографии «Заговор Катилины» — исключительно политическая, что автор хотел выгородить Цезаря, которого обвиняли в пособничестве заговорщикам, и преуменьшить заслуги Цицерона в подавлении заговора. Сейчас больше склоняются к тому, чтобы признать Саллюстия историком в основном беспристрастным и объективным, который имел честное намерение восстановить историческую истину. Хотя Саллюстий, отойдя от политической деятельности, не изменил своих взглядов, это не помешало ему произвести строгий анализ кризиса римской республики в свете опыта, пережитого им лично.

Конечно, учитывая пристрастный дух писателя и его горький личный опыт, трудно говорить об абсолютной объективности его историографии, а о нем самом как об авторе, стоящем над политической схваткой, но можно решительно утверждать, что он никогда не искажает события сознательно и, не колеблясь, признает ошибки своей партии и достоинства противоположной стороны.

В этом отношении показательным является сопоставление фигур Катона и Цезаря, которое представляет собой *synkrisis* — сравнительную характеристику двух персонажей. Не следует, видимо, задаваться вопросом, кому из двух государственных деятелей отдает предпочтение Саллюстий. Скорее всего, в намерения писателя не входило выделить кого-то из них. В похвалах Саллюстия тому и другому подчеркиваются в первую очередь те их высокие личные качества, которые взаимно дополняют друг друга. В сжатом виде это сформулировано в следующей фразе Саллюстия: «На моей памяти выдающейся доб-

лостью, правда, при несходстве характеров, отличались два мужа — М. Катон и Г. Цезарь» (глава 53).

Цезарь воплощает в себе такие качества, как щедрость, милосердие, трудолюбие; Катон — твердость, умеренность, чувство долга. Пропорциональное распределение нравственных достоинств между двумя персонажами выпадает из традиции классической сравнительной характеристики, цель которой посредством сопоставления или, скорее, противопоставления личных качеств двух героев склонить читателя или слушателя в пользу одного из них.

Главное действующее лицо монографии — Катилина представлен Саллюстием как враг господствующей олигархии. Однако историк не заостряет на этом внимание читателей. На фоне разрушительной анархической деятельности Катилины он стремится показать реформаторскую легальную сущность действий Цезаря и его сторонников. В Катилине Саллюстий видит не столько врага римского нобилитета, сколько его типичного представителя, морально разложившегося и готового пойти на любое преступление ради достижения своих амбициозных целей. Однако в исполненном драматизма финале, в рассказе о гибели Катилины в сражении с правительственными войсками он предстает человеком, наделенным неукротимой отвагой. Монографию завершает описание поля боя, усеянного телами павших и раненых, оставляющее у читателя чувство скорбное и жуткое, вместе с тем создающее впечатление зловещего предзнаменования, ведь за этой картиной нетрудно угадать будущие Фарсал и Филиппы.

Вторая в хронологическом порядке монография Саллюстия «*Bellum Iugurthinum*» («Югуртинская война») посвящена более раннему эпизоду римской истории. Поиски причин политического кризиса и гражданских войн поставили историка перед необходимостью возвратиться назад и обратить свой взор на события, свидетелем которых он не был. Выбор темы Саллюстий объясняет так, что становится ясно, что его интересуют не столько внешнеполитические события — война с Нумидией, сколько ее последствия, проявившиеся во внутренней политике Рима.

Сочинение открывается моралистическими и философскими размышлениями о дуализме души и тела, утверждается превосходство интеллектуальной деятельности над всеми другими занятиями людей, предпочтение при этом отдается труду историка, как наиболее полезному и ценному: «Государству будет больше пользы от моего досуга, чем от деятельности других», — заявляет Саллюстий.

Затем дается краткий очерк истории нумидийского царства от времени правления Масиниссы до царствования Югурты. В результате вмешательства римского сената во внутренние дела Нумидии большая часть царства оказалась в руках Югур-

ты, подкупившего золотом должностных лиц в Риме. Имея такую поддержку, Югурта пытается отвоевать у Адгербала, сына Масиниссы, остальную часть Нумидии. Адгербал обращается за помощью к римскому сенату, который затягивает решение вопроса. Тем временем Югурта убивает Адгербала. Римский сенат в срочном порядке отправляет в Нумидию войско, поручив командование консулу Кальпурнию и экс-консулу Скавру. Югурта вновь прибегает к подкупу и добивается заключения выгодного для себя мира.

В Риме плебейский трибун Гай Меммий обвиняет нобилитет в продажности и требует прибытия Югурты в Италию для дачи показаний. Явившись в Рим, Югурта с помощью денег склоняет на свою сторону трибуна Бебия, который накладывает вето на требования Меммия.

Саллюстий заставляет Югурту произнести знаменитую фразу: «Продажный город, обреченный на скорую гибель, — если только найдет себе покупателя!», которую нумидийский царь обронил, выехав из Рима и несколько раз обернувшись, чтобы взглянуть на богатый и развращенный город.

Югурта возвращается в Нумидию и там убивает еще одного претендента на царский престол. Сенат аннулирует договор о мире, заключенный Кальпурнием, и посылает в Африку нового консула Альбина. Югурта симулирует покорность, и Альбин уезжает в Италию, вверив войско своему брату Авлу. Захваченное врасплох и наголову разгромленное Югуртой римское войско подвергается крайнему бесчестию: чтобы спасти свою жизнь, солдаты принуждены пройти под ярмом.

В Нумидию отправляется новый консул Метелл и ведет там успешные боевые действия против Югурты. Начальник конницы в войске Метелла Гай Марий, избранный консулом на 107 г., убеждает римский сенат передать ему верховное командование в военной кампании в Африке. Метелл оставляет Нумидию. Войско теперь — в руках Мария. Нумидийский царь терпит ряд поражений. Имя Мария овеяно боевой славой, он приобретает огромную популярность среди солдат. Под его началом служит его будущий политический соперник Сулла, которому удается привлечь на сторону римлян союзника Югурты царя Мавретании Бокха, а затем с помощью коварства пленить самого Югурту.

«Югуртинская война» демонстрирует возросшее мастерство Саллюстия-писателя. Хотя ее план является более обширным, чем план первой монографии, изложение материала в ней более органично, цельно и сжато. Структура «Югуртинской войны» отличается четкостью и математической соразмерностью. Всеми исследователями признается композиционное членение монографии на 3, равные по числу входящих в них глав, части. Монография в том виде, в котором она дошла до нас, разделена на 114 глав. Первые 38 глав посвящены пагубным резуль-

татам внешней политики коррумпированного нобилитета, приведшей к поражению римлян в Африке. Главы 39—78 повествуют об изменении ситуации с приходом к командованию римским войском Цецилия Метелла, человека образцовой чести. В главах 77—114 содержится рассказ об окончательной победе римского оружия, когда войско возглавил плебей Гай Марий.

Каждая из частей завершается кульминационным эпизодом, которому Саллюстий придает, можно сказать, символический характер. Это — позорная капитуляция Авла Альбина (38 глава), падение нумидийского города Талы, явившееся самым большим военным успехом Метелла (76 глава); победа римлян и завершение войны в Нумидии (114 глава).

Каждая часть открывается этико-политическими размышлениями историка. В первой части этой цели служит пролог, в остальных — авторские отступления: о политической борьбе между плебеями и аристократами — в начале второй части, о городе Лепте и братьях Филенах — в начале третьей.

В каждой части иллюстрируется один из трех пороков, приведших к разложению республики: алчность (*avaritia*), высокомерие (*superbia*) и честолюбие (*ambitio*). Деление монографии на части напоминает членение на акты драматического произведения.

Выбор югуртинской войны как темы для исследования внутренних конфликтов, раздирающих римское государство, свидетельствует о замечательной историографической интуиции Саллюстия. Война с Югуртой высветила стержневое расхождение в политических взглядах двух ведущих сословий, сенатской аристократии и всадников. Действительно, речь должна идти не о противоречиях между плебсом и аристократией, а между всадническим сословием, стремящимся к внешним завоеваниям в поисках новых источников обогащения, и сенатом, сознающим, что опасность заключается не столько в Югурте, сколько во внутреннем кризисном положении, в котором оказалась римская республика. Малоимущее население Рима поддерживало всадническое сословие с его предпринимательской хваткой, полагая, что экспансия сулит им новые земельные раздачи.

Как и в «Заговоре Катилины», в «Югуртинской войне» противоборство двух основных политических сил Рима Саллюстий переводит в нравственную плоскость, противопоставляя высокомерие аристократов доблести «новых людей», которые нашли своего вождя в Марии, ставящем личные заслуги выше знатности рода.

Моралистическим является объяснение, которое Саллюстий дает разгоревшемуся в Риме конфликту. Этому вопросу посвящается особый экскурс в центральной части монографии, в котором речь идет об истоках раздоров и зарождении в Риме «духа партийности и фракционности» (*mos partium et factio-*

лшм). Утрата согласия между народом и сенатом явилась следствием исчезновения внешней угрозы, когда был разрушен римлянами Карфаген. Тогда знать свое высокое положение (*dignitas*) и народ свою свободу (*libertas*) стали использовать для удовлетворения собственных страстей, обратив свои преимущества в разнузданность (*in libidinem*). Вина за это ложится прежде всего на аристократию, которая отказывается разделить свою власть и богатство с римским народом. Таким образом, в «Югуртинской войне» Саллюстий в уже привычной для него манере дает анализ экономико-политических причин упадка в свете их нравственного проявления.

В процессе работы над монографией Саллюстий пользовался карфагенскими и римскими источниками, в том числе сведениями историков аристократической партии, таких, как Сизенна, Сулла, Рутилий Руф. По всей видимости, пригодился Саллюстию и его личный опыт, приобретенный им в бытность его проконсулом Новой Африки.

Последнее сочинение Саллюстия «История» почти полностью утрачено. Уцелели, кроме различных фрагментов, четыре речи и два письма. Их сохранностью мы обязаны антологическим сборникам, которые составлялись для нужд риторических школ. Речи и письма в «Истории» не являются подлинными. Это образцы красноречия Саллюстия, наподобие тех, что имеются в его монографиях. Они вставлены в повествование, по примеру Фукидида, воспринятому и усвоенному всей последующей художественной историографией.

В «Истории» Саллюстий отказывается от строго монографической формы изложения, ограниченного, однако, сравнительно небольшим периодом, — с 78 по 67 г. до н. э. Саллюстий, таким образом, продолжил историю Сизенны, завершавшуюся смертью Суллы (78 г.). Но повествование ведется в совершенно другом духе и с другой политической направленностью. Историка по-прежнему интересует упадок римской республики, в данном случае — как он проявился после смерти Суллы.

Состоявшая из пяти книг «История» охватывала более обширный отрезок времени, чем монографии. Впрочем, эта тенденция заметна уже в «Югуртинской войне» в сравнении с «Заговором Катилины». В «Истории» излагались драматические события, происходившие в течение 12 лет: война против Сертория, восстание рабов под предводительством Спартака, военные действия против пиратов и начало войны с Митридатом.

В процессе работы над историческими сочинениями взгляды Саллюстия не претерпели сколь-нибудь значительных изменений. В последнем произведении так же, как в монографиях, отчетливо проявляется антиолигархическая тенденция. В частности, историк показывает амбициозный и демагогический характер вождя сенатской аристократии Помпея.

Особого упоминания заслуживает тот факт, что в «Истории»

звучит осуждение римской империалистической экспансии. Оно содержится в послании понтийского царя Митридата парфянскому царю Арсаку. Не следует забывать, что в шкале государственных приоритетов внутренняя политика Рима была подчинена его стремлению к мировому господству, в чем римляне и, разумеется, Саллюстий видели историческую миссию своего народа. Письмо Митридата — пример того, с какой откровенностью приводит историк доводы противника.

Избранный Саллюстием тип историографии не может быть однозначно сведен к существовавшим до него схемам. Перед нами явление достаточно сложное, так как в прозе Саллюстия соединились элементы прагматического и миметического направлений в античной историографии.

С прагматическим направлением его связывает постоянное обращение к опыту Фукидида, который может считаться духовным отцом римского историка. И не только потому, что отзвуки фукидидовской «Истории» мы находим у Саллюстия повсюду, а потому прежде всего, что как историк Саллюстий обязан в первую очередь Фукидиду. Влияние Фукидида заметно и в историографической технике, и в стилистических установках, но самое главное — оба историка понимают историю как исследование событий и поиск причин, вызвавших их. Такая ориентация позволяет обоим авторам трактовать события современной, во всяком случае близкой им по времени, истории комплексно, с учетом всех факторов и с привлечением точных данных.

Оба историка исследуют сравнительно недавние события, но объяснение этих событий они ищут в более или менее отдаленном прошлом. Отсюда их обращение к событиям достаточно древним, которые не только составляют фон всего повествования, но и объясняют причину современного положения.

К Фукидиду восходит обыкновение Саллюстия излагать свои этико-политические идеи во вступлениях и освещать смысл событий в речах персонажей и исторических экскурсах. Афинский историк вдохновил Саллюстия на исторические картины, восхваляющие древних и порицающие современников. И тот и другой историк ищут реальные, человеческие, а не сверхъестественные или случайные причины событий. Поэтому они обращают пристальное внимание на общественные нравы, социальные структуры и конкретные личности. Вслед за Фукидидом римский историк стремится передать самое главное и существенное, тщательно отбирая материал и отдельные детали для своего рассказа. Отсюда проистекает удивительная сжатость повествования.

Несмотря на многочисленные точки соприкосновения, Саллюстий во многом несхож со своим греческим предшественником, иногда значительно расходясь с ним, и не только по причине своей независимости от кого-либо, которая присуща лю-

бому большому художнику, но также в силу своего особого темперамента и личных пристрастий.

Самобытна прежде всего склонность Саллюстия к драматизму изображения, ярко проявившаяся в речах персонажей и авторских отступлениях. Драматизация достигается повышенным психологизмом отдельных сцен, описанием бурных распрей, страстностью изложения. Конечно, все это имеет отношение не к прагматической, а к миметической и трагической историографии эллинистической эпохи. С этой историографией римский историк связан общим стремлением к повествованию, полному движения, богатому сценическими эффектами и воссозданием экзотической обстановки, что весьма оживляет рассказ в «Югуртинской войне».

Однако в отличие от греческих историков Саллюстий никогда не ставит своей целью драматизацию изложения. Например, он никогда не увлекается моментами новеллистического или романического характера. Драматизация изложения (привнесение в историографию элементов сценической формы) вызвана исторической концепцией Саллюстия, откуда берет начало трагичность в толковании событий и личностей.

Трагизм Саллюстия — это не украшение, наложенное на исторические события ради услаждения читателей, а результат глубокого усвоения писателем идеи Платона о дуализме души и тела и понимание им истории человечества как столкновения благородных порывов духа и низменных инстинктов тела. Саллюстий с горечью констатирует, что в жизни людей телесное начало значительно преобладает над духовным, и сознание этого сообщает его рассказу исключительно пессимистический тон.

Пессимизму Саллюстия в немалой мере способствовало уяснение им глубины кризиса, в котором оказалась римская республика, выход из которого он видит в возврате к добрым нравам предков. Внутренний разлад писателя вызван тем, что он не может принять глобальных революционных преобразований и, несмотря на все свои заверения, примириться с отстранением от общественной жизни привело в императорскую эпоху к величайшему завоеванию всей античной культуры — открытию внутренней свободы индивида и самоценности личности как таковой.

Для Саллюстия человек — существо прежде всего общественное, часть коллектива, поэтому утрата римлянами общественных идеалов лишает историка всякой надежды на возвращение древней добродетели. Настоящее мрачно, будущее не сулит ничего хорошего. Так что история для Саллюстия является действительно трагедией и изображается им как трагедия, главными действующими лицами которой оказываются отрицательные герои Катилина и Югурта.

Излагаемые Саллюстием факты отобраны среди самых мрачных эпизодов римской истории. Изложение сжимается вокруг центрального момента, чему способствует сама монографическая форма. Действующие лица событий увидены историком в их особой драматической роли. Они очерчены точными мазками, но никогда не типизированы, потому что для Саллюстия первостепенное значение имеет игра быстрых чередований света и тени. Его персонажи представлены в трагическом смещении добра и зла, неукротимой воли и рабского повиновения страстям.

По наблюдению современных ученых, двойственность отрицательных героев Саллюстия происходит от двойственности самого понятия *virtus*. С одной стороны, это способность человека интенсивно воздействовать на внешний мир, преобразовывая и изменяя его, с другой — это преобладание духа над телом, рассудка над страстями. В Катилине и Югурте доминируют первые качества и почти полностью отсутствуют вторые, т. е. господство над собой, управление своими страстями, суровость нравственных устоев.

Обращает на себя внимание саллюстианский морализм, в котором можно усмотреть влияние предшествующей греческой историографии, например Феопомпа. Морализм римского историка связан главным образом с поиском психологических мотивов тех или иных поступков и действий и является типично саллюстианским подходом к историографии. Психологический анализ персонажей и тяга Саллюстия к изучению скрытых, заложенных в нравственных свойствах людей мотивов их поведения отвечали личным склонностям писателя. Таким образом, два наиболее характерных признака историографии Саллюстия — драматизм и психологизм — тесно связаны между собой и полностью отвечают его мыслям и художественному вкусу.

Работая над историческими сочинениями, Саллюстий все время помнил о своих греческих предшественниках, сочинения которых служили для него источником тем, мотивов, идей. Однако его зависимость от греков вовсе не означает рабского подражания. Творчество Саллюстия невозможно втиснуть в узкие рамки схем и образцов. Идеи и образы, доставшиеся ему в наследство от греческой историографии, творчески им усвоены, переработаны и истолкованы в соответствии со своей художественной задачей. Например, такой характерный для греческой историографии композиционный элемент, как вступление, в сочинениях Саллюстия не может рассматриваться как имеющий происхождение целиком в эллинистической историографии. Прологи Саллюстия имеют определенный колорит и задают всему рассказу общеностальгический тон сожаления по прошлому, что сближает историка с Катонем Цензором и предшествующей римской историографией, в которой уже присутствовало это

настроение. Морализм Катона, его тоска по прошлому являются для Саллюстия тем идеалом, к которому он обращается постоянно. Вдохновляясь прозой Катона, он целиком разделяет его нравственно-политические взгляды и стилистические уставки.

Стиль Саллюстия очень своеобразен и полностью соответствует избранному им типу повествования. Сжатость, напряженность, асимметричность своей прозы он сознательно противопоставляет, с одной стороны, гармонии и плавности периодов Цицерона, с другой — стройности и уравновешенности Цезаря. Вслед за Цезарем Саллюстий стремится к предельной сжатости изложения, но в отличие от него предпочитает сложносочиненные, часто асиндетические, конструкции с фонетическими и грамматическими архаизмами и устаревшей малоупотребимой лексикой. Его проза насыщена поэтизмами, восходящими к эпическому поэту Эннию. Разнообразные поэтические стилистические средства Саллюстий применяет с большой свободой, то чередуя их, то соединяя вместе, сообщая своей речи исключительную индивидуальность и неповторимость.

В качестве стилистического образца Саллюстий взял прозу Фукидида и Катона Цензора. От первого он перенял склонность к многозначным оборотам, иногда доходя в этом до неясности, от второго — пристрастие к тяжеловесной синтаксической конструкции, богатой антитезами и суровой иронией.

Преклоняясь перед староримским духом и нравами предков, Саллюстий усваивает их лексику и стиль. Не исключено, что этот намеренно архаизированный стиль с резкими разорванными фразами и тоном сурового негодования отображает душевное состояние писателя — внутренний разлад с окружающим миром человека, жаждущего и вместе с тем страшщегося перемен.

Интеллектуальная строгость и страстность исторической прозы Саллюстия — это результат удачного синтеза прагматического и миметического направлений в античной историографии. Изобразительная сила сочинений Саллюстия такова, что они по праву могут считаться первыми в римской литературе образцами подлинно художественной историографии, а сам Саллюстий не столько повествователем о событиях (*narrator*), сколько красноречивым рассказчиком о них (*exornator*), как того требовал от историков его великий современник Цицерон.

**НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ИСТОРИОГРАФИИ ЭПОХИ АВГУСТА**

В сентябре 31 г. до н. э. Октавиан нанес сокрушительное поражение при Акции своему политическому сопернику Марку Антонию и стал единовластным правителем не только в Риме и Италии, но и далеко за ее пределами. В 27 г. он принимает почетное прозвище «Август» («священный, величественный»).

Октавиан Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) положил конец гражданским войнам, длившимся целое столетие, за что был прославлен как человек, возвративший Италии мир (pax Augusta). Август представляет собой новый тип властителя, гениально соединившего авторитарную власть, способную поддерживать порядок и единство в империи, с законностью, основанной на уважении и соблюдении республиканских форм правления и одобрении сената.

О своей восной и политической деятельности Август рассказал в 35 главах «Res gestae divi Augusti» («Деяний божественного Августа»). Этот текст, который иногда называют «Index rerum gestarum» («Перечень деяний»), был составлен императором незадолго до смерти для того, чтобы он был вырезан на бронзовых досках и помещен перед его мавзолеем. Желание Августа было выполнено.

Со временем бронзовые доски, установленные перед мавзолеем, были утрачены. Однако по империи были распространены многочисленные копии текста и его греческие переводы. Наиболее полная копия, так называемая Monumentum Apsurganum, была обнаружена в г. Анкаре. Она содержит латинский текст и его греческий перевод. Другие копии обнаружены в Антиохии (латинский текст) и Аполлонии (греческая версия).

«Деяния...» Августа — это не столько литературное обращение, сколько политический манифест, который может быть поставлен в связь с автобиографическим жанром. Но это, конечно, не автобиография в чистом виде, как та, которую Август написал в 20 книгах и повествование в которой довел до событий кантабрийской войны в Испании (26—19 гг. до н. э.). Так как это обширное сочинение не сохранилось, единственным свидетельством историографических интересов Августа являются его «Деяния...» — сжатый и весьма выборочный отчет о своей военной и политической деятельности.

Обзор важнейших событий сделан не в порядке их хроно-

логической последовательности, а по рубрикам, группирующим факты разных лет по тематическому признаку: победы, одержанные в гражданских и внешних войнах, почести, оказанные Августу сенатом и римским народом, внутригосударственные мероприятия, денежные и хлебные раздачи, общественные сооружения, строительство которых он финансировал, гладиаторские игры и народные зрелища, расширение границ империи, возвращение власти сенату и народу, который провозгласил принцепса «отцом отечества».

Написанные на семьдесят шестом году жизни Августа «Деяния...» напоминают надгробный элогий вроде тех, что произносили над могилой умершего. Интерпретация событий исключительно пристрастная, в изложении фактов имеются фальсификации и пропуски. Обращаясь к потомкам, Август хочет навязать свое понимание установленного им политического режима и собственных заслуг перед государством. В этом отношении представляется вполне естественным сопоставление «Деяний...» с «Записками...» Юлия Цезаря.

Поскольку текст «Деяний...» предназначался для воспроизведения на бронзовых досках с целью всеобщего обозрения, его стиль строго эпиграфичен. Сухой и схематичный, он так же, как стиль Цезаря, предельно ясен и прост и сохраняет все признаки языка военного отчета.

Цезарь дал толчок историографии, излюбленное содержание которой составляют современные автору события. Так, служивший в его войске офицер Азиний Поллион исходным пунктом своей «Истории» взял 60 г. до н. э. потому, вероятно, что для него эта дата означала начало гибели республики, пронизательно увиденное им не во вражде между Цезарем и Помпеем, а в их дружбе, приведшей к созданию первого триумvirата.

Поборник и почитатель образованности и литературных занятий, Азиний Поллион занимал видное место в культуре своей эпохи. Он жил с 75 г. до н. э. до 5 г. н. э. Вместе с Цезарем сражался при Фарсале и Мунде. После гибели диктатора примкнул к Антонию. В 40 г. был консулом. С приходом к власти Октавиана оставил политическую деятельность, чтобы целиком посвятить себя литературе. Поллион основал в Риме первую публичную библиотеку, где были собраны латинские и греческие книги. Заслугой Поллиона является то, что он положил начало рецитациям (*recitationes*) — публичным чтениям, в которых авторы знакомили приглашенных любителей литературы со своими произведениями еще до их публикации. Азиний Поллион стремился содействовать развитию красноречия и историографии, двух отраслей литературы, которые были любимы и популярны гораздо больше в эпоху республики, нежели в эпоху культурной политики Августа.

Азиний Поллион был известен своим современникам как

трагический поэт и литературный критик, но в большей степени он прославился как историк и оратор. Его историческое сочинение «*Historiae*» не дошло до нас. Оно состояло из 17 книг, повествование в которых доводилось до сражения при Филиппах (42 г. до н. э.). Об этом труде Поллиона в лестных выражениях отзывается поэт Гораций, подчеркивающий злободневный характер «Истории». К Поллиону обращались за сведениями греческие историки и биографы, например Аппиан и Плутарх.

Поллион имел тенденцию освещать те стороны событий, которые были оставлены в тени Цезарем, ни разу, кстати, не упомянувшем о нем в своих «Записках...». Например, знаменитое описание перехода Цезаря через Рубикон, драматизированное легендарной фразой «Жребий брошен!», восходит к «Истории» Поллиона.

В сочинении Поллиона, вероятно, витал дух некоего республиканизма, выразившийся, в частности, в восхвалении Катона Утического. Известно о его антагонизме к Цицерону и резко критических суждениях о нем. Что касается стиля «Истории», то, по всей видимости, образцом Поллиону служил Фукидид. Автор I в. н. э. Квинтилиан считает Поллиона довольно-таки архаичным, словно он жил на целое столетие раньше Цицерона.

Интерес к недавним событиям, характерный для историографии Цезаря, Саллюстия, Поллиона, вовсе не означает, что римские писатели пренебрегали изучением более отдаленного прошлого. Самой значительной в этом направлении была деятельность величайшего корифея в области научных изысканий Марка Теренция Варрона Реатинского (116—27 гг. до н. э.). Человек консервативных взглядов, он унаследовал от таких авторов, как Катон Цензор, разностороннюю культуру и любовь к истории италийских и римских древностей. Обращаясь к прошлому, Варрон как истый римлянин всегда ориентировался на настоящее. Именно желанием писателя связать прошлое с настоящим вызваны к жизни такие его сочинения, как «*Antiquitates rerum humanarum et divinarum*» («Древности человеческие и божественные») в 41-й книге, «*De vita populi Romani*» («О жизни римского народа»), «*De gente populi Romani*» («О римском народе») и др.

Эти сочинения не являются историографией в прямом смысле слова, а, скорее, произведениями антикварного и энциклопедического характера. Так, «Древности» представляют собой смелую и всеохватывающую попытку этического осмысления разных сторон римской жизни: истории, традиций, обычаев, верований, духовной культуры, религии. Это — плод огромного труда и замечательной учености, но прежде всего результат необычайной любви Варрона к Риму и его прошлому.

От историков типа Цезаря и Саллюстия Варрона отличают его установка на прошлое и консерватизм политических взглядов. Однако интерес к его творчеству не только не ослабевал,

а, наоборот, со временем возрастал, потому что возрождение прошлого очень скоро становится отличительным признаком культурной и идеологической программы Августа, который стремился укрепить нравственные устои государства путем возврата к старым добрым нравам: умеренности, трудолюбию, благочестию, уважению к долгу, целомудрию.

Созданная Августом политическая структура дала возможность объединить самые разные слои населения под общим лозунгом реставрации древних римских ценностей. «Восстановленная республика» (*res publica restituta*) смогла привести к согласию сенатскую аристократию и всадническое сословие, наиболее пострадавших от гражданских войн. При Августе были созданы условия для культуры, которая синтезировала ценности прошлого, носителем и хранителем которых выступал римский нобилитет, и достижения последних бурных десятилетий, выразителем которых стали всадники.

В Риме и во всех уголках Италии на все лады пропагандировалась вечность установленного Августом строя. Цель, таким образом, видели уже не в движении вперед, а в сохранении достигнутого и укреплении завоеванной власти, что, впрочем, является судьбой всех революций. Этот социальный и политический феномен во многом определил характер историографической деятельности величайшего писателя августовской эпохи Тита Ливия, в творчестве которого не только нашла свое яркое воплощение новая политическая реальность, но и реализовались многие историографические идеалы Цицерона.

Глава девятая

ЭПИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ТИТА ЛИВИЯ

Тит Ливий — первый римский историк, который не принимал участия в политической жизни и не имел военного опыта. Как остроумно заметил один современный исследователь, Ливий приступил к созданию истории, не узнав предварительно, как делается история. Посвятивший себя исключительно литературным занятиям, он написал огромное историческое сочинение в 142 книгах.

Родился Ливий в Патавии, городе Предальпийской Галлии, включенном в состав римского государства при Цезаре. Основанный, по преданию, троянским героем Антенором Патавий всегда славился своими республиканскими традициями и кон-

сервативными устоями, вошедшими в поговорку. Во время гражданской войны патавинцы отказались принять послов Антония, объявленного сенатом государственным врагом. Следы этой приверженности к суровым идеалам и нравственным ценностям республиканского Рима видны в монументальном сочинении величайшего из патавинцев Тита Ливия.

О жизни историка сведений не дошло. Дата его рождения — 59 г. до н. э., — возможно, должна быть сдвинута к 64 г. до н. э. Мы не знаем, когда Ливий приехал в Рим. Известно лишь, что без какого-либо ущерба для своей независимости он приобрел там дружбу Августа и юного Клавдия, будущего императора, в котором он пробудил страсть к истории. Умер писатель в своем родном городе в 17 г. н. э.

Помимо истории, Ливий живо интересовался философией. В древности были известны его диалоги историко-философского характера и книги сугубо философского содержания. Эти сочинения утрачены, как и «Послание к сыну», в котором Ливий призывал сына формировать свой стиль, взяв себе за образец Демосфена и Цицерона. По свидетельству Сенеки-ритора, Ливий испытывал неприязнь к тем ораторам, которые выскивали слова устарелые и непонятные. Таким образом, культурные интересы Ливия в целом те же, что и интересы Цицерона, исключая политику, — философия, риторика, история.

Взявшись однажды (между 27 и 25 г. до н. э.) за написание исторического труда, Ливий большую часть своей жизни посвятил созданию этого грандиозного сочинения. Этот фундаментальный труд, имеющий анналистическую форму, посвящен изложению всеобщей истории Рима от его основания — «Ab urbe condita» (так названо сочинение Ливия в рукописях) — до современных автору событий. Не совсем ясно, завершалось ли все произведение смертью Друза (9 г. до н. э.) или поражением Вара в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.). Не исключено, что повествование было прервано смертью автора, который имел намерение довести свой рассказ до последних дней жизни Августа, планируя общий объем всего сочинения в 150 книг.

Обширность сочинения вынудила писателя публиковать свой труд по частям, разделив его на группы книг. Это определено, поскольку слава Ливия как историка распространилась еще до его смерти, а последние книги были опубликованы, по всей видимости, между 14 и 17 г. н. э. Такой способ публикации истории по циклам книг отвечал практике рецитаций, которой Ливий, несомненно, занимался.

Невозможно с точностью установить, как именно членилось все произведение, прежде всего потому, что историк в своей работе руководствовался планом довольно общим, который в ходе изложения материала мог частично меняться,

и предусмотреть заранее протяженность отдельных частей было ему, конечно, трудно.

В конце V в. в письме папы Геласия было засвидетельствовано деление ливиевского труда на декады (десятикнижия). Но, скорее всего, это членение не было строго выдержано писателем. Так, например, он делает вступление к 6-й книге; начиная же с 45-й книги разбить содержание на циклы из 10 книг вообще не представляется возможным. Как бы то ни было, группировка книг по циклам объясняет гибель значительной части истории Ливия, от которой до нас дошли полностью лишь 35 книг.

Огромные размеры ливиевской истории делали ее неудобной для передачи и чтения. Поэтому очень скоро стали появляться краткие обзоры содержания каждой книги (*periochae*), некоторые из которых, составленные неизвестными нам компиляторами в IV в., сохранились до нашего времени. Благодаря этим периодам мы можем судить о содержании утраченных книг и обо всем сочинении в целом.

Сейчас мы располагаем первой декадой, в которой излагаются события от возникновения Рима до окончательной победы над самнитами, т. е. включая экспансию Рима в центральной Италии (293 г. до н. э.). Вторая декада, в которой рассказывалось о войне с Пирром, утрачена. Уцелели также третья, четвертая и половина пятой декады (книги 21—45); в последней (45-й) книге недостает заключительной части. В этих книгах речь идет о второй Пунической войне (третья декада) и военных действиях римлян на Востоке до триумфа Эмилия Павла, разгромившего в 168 г. до н. э. македонского царя Персея (четвертая и первая половина пятой декады).

Избранный Ливием метод является, по крайней мере внешне, анналистическим. События излагаются в хронологической последовательности год за годом. Если какой-то эпизод разворачивается в пределах нескольких лет, он делится автором на части. Рассказ о каждом годе открывается указанием о вступлении в должность консулов, а заключается крайне схематичным, типично анналистическим по своей сухости, перечнем таких событий, как необычные природные явления, закладка храмов, триумфы, вывод колоний и т. п.

Эти данные официального характера Ливий мог извлечь из annalов понтификов, опубликованных около 123 г. до н. э. верховным понтификом Публием Муцием Сцеволой в одном собрании, объединившем события последних 280 лет и составившем 80 книг, которые получили название «*Annales Maximi*» («Великие annales»).

Избрав анналистический метод для своего повествования, Ливий тем самым подключился к древней историографической традиции, что, несомненно, было отмечено его современниками, уже привыкшими после появления сочинений Цезаря и Саллю-

ствия к монографической форме изложения исторического материала. Но именно потому, что Ливий хотел быть национальным историком, он вышел из жестких рамок древней анналистики, под новым углом зрения пересмотрев все значительные события римской истории. Впервые в римской историографии историк, свободный от необходимости оправдывать свой интеллектуальный досуг, как это совсем недавно делал Саллюстий, получает возможность целиком отдаться литературной деятельности и взглянуть на историю Рима как на замкнутый цикл, завершившийся при Августе.

Естественно, что в задачу Ливия не входило исследование причин исторических событий. При столь широких временных рамках сочинения сделать это было просто невысказано. Намерения историка ясно изложены в предисловии, где он говорит, что хорошо знает, что рассказ о событиях более древних доставит большинству читателей меньше удовольствия, чем рассказ о событиях недавней поры. Но для него воскрешение в памяти прошлого — это отдохновение от забот настоящего, которое способно лишь смутить душевный покой рассказчика.

Прошлое, таким образом, противопоставлено настоящему как эпоха доблести эпохе упадка. На первый взгляд это напоминает моралистическую установку Саллюстия, но в действительности Ливий очень далек от него. Если автор «Заговора Катилины» не видит никакого выхода из кризисной ситуации, в которой оказалась римская республика, то патавинец возлагает большие надежды на реформаторскую деятельность Августа.

В предисловии Ливий побуждает своего читателя задуматься о жизни, нравах, мужах и средствах, позволивших Риму завоевать мир. Главная польза истории состоит в том, что она дает всякого рода поучительные примеры. «Здесь, — пишет историк, — и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же — чего избегать». Из всех когда-либо существовавших на земле государств Рим представляется ему самым богатым добрыми примерами (*bona exempla*).

Воспитательное значение исторических примеров в ливиевской концепции историографии сродни этической полезности, которую требовали от исторического сочинения грек Исократ и римлянин Цицерон, назвавший историю учительницей жизни (*historia est magistra vitae*).

Ливий — не исследователь исторических событий, а рассказчик, точнее, *exornator regum* (красноречивый рассказчик), по терминологии Цицерона. Его цель — в соответствии со стилистическими канонами и художественными вкусами современной ему эпохи описать всю историю римского народа для увековечения системы нравственных ценностей, которые августовская реставрационная пропаганда хотела представить как вновь воз-

рожденные, хотя в действительности они давно принадлежали прошлому.

В свете вышеизложенного становится ясно, что Ливий, руководствуясь критериями преимущественно литературными, не считал своим долгом тщательное изучение документальных свидетельств. Из-за огромного размера своего сочинения он был вынужден ограничить число используемых им источников. В том случае, когда при изложении какого-нибудь события он обращается не к одному, а к нескольким источникам сразу, он редко занимается их сравнением для критического заключения. Как правило, Ливий берет за основу то один, то другой источник, используя их попеременно, иногда тяготея к тому из них, который больше подходит его общему замыслу.

Недостаток критического чутья проявляется у Ливия особенно в тех случаях, когда он имеет дело с неравноценными источниками. Он регистрирует не только документальное свидетельство, но и устную традицию, ставя их в один ряд, как человек, стремящийся к предельной объективности и потому бесстрастно учитывающий все мнения. Даже тогда, когда он знает, что источники ненадежны, он не в состоянии отказаться от их использования, выдвигая при этом весьма сомнительные критерии — мнение большинства или древность свидетельства.

Для первой декады, излагающей древнейшую историю Рима, основным источником Ливия были римские анналисты Валерий Анциат, Лициний Макр, Клавдий Квадригарий, Фабий Пиктор, Цинций Алимент. Возможно, что чаще, чем к другим авторам, он обращался за сведениями к Луцию Элию Туберону, другу Цицерона и помпеянцу, написавшему «Анналы», которые состояли по меньшей мере из четырнадцати книг.

Для третьей декады Ливий использовал труды Полибия, Катона Цензора и Целия Антипатра, при изложении менее древних событий — «Историю» Сизенны. Для промежутка времени от смерти Суллы до сражения при Акции (книги 91—123) исторических сочинений становилось все меньше, и их поток, видимо, полностью иссякал для периода, события которого стали содержанием последних книг Ливия. По всей видимости, для изложения современной истории Ливий должен был заняться исследовательской работой и обратиться к сведениям «из первых рук» — воспоминаниям очевидцев и участников событий, таким официальным документам, как сенатские постановления (*Acta senatus*) или речи Августа, сохранявшимся в архивах сената, которые стали доступны благодаря его близости к императорской семье.

Как уже отмечалось, в рассказе о конкретном событии Ливий следует какому-то одному источнику, взятому им за основу, заключая изложение своими соображениями о степени убедительности этого источника. Следствием такого метода является то, что реконструкция Ливием исторических событий, как

правило, обусловлена точкой зрения того автора, из сочинения которого он извлек материал для соответствующего эпизода. Например, описание борьбы между патрициями и плебеями, занимающее заметное место в первой декаде, сделано под сильным влиянием Лициния Макра и Валерия Анциата, которые этой теме придавали большое значение.

В целом Ливий — историк честный, добросовестный и искренне стремится к истине. В суждениях о внутренних распрях между политическими партиями в Риме он старается быть предельно сдержанным. Однако его невозмутимость исчезает, как только речь заходит о противоборстве римлян и их врагов-иноземцев. В подобных случаях чужеземные народы всегда оказываются неправыми перед римлянами, у которых, наоборот, всегда находятся оправдания своим действиям и объяснение своим поражениям. Если же Ливий признает доблесть врагов, то лишь для того, чтобы еще больше оттенить величие победы римского войска.

К пресловутым измышлениям анналистов, которые появлялись всякий раз, когда речь заходила об их предках, от себя лично Ливий ничего не добавляет. Он пытается избегать ошибок даже в тех случаях, когда вступает на зыбкую почву легенд и преданий. Но полностью отказаться от этих вымыслов он не может, особенно если они способны украсить его повествование возвышенными примерами римской доблести и непреходящими уроками нравственности.

Поскольку общая установка Ливия была не научная, а художественно-воспитательная, он иногда из патриотических побуждений и для достижения моралистического эффекта намеренно деформирует исторические события. Так, он искажает факты, повествуя о галльском нашествии в Италию в 390 г. до н. э., хотя в его распоряжении был внушающий доверие рассказ Полибия, который сообщает о том, что галлы, захватив Рим и получив от жителей города затребованный ими выкуп, вернулись к местам своего постоянного обитания, так как их области в свою очередь подверглись вторжению венетов. У греческого историка нет ни слова о Марке Фурии Камилле и его легендарном вмешательстве, прекратившем недостойный торг с галлами. Ливий же делает из этого главную сцену событий, ставшую впоследствии одним из самых знаменитых его рассказов.

«Военный трибун Квинт Сульпиций и галльский вождь Бренн согласовали сумму выкупа, и народ, которому предстояло править всем миром, был оценен в тысячу фунтов золота. Эта сделка, омерзительная и сама по себе, была усугублена другой гнусностью: принесенные галлами гири оказались фальшивыми, и, когда трибун отказался мерить ими, заносчивый галл положил еще на весы меч. Тогда-то и прозвучали невыносимые для римлян слова: горе побежденным!» («*vae victis!*» — 5, 48, 8—9; пер. С. А. Иванова).

Патриот Ливий не мог примириться с таким позорным для римлян поворотом событий и ввел в свое повествование финал с победоносным Камиллом.

Еще один не менее выразительный пример сознательного искажения Ливием исторических фактов — отнесение осады Сагунта войском Ганнибала к 218 г. вместо 219 г. Таким смещением во времени события историк хотел скрыть тот бесславный для римлян факт, что в течение года они не двинулись на помощь осажденному городу. Конечно, здесь могла быть ошибка не Ливия, а Фабия Пиктора, послужившего ему источником, но под рукой у августовского историка находился труд Полибия, которым он в очередной раз пренебрег.

Однако для самих римлян эти искажения не казались столь значительными, какими они представляются сейчас нам, и такие авторитетные писатели древности, как Сенека-ритор, Квинтилиан, Тацит, признавали Ливия историком честным и достойным доверия, и лишь один император Калигула порицал его за многословность и небрежность.

По всей видимости, Ливий, приближаясь к изложению событий, более близких ему по времени, и тех, свидетелем которых он был сам, имел информацию более подробную и надежную и, как уже отмечалось, чаще обращался к источникам «из первых рук».

Ввиду того что в своем сочинении Ливий широко пользуется экспрессивными средствами миметической историографии, некоторые современные ученые склонны считать его больше романистом, чем историком. На самом деле он лишь следует заветам Цицерона, который называл историю «произведением в высшей степени ораторским» («opus oratorium maxime»).

Ливий прекрасно сознает, что многое из того, что он приводит в своей истории, прежде всего само божественное происхождение Рима, способно впечатлить и взволновать читателя, но к исторической истине не имеет никакого отношения. И все же он не считает нужным обходить молчанием или подвергать критическому анализу старинные предания и легенды, о чем недвусмысленно заявляет в предисловии: «Рассказы о событиях, предшествовавших основанию Города и еще более ранних, приличны скорее творениям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать. Древности простительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов, а если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение и возводить его к богам, то военная слава народа римского такова, что, назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племена людские и это снесут с тем же покорством, с каким сносят власть Рима» (6—7; пер. В. Смирнина).

Такая позиция Ливия безусловно суживает широту его исто-

рического видения, но отсюда же проистекают такие замечательные особенности его истории, как ее исключительная торжественность, суровость и строгость и в итоге то удивительное дыхание поэзии, которое составляет главное обаяние ливиевских страниц.

Повествование Ливия складывается из эпизодов, напоминающих завершенные драматические сцены. Эти более или менее обширные тщательно обработанные сцены, повествование в которых сосредоточено вокруг одного персонажа, соединены между собой короткими промежуточными вставками. Наиболее известны эпизоды, связанные с легендарными именами Лукреции, Муция Сцеволы, Горация Коклеса, Кориолана, а также рассказы о переходе Ганнибала через Альпы, разгроме римлян при Тразименском озере и Каннах и многие другие. В этих описаниях, обладающих огромной драматической силой, изобразительное искусство Ливия достигает своей вершины. Широкое использование в них прямых речей и диалогов создает у читателя ощущение, что он присутствует на представлении трагедии. Действительно, своими корнями ливиевский труд погружается в римскую архаическую эпiku и в греческую, главным образом еврипидовскую, трагедию. О Еврипиде заставляет вспомнить любовь римского историка к патетическим, исполненным глубокого патриотизма ситуациям, как, например, в истории Софонисбы (30, 12—15), и его пристрастие к неожиданным, на первый взгляд катастрофическим, поворотам событий.

Художественно обрабатывая свой материал, обогащая и украшая его деталями, Ливий держит внимание читателей в непрерывном напряжении, побуждая их доискиваться внутренней сущности изображаемых персонажей, проникать в их душу, между тем как сам писатель скрывается за своими героями, предоставляя читателям самим судить о них. Историка не нужно объяснять читателям намерения, взгляды, сокровенные мысли своих персонажей, он просто заставляет их действовать, говорить и, таким образом, обнаруживать свою суть.

Диалоги героев Ливий строит с большим мастерством, используя речи как для характеристики говорящего, так и для живости изложения. Нередко диалог перерастает в публичную речь или политическую дискуссию, и тогда драматическое искусство выливается в красноречие. Речь, которые Ливий, по примеру историков, пишущих с художественной целью, заставляет произносить своих героев, разумеется, вымышлены самим писателем. Драматизация изложения дает историку возможность с максимальным эффектом довести до читателя этические ценности, носителем которых являлся римский народ. Из древних добродетелей, востребованных августовской реставрационной политикой, на первом месте стояло благочестие (*pietas*), верность заветам богов и предков.

Труд Ливия рождается из сознания исключительности исторической миссии Рима. Ливий глубоко убежден, что амбиции отдельного человека должны отступить перед традициями, унаследованными от предков. На страницах его истории великие полководцы Рима в своих поступках и поведении воскрешают древнее благочестие прародителя Энея, послушного исполнителя божественной воли. И если поражение римлян в битве при Тразименском озере (217 г. до н. э.) объясняется несоблюдением консулом Гаем Фламинием священных обрядов, то в этом проявляется не столько исконное суеверие Ливия, сколько дух общепринятой концепции, согласно которой своим величием и могуществом римское государство обязано благосклонности богов, возложивших на римлян в награду за их благочестие миссию управления другими народами. Это величие Рима было закреплено победой Августа при Акции, завершившей, в предствлении Ливия, целый исторический цикл.

Ливиевская религиозность — убежденная и глубокая. Конечно, он понимает нелепость некоторых древних религиозных представлений и склонен осуждать вульгарные суеверия, но он никогда не восстает против традиции, религиозности и веры предков, потому что хорошо помнит завет Энния, сказавшего, что могущество Рима покоится на древних нравах великих героев прошлого («*Moribus antiquis res stat Romana virisque*»). Вслед за Стоиками и Варроном Ливий считает, что религиозные представления древних при всей их наивности способны выполнять определенную социально-общественную роль и служить стимулом к подвигам на благо отечества. Интерпретируемые аллегорически, они могут стать действенным средством государственной политики. Передавая традицию, связывающую происхождение Рима и его народа с богом Марсом, Ливий знает, что речь идет не более как о поэтической легенде, однако она представляется ему значительной, поскольку вызывает у читателя чувство благоговения перед величием Рима как перед религиозным таинством.

Несмотря на разнообразие трактуемого в нем материала, сочинение Ливия имеет определенное единство, которое создается глубокой верой историка в провиденциальное назначение Рима. Согласно концепции Ливия, римская история разворачивается как реализация божественной воли, сводимой к стоическому провидению (*fatum*), которое может проявляться через чудеса и знаменья. Историк педантично передает их, причем, как мы могли убедиться, не только по причине своего почтительного отношения к повествовательной практике анналистов.

Наряду с ценностями религиозными большое внимание уделяет Ливий ценностям человеческим, таким моральным качествам, как верность (*fides*), согласие (*concordia*), любовь к порядку и дисциплине (*disciplina*), серьезность (*gravitas*), цело-

мудренность римских матрон (*pucllicitia*), хозяйственность и бережливость (*frugalitas*). Эти высокие достоинства определяют тот древний дух (*antiquus animus*), который, как говорит историк, он чувствует в себе, излагая события римской старины.

Ливий разворачивает перед читателями серию примеров, иллюстрирующих эти образцовые качества древних римлян. Так, воплощением долга у него является Брут, основатель Римской республики и первый консул, участвовавший в изгнании из Рима царей. Он приговорил к смерти двух своих сыновей за то, что они составили заговор с целью возвращения в Рим царской власти (2, 5). Смешанное чувство ужаса и восхищения вызывает у писателя поступок консула Тита Манлия, который осудил на казнь собственного сына, вступившего в сражение с врагом вопреки распоряжению отца и тем самым, несмотря на одержанную им победу, нарушившего воинскую дисциплину (8, 7).

Не менее достойна восхваления доблесть в женщине. Историк красочно повествует о Лукреции, которая, будучи обесчещенной, на глазах у мужа и близких убила себя (1, 58—59). История Лукреции у Ливия — одна из самых ярких по живости изложения. Она драматизирована, насыщена монологами, что дало основания предположить, что историк был знаком с какой-то драмой, посвященной Лукреции.

В поведении легендарных римлян, считает Ливий, можно обнаружить немало примеров высокой нравственности, полезных для его современников. Таков Цинциннат, образец умеренности и трудолюбия. Известие о своем назначении диктатором он получил, обрабатывая участок земли. Через пятнадцать дней, разбив врагов и сложив с себя диктатуру, Цинциннат вернулся на свое поле. «Об этом, — пишет Ливий, — полезно послушать тех, кто уважает в человеке только богатство и полагает, что честь и доблесть ничего не стоят, если они не приносят ему несметных сокровищ» (3, 26, 7).

В своем увлечении героями прошлого Ливий склонен иногда приписывать им качества, которыми они в действительности не обладали. Так, идеализируя Сципиона Африканского, историк наделяет его аскетизмом и скромностью, хотя в жизни он никогда ими не отличался. Такое восхищение добродетелями предков присуще, как правило, людям консервативных взглядов. Видимо, не случайно Ливий получил от Августа шутовское прозвище «помпеянец» за то, что открыто хвалил вождей антицезарянской партии. Консерватизм Ливия подтверждается его знаменитой дилеммой: «Благом или злом было для Рима рождение Цезаря?» Однако ностальгия по прошлому и республиканским идеалам не лишила историка расположения Августа, власть которого он воспринял как высшую цель исторической миссии Рима, ведомого богами по пути своего мирового величия.

Политическую программу Августа Ливий разделял главным образом потому, что принцепс стремился восстановить милые сердцу историка республиканские древности. Так что труд Ливия полностью вписывается в августовскую идеологию. Образцовые личности республиканского Рима в истории Ливия лишены отличительных политических черт и представлены как носители исключительно моральных ценностей.

Хотя историк разделял общий дух своей эпохи, тем не менее он не мог игнорировать тот факт, что, несмотря на победу Августа, глубокие причины, которые привели к нравственному упадку римского народа, сохранялись по-прежнему. Историю Рима Ливий воспринимает как постепенную деградацию от вызывающих восхищение древних времен к нравственной испорченности современной ему эпохи, когда государство, по словам историка, достигнув вершины могущества, уже не в состоянии выдерживать бремя своего величия, а граждане не в силах переносить ни собственные пороки, ни лекарства от них. Этот традиционно-моралистический взгляд на римскую историю не препятствует Ливию в предисловии к своему сочинению как бы в полемике с Саллюстием утверждать, что моральный кризис начался в Риме гораздо позже, чем в каком-либо другом государстве, потому что никакое другое государство не имеет столько выдающихся примеров высочайшей доблести, как Рим.

В первобытной простоте еще не испорченного Рима Ливий находит те замечательные моральные качества римлян, которые определили их дальнейшую судьбу властелинов земли. В этой идеализации прошлого писатель не оригинален, как, впрочем, и в своем стремлении выделить как два полярных порока алчность и страсть к роскоши, которые все писатели-моралисты неизменно считали причиной нравственного разложения Рима.

Социальные и политические причины исторических событий выпадают из поля зрения Ливия, хотя он имел под рукой историю Полибия, который именно в политической структуре римской республики видел причину необычайного возвышения Рима и его великих завоеваний. Ливий не в состоянии обнаружить скрытые истинные причины этого грандиозного феномена, его взор прикован исключительно к миру, восстановленному Августом в Италии, в войнах он видит лишь отрицательный фактор, хотя прекрасно понимает, что именно в них с наибольшей полнотой проявляются римские духовные качества и что своим могуществом римляне обязаны прежде всего войнам.

Идея, согласно которой история дает в назидание будущим поколениям примеры, имеющие непреходящее значение образцов для подражания, а также примеры, которых следует избегать, определяет характер всего ливиевского сочинения, т. е. не только его концепцию, но и стиль. Как пронизательно заметил

Квинтилиан, Ливий больше подходит для юношей, в то время как для мужчин полезен Саллюстий (2, 5, 19).

Для достижения воспитательной цели Ливий охотно обращается к художественным средствам поэзии и красноречия. Хотя его стиль сохраняет свои основные черты во всех частях повествования, он вовсе не является однообразным и не остается абсолютно неизменным повсюду. Язык Ливия всегда соответствует конкретному содержанию и даже эпохе, о которой идет речь.

Когда Ливий повествует об отдаленных и легендарных временах римской истории, его стиль приобретает особую возвышенность и торжественность. Писатель вводит в свою речь архаизмы по образцу Энния, чтобы таким образом придать эпический колорит рассказу о легендарных подвигах римлян. Сходным образом он поступает и в тех случаях, когда рассказывает о величайших исторических событиях, например битве при Каннах.

Следуя Эннию, Ливий изображает древних героев и древние события по образцу Гомера. Так, Камилл у него походит на Ахилла, а осада Вей напоминает осаду Трои. Вслед за анналистами, которые обращались к Эннию, словно к своему прародителю, Ливий черпает из его «Анналов» свое поэтическое вдохновение. Стилистические реминисценции из Энния выполняют в его сочинении, помимо прочего, задачу программного утверждения, подчеркивая желание Ливия быть национальным историком, подводящим итог многовековой истории римского народа. Поэтому он пишет так, чтобы его произведение могло соперничать с поэзией.

Не случайно труд Ливия часто определяют как национальный эпос в прозе, героем которого является весь римский народ, который, как великий протагонист, то радуется, то страдает, то терпит поражение и вновь одерживает верх над врагом. Таким образом, рассказ Ливия перерастает в эпопею о римском народе, прочно стоящем на фундаменте своих добродетелей.

Поэтический и архаический колорит ливиевского стиля способствует достижению патетических и драматических эффектов, характеризующих большую часть его истории. Намеренно архаизируя свой стиль и отдаляясь от языка повседневной речи, Ливий высвечивает древность источников, из которых он извлекает исторический материал для своего сочинения. Этим он одновременно демонстрирует свою приверженность августовской политике, направленной на возрождение вековых ценностей римского народа.

Подобная стилистическая установка уже имела место в римской историографии, достаточно вспомнить Целия Антипатра или старшего современника Ливия, автора монографий о Катилине и Югурте, с которым его сближают такие особенности

стиля, как архаическая лексика, поэтический колорит, некоторая асимметрия периодов, синтаксические вольности. Но этим, пожалуй, и ограничивается сходство между двумя манерами повествования. В совокупности всех составляющих его черт слог Ливия все же далек от саллюстианского. Если первый был определен Квинтилианом как «*lactea ubertas*» («молочная полнота»), то второй словом «*brevitas*» («краткость»).

Действительно, период Ливия разворачивается чаще всего с плавностью, легкостью и текучестью, не ведая резких колебаний и рывков, присущих стилю Саллюстия, т. е. скорее в соответствии со стилистическими указаниями Цицерона о языке исторической прозы. Влияние цicerоновской прозы особенно заметно в многочисленных прямых речах и в драматических эпизодах, между тем как в соединительных частях стиль Ливия становится прерывистым и свободным, в них часто встречаются вводные слова и предложения, асиндетон и нарушение симметрии, что является явным отклонением от цicerоновских норм.

Таким образом, в прозе Ливия появляется смешение особенностей синтаксического построения цicerоновского типа с чертами, присущими латыни художественной литературы переходного периода, когда в красноречии и историографии обнаружались первые признаки антицicerоновской реакции на многословие и плавность периодов, приведшей в конце концов к созданию так называемого *нового стиля*.

Особая проблема связана с обвинением Ливия в патавинизме (*patavinitas*), выдвинутом против него пуристом Азинием Поллионом. Упрек Поллиона, вероятно, касается стиля, в котором он чувствовал некий провинциализм, наносящий вред общей выразительности ливиевского языка. Однако невозможно установить, в чем именно состоял этот провинциализм. Возможно, под патавинизмом Поллион имел в виду провинциально-морализаторский характер прочтения Ливием римской истории.

Как мы видим, Ливий — больше поэт, чем историк. Поэтому не следует требовать от него критического отношения к источникам, политического сознания и юридического чутья, топографической и военной осведомленности. Все это у него компенсируется живостью и занимательностью изложения, одушевленного этическим идеалом, который является главным стимулом и сутью его истории. Для того чтобы поучать, нужно сначала понравиться читателю, а для того чтобы нравиться, нужно выработать стиль, адекватный предмету изложения. И Ливий создает такой стиль — торжественный, величественный, поэтический, — с помощью которого он передает всю глубину своего внутреннего напряжения.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПОМПЕЯ ТРОГА

Историография Помпея Трога по многим аспектам может рассматриваться как антиливиевская. Между Трогом и Ливием лежит целая пропасть, хотя они жили примерно в одно время.

История Ливия была романоцентристской, т. е. имела установку древней анналистической историографии, в которой история мира обозревалась с точки зрения римского патриота, пренебрегающего культурными ценностями побежденных народов как незаслуживающими внимания. Конечно, не все историки разделяли такую установку. К их числу относится, например, Тимаген Александрийский. В 55 г. до н. э. он в качестве пленника прибыл в Рим, где приобрел славу ритора. Одно время он был дружен с Августом, но испортил с ним отношения и принцепс отказал ему от дома. Последние годы своей жизни Тимаген провел под кровом Азиния Поллиона.

От его сочинений ничего не дошло. Среди них была всеобщая история под заглавием «Цари», в центре которой находились личности монархов от Александра Македонского до Цезаря. Направленность этого произведения была антиримской, чем, видимо, объясняется его утрата.

Интерес к личностям царей восходит к ученику Исократы греческому историку Феопомпу, написавшему в IV в. до н. э. сочинение под названием «Philippikà» («История Филиппа»), в котором содержался обстоятельный рассказ о жизни македонского царя Филиппа II, отца Александра Великого. Название, использованное Феопомпом, взял для своей истории Помпей Трог, так как центральным героем в ней был также Филипп Македонский.

Помпей Трог родился в Нарбонской Галлии. Его дед вместе с Гнеем Помпеем сражался против Сертория (80—72 гг. до н. э.) и получил от него римское гражданство (и, вероятно, имя). Отец же служил в войске Юлия Цезаря.

Кроме истории, Трог интересовался естественными науками. Он написал трактат «О животных». Возможно, занимался также ботаникой. Но главный его труд — «Historiae Philippicae» («Филиппова история») в 44 книгах, представлявшая собой очерк всеобщей истории. До нас это сочинение дошло в кратком изложении-компендии, сделанном во II в. н. э. неким Юстином. Кроме того, в нашем распоряжении имеются «прологи» (prologi), подробно перечисляющие события, содержащиеся в каждой книге. Компендий Юстина и «прологи» позволяют сде-

дать довольно надежную реконструкцию общего содержания «Филипповой истории».

Повествование начиналось с рассказа о древнейших восточных государствах — Ассирии, Мидии, Персии. Затем излагалась история Сицилии и Греции (книги 1—6). Самая большая и значительная часть сочинения (книги 7—40) была посвящена истории стран восточного Средиземноморья и, естественно, Македонии. Особое внимание было уделено Парфянскому царству (книги 41—42). О древней истории Рима до царствования Тарквиния Приска речь шла в 43-й книге. В последней, 44-й книге, рассказывалось о столкновении римлян с галлами, здесь же давалось описание западного мира и завершалось все повествование историей Испании и Африки. Изложение, таким образом, было доведено до современных автору событий — до 30 г. до н. э. — согласно одной традиции, до 9 г. н. э. — согласно другой.

Структура «Филипповой истории» свидетельствует о том, что автор разделял концепцию историографии геродотовского типа. Так же, как в «Истории» Геродота, у Помпея Трога исторические аспекты неразрывно связаны с аспектами географическими. Взгляд обоих историков направлен с востока на запад. И это не просто композиционный прием, определяющий последовательность изложения исторического материала, а следствие понимания того, что движение мировой цивилизации идет именно с востока на запад. Естественно, что в этом всеобъемлющем процессе римская история оказывается лишь одним из эпизодов, значительным и важным, но все же эпизодом всемирной истории. По мысли Трога, Римская империя — последняя в ряду следовавших одна за другой империй, но не единственная в то время на земле, потому что одновременно продолжало существовать Парфянское царство.

Контраст между концепциями Помпея Трога и Тита Ливия совершенно очевиден: если для Ливия главным героем мировой истории был Рим, который занимает в ней центральное место, то для Трога победы Рима и его господство над другими народами — лишь составная часть всеобщей истории. Этим, однако, различия не ограничиваются. Несмотря на то, что Трог помещает Рим в один ряд с величайшими державами прошлого, все же предпочтение он отдает македонскому государству, считая более значительным господство Македонии, чем Рима.

В отличие от Ливия Трог весьма далек от возвеличения Рима, он скорее преуменьшает его значение в мировой истории, причем делает это намеренно демонстративно, и это в то время, когда Рим находился на вершине своего величия и могущества («*scaput totius orbis*» — «глава всего мира», по слова самого Трога) и когда, кажется, не осталось писателей, которые не прославляли бы на все лады империю Августа.

Героем произведения Помпея Трога является Филипп II Македонский, но восхваляются также его сын Александр, эпирский царь Пирр, карфагенянин Ганнибал, и царь Понта Митридат. Когда же речь заходит о заслугах и достоинствах римских полководцев, историк становится крайне сдержан, более того, он находит удовольствие вспоминать широкоизвестные сокрушительные поражения римлян и охотно останавливается на истории давних врагов Рима — парфян.

Такой подход в трактовке истории трудно определить иначе как антиримский, но не в смысле предвзятой враждебности Трога, а в том смысле, что позиция автора, возможно, в силу его стремления к объективности, представляет собой сопротивление и даже противодействие общепринятому пониманию римской истории, характерному для писателей той эпохи.

Следы антиливиевской полемики в произведении Трога видны, например, в том, как он, римлянин галльского происхождения, излагает историю галльского нашествия в 390 г. до н. э. В его рассказе об этом событии особо выделен захват галлами Рима; эпизод с Камиллом, как и в «Истории» Полибия, отсутствует, зато дается информация о том, что выкуп для освобождения города был получен от жителей Массилии. Как уже отмечалось, вряд ли Помпей Трог был человеком антиримской ориентации в прямом смысле слова, более правдоподобно, что его история является реакцией уроженца западных римских провинций, гордящегося культурой своей «малой родины», на чрезмерно централизованную политику Рима, выразителем которой была сенатская аристократия и которая нашла наиболее яркое отражение в анналистике Ливия. По сути дела, Трогом движет желание, чтобы провинции и центр были объединены на основе равенства, и это, надо сказать, более отвечало требованию времени, чем национализм Ливия.

В сочинении Помпея Трога обнаружилось, по всей видимости, первое в римской историографии проявление тенденции, которая вскоре решительно заявит о себе. Это — универсализм, который в противовес римскому централизму будет неуклонно завоевывать популярность и укреплять свои позиции в римских провинциях.

Не исключено, что в отказе Трога от восхваления традиционных римских доблестей и героико-религиозного воспевания великого Рима нашел выражение нарастающий пессимизм в отношении к римской империи и ее политике.

Что касается моралистической установки Помпея Трога, то она сближается с установкой Саллюстия-моралиста, стилистическая манера которого была, видимо, также близка автору «Филипповой истории». Антиливиевский стилистический выбор Трога подтверждается, в частности, его отказом от использования прямых речей.

На повествовательное искусство Трога большое влияние

оказала эллинистическая историография, что выразилось в склонности историка к необычному и пристрастии к приключенческому элементу, а также в его особой тяге к романтическому и патетическому.

Глава одиннадцатая

ИСТОРИОГРАФИЯ ОППОЗИЦИИ В ЭПОХУ ЮЛИЕВ — КЛАВДИЕВ

Преобразование государственного устройства, осуществленное Октавианом Августом, имело глубокие последствия, проявившиеся в культурной и литературной жизни Римской империи, но больше всего изменения коснулись историографии. С приходом Августа к власти резко повысилось значение всаднического сословия, к которому присоединилась обширная прослойка административных и военных чиновников, необходимых для управления непомерно разбухшей империей. Расширение власти новых социальных слоев шло в ущерб всесилию сенатской аристократии, которая по-прежнему оставалась хранительницей историографических традиций в Риме. Поэтому отрицательное отношение к принципату нашло отражение главным образом в тех сочинениях, которые создавались в русле традиционных форм.

Негативная оценка происходящего выливалась чаще всего в оплакивание попорченной принципатом свободы. Тема гражданских войн, приведших к гибели республики, становится в это время самой предпочтительной темой оппозиционной историографии. Так, историю гражданских войн пишет виднейший представитель республиканской оппозиции при Августе Тит Лабиев. Он происходил из семьи помпеянцев, доведенной до нищеты. Живя в тяжелых лишениях и нужде, Лабиев нападал на власть имущих с такой резкой критикой, что заслужил прозвище *Rabienus* («Бешеный»). Его сочинения были осуждены на сожжение, а сам он покончил с собой.

Судьба Лабиева и его книг свидетельствуют о том, что Август был либерален только по отношению к тем историкам, сочинения которых не приобретали оппозиционной направленности.

Среди тех, кто осмелился открыто выразить свои республиканские взгляды, был Кремуций Корд. Он написал «Анналы», трактовавшие период гражданских войн. Хотя Август проявил

терпимость к этому сочинению, при Тиберии оно все же было осуждено на сожжение, а против автора в 25 г. н. э. было возбуждено судебное преследование, не дожидаясь завершения которого он покончил жизнь самоубийством, по примеру Тита Лабiena уморив себя голодом.

Республиканские симпатии Кремуция Корда выразились, например, в его отношении к убийцам Цезаря Бруту и Кассию: о первом он отзывался с большой похвалой, а второго назвал «последним из римлян». Кроме того, он прославлял Цицерона как мученика за свободу. Несмотря на распоряжение Тиберия, «Анналы» Кремуция Корда были спасены его дочерью, тайно распространялись и впоследствии, когда при Калигуле было разрешено их обнаружение, изданы, правда, очищенные от всего, что было отмечено явным республиканизмом автора.

От этого произведения сохранился фрагмент, в котором описывается смерть Цицерона. Возможно, этот отрывок послужил моделью для Тита Ливия в его рассказе о смерти великого оратора и последнего защитника республики. Трагико-риторический тон фрагмента указывает на драматический характер историографии Кремуция Корда.

Лишь незначительная часть сохранилась от «Истории» Луция Аннея Сенеки-ритора, повествование в которой было доведено по меньшей мере до смерти Тиберия (37 г. н. э.). Сочинение имело примечательный подзаголовок: «*Ab initio bellorum civilium*» («От начала гражданских войн»). В «Истории» Сенеки содержалось сопоставление истории римского государства с человеческой жизнью: младенчество и детство Рима приходится на период царей, отрочество — на эпоху ранней республики, когда, став совершеннолетним, он предпочел повиноваться не царям, а законам; молодость и зрелость совпали с эпохой средиземноморских завоеваний, в том числе пунических войн; первые признаки старости проявились с началом гражданских войн, когда, не имея больше внешних врагов, Рим начал раздираться внутренними раздорами, и, наконец, глубокую старость являет собой империя, как бы вновь вернувшаяся в младенчество, так как государство, не имея сил управлять собой без посторонней помощи, обратилось к поддержке единоличных правителей, как когда-то царей.

В этой яркой метафоре сожаление об утраченной свободе звучит в унисон с жалобами сенатской аристократии, оплакивающей гибель республики.

Не столь ясными представляются политические позиции таких историков, как Фенестелла и Авфидий Басс.

Фенестелла, деятельность которого относится к веку Тиберия, написал «Анналы», включавшие не менее чем 22 книги, от которых сохранились лишь краткие фрагменты. Упоминается также его сочинение под названием «*Epitomaе*». По всей видимости, это было краткое изложение более обширного труда.

Насколько мы можем судить, Фенестелла интересовался различными древностями и достопримечательностями. Ему принадлежали многочисленные произведения антикварного характера: о магистратах, публичном праве, календаре, частной жизни, сельском хозяйстве, теории литературы. У последующих поколений Фенестелла пользовался широкой известностью.

Авфидий Басс жил, вероятно, при Тиберии. Он написал сочинение о войне с германцами и другое под названием «История», которое охватывало события римской истории от эпохи Цезаря до падения Сеяна, всесильного временщика при императоре Тиберии (31 г. н. э.). В «Истории» рассказывалось, в частности, о смерти Цицерона. Есть основания допускать, что в ней наличествовала просенатская тенденция.

Как мы видим, излюбленными формами филосенатской историографии I в. н. э. были анналы и история, в которых внимание историков было сфокусировано исключительно на Риме как центре вселенной.

Глава двенадцатая

КОНСЕРВАТИВНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, ВАЛЕРИЙ МАКСИМ, КУРЦИИ РУФ

Историография эпохи Юлиев — Клавдиев чутко реагирует на политические условия и вкусы времени. Теперь, когда вся полнота государственной власти сосредоточена в руках одного человека, а народ потерял свои прежние полномочия и перестал быть творцом истории, уступив эту роль императору и его приближенным, писатели-историки все свое внимание концентрируют на отдельных фигурах политических деятелей. Однако их историческая объективность страдает от двух противоположных тенденций. У одних историков слишком живуч дух конформизма, у других преобладает преданность республиканским идеалам. Голоса этих последних, т. е. немногих смелых историков, скоро смолкли. Все произведения, направленные против принципата, были уничтожены, как, например, история Тита Лаблена, или окружены молчанием официальных кругов, как труд Помпея Трога.

Так что нет ничего удивительного в том, что до нас дошла историография, прославляющая императоров и новый политический строй, в то время как историография просенатской ориентации почти целиком исчезла. Здесь, видимо, не обошлось без

цензорского вмешательства центральной власти, зорко следящей за тем, чтобы все следы оппозиции были стерты и распространялись лишь те произведения, направленность которых была угодна императору.

Ненамного позже «Филипповой истории» Помпея Трога увидело свет историческое сочинение, которое разительно отличается от него. Это — «*Historia Romana*» («Римская история») Гая Веллея Патеркула. Насколько Помпей Трог равнодушен к доблестям и славе Рима, настолько Веллей Патеркул — восторженный поклонник римской империи и особенно Тиберия, так что складывается впечатление, что его история была задумана как панегирик императору.

О жизни Веллея Патеркула мы знаем лишь то, что он сообщает о себе в своем сочинении. Он принадлежал к кампанскому роду всадников, крепкому своими военными традициями. Высокие посты в римской армии занимали его дед по отцовской линии, отец и брат. Сам Веллей Патеркул воевал в составе римского войска на Востоке, в Германии и Паннонии. Был начальником конницы при Тиберии и позже его легатом. В Германии ему предоставилась возможность лично узнать Тиберия и оценить его военные способности. В 14 г. н. э. Тиберий назначил Веллея Патеркула претором на ближайший год. Таким образом, историк принадлежал к тем социальным группам, которые выдвинулись с установлением принципата.

Свою «Историю», которая охватывает обширнейший период от Троянской войны до 30 г. н. э., Веллей Патеркул посвятил своему другу, консулу 30 г. н. э. Марку Виницию. Начало истории утрачено, кроме того, имеются значительные лакуны в дошедшей части сочинения. Весь труд разделен на 2 книги, в первой из которых изложение доходит до событий 146 г. до н. э., когда были разрушены Карфаген и Коринф. Вторая книга посвящена внутренним и внешним событиям последнего столетия римской республики, переходу к принципату Августа и правлению императора Тиберия.

Содержание «Истории» Веллея Патеркула охватывает огромный отрезок времени, однако автор, не задерживаясь на событиях очень отдаленных времен, быстро переходит к рассказу о современных ему событиях. Повествование лишено какой-либо авторской индивидуальности и довольно безлико.

Обращение к далеким истокам, которые непосредственно сами по себе историка не интересуют, — обычная уступка анналистике. Поэтому темп повествования очень неровный, что видно уже из распределения материала по двум книгам: первая часть напоминает сжатый комpendий с очень стремительным темпом изложения, постепенно рассказ делается все более обстоятельным и подробным, когда же речь заходит о Тиберии, повествование становится до некоторой степени элогием с характерными для этого жанра чертами стиля, пространным и

многословного, так что вся предшествующая часть служит как бы вступлением к основной части сочинения. Веллей Патеркул сам заявляет о своем намерении вести изложение в стремительном темпе и неоднократно указывает на некоторую свою торопливость в рассказе о древних событиях. Однако не создается впечатления, что его произведение написано без тщательной предварительной подготовки материала.

Тот факт, что «История» была написана специально для Виниция, чтобы снабдить будущего консула кратким и удобным руководством по всеобщей и римской истории, в какой-то степени объясняет некоторые характерные особенности этого сочинения, в частности, его общедидактическую установку, благодаря которой история под пером Веллея Патеркула становится чем-то большим, нежели простой перечень событий. Это скорее серия портретов исторических персонажей, которые показаны довольно наглядно с их достоинствами и недостатками, причем автор время от времени делится своими замечаниями и объяснениями.

С этим способом комментированного изложения материала сочетается полное отсутствие у писателя исторического чутья и пронизательности. От его взора ускользают действительные, сложные и глубокие причины событий, которые, по его мнению, завязят прежде всего от отдельных личностей, на которые он взирает скорее с любопытством, чем с прозорливостью исследователя.

Стремление к упрощенчеству делает Веллея Патеркула фанатичным защитником законности и установленного порядка, каким бы этот порядок ни был: тот, кто его защищает, всегда прав; тот, кто ему противится, — не прав. Это — одно из оснований, побуждающих историка восхвалять Тиберия, ведь Тиберий — законный наследник Августа, живая гарантия непрерывности императорской власти, вечности и несокрушимости Римской империи. В принципе Веллей видит оплот мира и залог порядка. Он превозносит цезарей, как раньше, описывая эпоху республики, отзывался с похвалой о Сулле и Помпее, воспринимая их как опору и носителей законности.

В то время как римская историография эпохи империи часто принимала аристократически-оппозиционный характер, Веллей Патеркул представлял собой как бы рупор военного сословия, к которому он принадлежал и лояльность которого по отношению к принципату выражал.

Веллей Патеркул вовсе не раболепствующий льстец, каким он иногда может показаться. Он пишет с искренностью, которая заслуживает уважения, просто он не ставит перед собой политических проблем; идеологические расхождения его не интересуют. Из упрощенческого понимания и истолкования исторического процесса рождается и его морализм. Все это, однако, не мешает ему следовать стилистической моде времени. Сила

изобразительности в прозе Веллея скорее внешняя, а не присущая писателю органически. Для достижения эффекта он прибегает к стилистическим ухищрениям — ассонансам, антитезам, параллелизмам, апострофам.

В «Истории» Веллея Патеркула есть одна оригинальная находка: описывая политические и военные события, он нередко задерживает внимание на событиях из области культуры и литературы, сообщая, пусть очень кратко и в общих чертах, об особенностях греко-римской цивилизации в различные периоды ее существования. Он не только дает сведения об истории литературы, но и высказывает свои суждения по отдельным вопросам. Эти оценки не заслуживают особого внимания, но весьма показательны из-за своего наивного схематизма. Так, Веллей полагает, что каждый литературный жанр, развиваясь, достигает своей наивысшей зрелости, после чего неизменно следует стремительный упадок.

Хотя Веллей Патеркул никогда не углубляется в причины событий, его история представляет интерес, потому что в ней имеются те характерные черты, которые вскоре станут господствующими в имперской культуре: универсализм, форма краткого руководства, внимание к вопросам культуры и литературы, любопытство к биографиям личностей.

От сочинения Веллея Патеркула отличается и назначением, и установкой исторический труд его современника, писателя Валерия Максима. Однако по некоторым параметрам они все же могут сближаться. Это прежде всего общий для обоих историков интерес к человеку. Черта эта, столь явная в «Истории» Веллея Патеркула, у Валерия Максима становится ведущей, что видно уже из самого названия его произведения «*Factorum et dictorum memorabilium libri IX*» («Замечательные дела и слова в девяти книгах»).

То немногое, что нам известно о жизни Валерия Максима, извлечено из кратких намеков, которые он сам сделал в своем сочинении. Человек небогатый, он был клиентом консула 14 г. н. э. Секста Помпея, которого в 27 г. н. э. сопровождал в поездке в Малую Азию. Свой труд Валерий Максим опубликовал после 31 г., на эту дату он указывает в последней книге.

Девять книг Валерия Максима — это не столько историческое сочинение, сколько сборник примеров (*exempla*) доблести и порока, собранных вместе для нужд риторических школ и сгруппированных по разделам, посвященным определенным правоучительным темам, в свою очередь, разделенным на 95 рубрик (глав). Примеры предназначены иллюстрировать и доказывать какой-то конкретный моралистический тезис. Каждая рубрика имеет свое заглавие, например «О религии», «О терпении», «О человеколюбии и кротости», «О целомудрии», «О суровости» и т. д. Таким образом, получилось что-то вроде краткого руководства по практической морали.

Внутри каждой главы располагаются рассказы из римской истории и истории других народов, преимущественно греков. Такая группировка материала напоминает принцип, положенный в основу сочинения Корнелия Непота «О знаменитых людях». Столь тщательная рубрикация содержания обусловлена схоластической целью сочинения снабдить тех, кто готовит себя к адвокатской или литературной деятельности, удобным пособием, облегчающим труд по поиску и подбору нравоучительных примеров из всеобщей истории.

Сочинение открывается льстивым обращением к императору Тиберию, представленному как образец добродетели.

Ориентирующийся лишь на нравственные ценности и сводящий историю к серии портретов и забавных анекдотов, Валерий Максим исходит из распространенного в то время взгляда, что в послеавгустовскую эпоху история полностью прекратила свое развитие, как окончательно завершенная. Писатель не ставит перед собой цели рассмотреть факты в их историческом единстве, он стремится лишь к одному — сделать свое изложение предельно назидательным и доступным, для чего использует стилистические средства риторики, нередко при этом впадая в высокопарно-проповеднический тон.

Историографию с ярко выраженными признаками риторики представляет собой сочинение Квинта Курция Руфа, увидевшее свет в первые годы правления императора Клавдия (41—54 гг. н. э.). О жизни писателя нам ничего не известно. Возможно, его следует отождествлять с одноименным ритором, упомянутым Светонием.

Сочинение Курция Руфа «*Historiae Alexandri Magni Macedonis*» («История Александра Великого Македонского») в десяти книгах дошло до нас не полностью — без двух начальных книг. В уцелевших книгах повествуется о походах Александра Великого в Малую Азию, Сирию, Египет, Персию, Мидию, Индию и его возвращении в Вавилонию, где он нашел свою смерть. В последних главах 10-й книги рассказывается о борьбе за наследование власти, которая разгорелась после смерти царя, и разделе огромной державы, созданной Александром, между его полководцами. Та часть, которой мы сейчас располагаем, начинается с событий 333 г. до н. э.

Интерес к личности македонского царя в римской культуре уже имел прецеденты. Биография Александра Великого в школах риторики превратилась в популярный *exemplum*, который на все лады обрабатывался в разных схоластических упражнениях. Так, по мнению исследователей, известный пассаж Тита Ливия с вопросом: «Какой исход могла бы иметь для римского государства война с Александром?» (9, 17) представляет собой юношеское упражнение будущего писателя, включенное им впоследствии в «Историю». В риторических школах нередко

разрабатывалась проблема: доблести или удаче обязан Александр своим успехом?

Фигуре Александра Великого целые две книги «Филипповой истории» посвятил Помпей Трог. Греческий монарх был образцом, которым вдохновлялся римский император Калигула.

Курций Руф мог обратиться к обширной исторической, биографической и анекдотической литературе, которая, начиная с эллинистической эпохи, накопилась об Александре Великом. В греческой литературе он стал героем романа, действие которого происходит в сказочных местах и изобилует чудесами, а подвиги героя сопровождаются необыкновенными приключениями.

Хотя эта традиция об Александре Великом имела апологетический характер, все же, даже при всех преувеличениях, она не отвечала истинному величию этой замечательной личности, открывшей новую историческую эпоху. Романтические и сказочные одежды, в которые облекла Александра легенда, скрыли истинное значение этого выдающегося исторического деятеля.

Из эллинистических источников Курций Руф использовал преимущественно труд греческого историка Клитарха, изобилующий романическими элементами, подключаясь, таким образом, к миметическому направлению в античной историографии. Он хочет дать читателю полный приключений рассказ, имеющий историческую основу. Описываемым событиям историк придает, как правило, сценическую форму. Прямые речи героев строятся по канонам риторического искусства. Курций Руф любит изображать впечатляющие движения масс, однако это не всегда соответствует важности излагаемых событий.

В композиционном отношении весь материал распределяется так, что каждому знаменательному моменту, способному взволновать читателя и побудить его к размышлению, посвящается отдельная часть. С целью поразить свою аудиторию писатель часто останавливается на необычном и удивительном (*mirabilia*). Неиссякаемый материал для этого давали походы Александра в восточные страны, особенно в Индию, быт обитателей которой был полон экзотики для жителей Италии.

Курций Руф лишен даже минимального желания взглянуть критически на свои источники, хотя и испытывает некоторый скептицизм по отношению к ним: «*plura transcribo, quam credo*» («я больше списываю, чем верю»), — заявляет он (9, 1, 34). Источники Курция Руфа не всегда благосклонны к Александру, который в истории римского автора предстает как человек, наделенный одновременно великодушием и жестокостью, добродетелями и пороками. И это понятно, поскольку цель сочинения — главным образом развлекать читателей и поражать их фантазию. Портрет героя создается по обычной, широко распространенной в риторических школах схеме.

Не следует, однако, исключать, что автор намеревался про-

вести какую-то параллель между историей Александра и некоторыми событиями современной ему действительности, ведь римские императоры, стремясь соперничать с легендарными подвигами македонского царя, любили сравнивать себя с ним.

Как бы то ни было, жизнь македонского монарха дает римскому писателю богатый материал для его сочинения, которое больше напоминает сказочное повествование, имеющее мало общего с подлинной историей. Курций Руф — скорее новеллист и ритор, пользующийся историческим материалом, чем историк. Цели сочинения соответствует стиль — простой и ясный, но с элементами пышной изысканности. Вместе с тем стиль Курция Руфа часто становится вялым из-за чрезмерного стремления автора найти образные выражения и орнаментальные фигуры речи, свойственные сказке.

Глава тринадцатая

ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В I ВЕКЕ Н. Э.

В I в. в Римской империи, как и в эпоху поздней республики, наряду с анналистической и исторической формами, продолжал пользоваться популярностью жанр исторической монографии. От монографической продукции ничего не сохранилось. Однако на основании упоминаний о ней у писателей последующих поколений мы можем в общих чертах восстановить картину историографической активности этого времени. Уяснение ведущих процессов в историографии I в. н. э. важно для понимания жанровых истоков исторической прозы величайшего римского историка Тацита.

Внешняя политика Рима в эпоху ранней империи была направлена на укрепление рейнских и восточных границ. Этой теме была посвящена монография Авфидия Басса «*Bella Germaniae*» («Германские войны»). Несколько позже к истории военных действий римлян против германцев обратился Плиний Старший (23—79 гг.), написавший в 20 книгах историю всех войн, которые велись римлянами в Германии до 47 г. н. э. «Германские войны» Плиния послужили источником для сочинений Тацита.

О военной кампании римлян на Востоке написал своеобразный отчет-воспоминания выдающийся полководец нероновской эпохи Гней Домиций Корбулон, возглавлявший римское войско в боевых операциях против парфян и армян в 58—64 гг. Со-

чинение Корбулона помещается, таким образом, между монографической и мемуарной литературой.

Чуть моложе Корбулона был Фабий Рустик, писавший о событиях правления императоров Клавдия и Нерона. О нем с похвалой отзывался Тацит, который ставит его на один уровень с Титом Ливием. Как о красноречивейшем историке говорит Тацит о Клувии Руфе, консуле-суффекте в 45 г. Клувий Руф написал сочинение под заглавием «История», в котором трактовал современные ему события. Современная история стала содержанием сочинения в 31-й книге Плиния Старшего «*A fine Aufidii Bassi*»: изложение начиналось с того момента, на котором остановился Авфидий Басс, т. е. с падения Сеяна (31 г. н. э.).

Обширнейший исторический труд, составивший 41 книгу, принадлежал перу императора Клавдия, правившего в 41—54 гг. В нем излагалась история Рима начиная с восстановления Августом в 29 г. до н. э. гражданского мира в Италии. Кроме того, Клавдий написал свою биографию в восьми книгах и два сочинения на греческом языке: «Историю Карфагена» в восьми книгах и «Историю тирренов» в двадцати книгах, своеобразную энциклопедию об этрусках.

В это время большое распространение получают биографии, составившие особую отрасль исторической литературы. Биографический жанр по-прежнему был связан с практикой надгробных речей, произносимых над могилой умершего. У нас есть сведения, что Сенека-философ написал биографию своего отца, а Плиний Старший — биографию своего друга «*Vita Pomponii Secundi*» («Жизнь Помпония Секунда»).

Особое значение биографический жанр приобретает в кругах сенатской оппозиции, противостоящей императорской власти. Героями биографий становятся мученики за свободу от Катона Утического до Тразея Пета и Гельвидия Приска, павших жертвами нероновской автократии. Принужденный Нероном к самоубийству, Тразея Пет дал выдающийся пример стоического спокойствия перед лицом смерти. Он составил жизнеописание Катона Утического, в котором прославлялись одновременно дух свободы и оппозиция тирании.

Имеющая стоическую и республиканскую окраску, эта литература развивала антитиранническую тему, широко представленную в греческой литературе. Она прославляла врагов цезарей, и первым примером для подражания стал в ней Катон, смерть которого во имя свободы всячески идеализировалась.

Естественно, что в биографиях этого типа важное место отводилось описанию мужественной смерти героев. Подобного рода описания — *exitus illustrium virorum* — сделались как бы жанром в жанре. Мартирологии вождей стоической оппозиции посвятили свои сочинения Гай Фанний («О смерти лиц, казненных или сосланных Нероном») и Титиний Капитон, описавший

кончину знаменитых мужей. Идеализация мучеников идеи требовала, чтобы их смерть изображалась по уже сложившейся модели: в римской литературе таковой была кончина Катона Утического, панегирик которому написал еще Цицерон, в греческой — уход из жизни Сократа, ставшего образцом наивысшего хладнокровия в последние минуты жизни. Мартирологическая литературная традиция требовала, чтобы рассказу о смерти великих людей был придан драматический колорит.

Другой тип биографии был посвящен личностям литераторов, критико-биографический очерк о которых мог быть предпослан изданиям их сочинений. Наконец, в биографическом жанре мог выражаться характерный для культуры той эпохи интерес к частной и семейной жизни.

С биографической и мемуарной литературой связан жанр автобиографии, которому отдают предпочтение представители императорского дома Тиберий, Клавдий, мать Нерона Агрипина Младшая. Имеются также сведения о существовании кратких компендиев всемирной истории.

Вся эта разнообразная в жанровом отношении историческая литература питала творческий гений Тацита.

Глава четырнадцатая

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

Величайший римский историк эпохи империи Корнелий Тацит родился около 55 г. в зажиточной семье всадника. Возможно, его родиной был город Интерамна в Умбрии. По крайней мере, так утверждал правивший в конце III в. император Тацит, который был уроженцем этого города и гордился своим предком. Будущий историк посещал в Риме школу риторики, где он подготовился к политической карьере. Не исключено, что его учителем был знаменитый преподаватель риторики Квинтиллиан.

Свой путь почестей Тацит начал при императоре Веспасиане (69—79 гг.), видимо, с должности военного трибуна, затем был квестором, эдилом и претором. В политической карьере ему помогал его тесть Гней Юлий Агрикола, влиятельная личность при дворе Флавиев, на дочери которого Тацит женился в 78 г. После претуры Тацит в течение четырех лет (89—93 гг.) находился, возможно, по делам службы далеко от Рима. В 97 г. при императоре Нерве он достиг консулата. Последнее, что нам известно о жизни Тацита, — его служба в Азии в должности

проконсула. Умер историк в первые годы правления императора Адриана между 117 и 120 гг.

Все дошедшие до нас сочинения Тацита были им написаны после смерти императора Домициана (96 г.), когда было разрешено, как пишет об этом сам Тацит, «думать то, что хочется, и говорить то, что думается» («История», 1,1). Тацит, как никто другой до него, сумел понять назревшие проблемы современной ему действительности. В его сочинении «Диалог об ораторах» в устах одного из участников беседы звучит мысль, которая выражает мнение самого Тацита: утрата свободы — это цена, которую необходимо заплатить за восстановленный в государстве мир, поэтому надо принять настоящие условия и пользоваться благами своего века, не вздыхая о прошлом.

В своих исторических трудах Тацит ставит самые злободневные вопросы времени. Должны ли традиционно правящее сословие сенатской аристократии и новое сословие государственных чиновников сотрудничать с императором и оставаться в административно-бюрократическом аппарате даже в тех случаях, когда принцепс переродился в тирана? От чего зависит перерождение принцепса в тирана: от личных пороков правителя или это неизбежное следствие нового государственного устройства? В какой степени сама сенатская аристократия способствовала созданию условий для гибели свободы? Как, наконец, можно совместить положительные стороны императорской и республиканской форм правления? Это — те темы, которые доминируют в исторических сочинениях Тацита, возобновляющих традиционные жанры римской историографии.

Первое произведение, опубликованное Тацитом-историком, «*De vita Iulii Agricolae liber*» («Книга о жизни Юлия Агриколы») было им написано в 97 или 98 г. в память о своем тесте, умершем в 93 г. Это не биография в строгом смысле слова, потому что в книге речь идет не о всей жизни Агриколы, а только об одном событии, которое поставлено в центр всего повествования, — завоевании Британии, завершеном Агриколой в правление императора Домициана. Таким образом, в основу сочинения положен лишь один эпизод из истории императорского Рима, в описании которого значительную часть занимает географо-этнографическое отступление о завоеванном острове, сделанное, по примеру Цезаря, который в своих «Записках о галльской войне» географии и этнографии Галлии, Германии и той же самой Британии посвящает специальные экскурсы. «Агрикола» является произведением историческим, биографическим и этнографическим одновременно. В нем имеются также элементы погребального восхваления и монографии.

«Агрикола» представляет собой попытку дать ответ на самую фундаментальную проблему из поставленных Тацитом: каковы должны быть отношения между римскими гражданами и императорской властью? Осуждая домициановские злоупотреб-

ления, историк не разделяет и крайней ортодоксальности сенатской оппозиции. «Да будет ведомо тем, у кого в обычае восторгаться недозволенной дерзостью по отношению к наделенным верховной властью, что и при дурных принципах могут существовать выдающиеся мужи и что послушание и скромность, если они сочетаются с трудолюбием и энергией, достойны не меньшей славы, чем та, которую многие снискали решительностью своего поведения и своею впечатляющей, но бесполезной для государства смертью» (42,4; пер. А. С. Бобовича).

Тацит, писавший жизнеописание Агриколы, когда Домициана уже не было в живых, не отказывается от критики домициановского режима, для которой имелись и личные основания. Среди многочисленных жертв принцепса был, возможно, и Агрикола, во всяком случае, он немало претерпел вследствие зависти императора, не переносившего чужой славы. В какой-то степени Тацит так же, как многие люди его круга, испытал на себе необузданность императорского произвола, вынудившего его после 93 г. на время отказаться от государственной службы и отступить в тень.

Критика Домициана содержится преимущественно в первых и последних главах монографии. Тацит порицает принцепса за его недоброжелательное отношение к Агриколе, жестокость по отношению к людям интеллигентных занятий, установленный им режим слежки и доносов, кровожадность и смехотворное стремление к славе. Однако об этом историк пишет без особого нажима, главным образом он создает портрет Агриколы, человека, который воплощает его нравственный идеал.

Агрикола предстает не упрямым противником деспотизма, а мудрецом, который воздерживается как от раболепной угодливости принцепсу, так и от бесполезного сопротивления с ним. Агрикола — один из тех немногих людей, которые удовлетворяются тем, что при всеобщем разложении остаются неизменно честными и умирают без шума, не домогаясь славы мученика. Тацит ничего не говорит о том, была ли смерть Агриколы естественной или ускоренной по требованию Домициана. В противоположность традиции, сложившейся в литературе вокруг «кончины знаменитых людей» (*exitus illustrium virorum*), Тацит не выпячивает смерть Агриколы, потому что не одобряет *mortes ambitiosae* — «честолюбивые смерти» оппозиционеров императорскому режиму, считая их бесполезными, поскольку они, хотя и прославляют тех, кто совершил подобный «добровольный» поступок, не могут восстановить утраченную политическую свободу.

Намерение Тацита быть в повествовании предельно уравновешенным и сдержанным представляется столь же заметным, сколь ощутимым является вздох облегчения, который вырывается у него по случаю конца режима Домициана, когда писатель проводит контраст между *beatissimum saeculum* («счаст-

ливейшим веком»), когда он создает свое сочинение, и *saevitia principis* («свирепостью принцепса»), т. е. Домициана. Этим противопоставлением и критикой режима, установленного императором Домицианом, открывается «Агрикола», первые три главы которого можно рассматривать как вступление. За ними следует краткий биографический очерк об Агриколе, в котором рассказывается о годах, непосредственно предшествовавших его деятельности в Британии (главы 4—9). Затем дается описание страны и обычаев британцев и сжато излагаются некоторые события из их истории (главы 10—17). Вслед за этим Тацит приступает к рассказу о мероприятиях Агриколы в Британии (главы 18—38), прерванных непростительным отсуживанием полководца, возбудившего зависть принцепса, в Рим. Затем следует повествование о возвращении Агриколы в Рим и его смерти там (главы 39—43). Последние 3 главы (44—46) образуют заключение, которое представляет собой самый настоящий элогий Агриколе.

В работе над этим сочинением Тацит мог использовать сведения, полученные им в свое время от самого Агриколы, какие-то записи и, возможно, мемуары тестя, а также воспоминания близких ему людей. Разумеется, Тацит знал «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, в которых содержится описание Британии.

По своей структуре «Агрикола» напоминает монографии Саллюстия: в нем имеются вступление, экскурсы, речи главных персонажей. Кроме того, о Саллюстии заставляют вспомнить общая установка моралиста и стиль сочинения. Следует, однако, отметить, что стиль в какой-то степени отражает характер произведения смешанного жанра, каковым является «Агрикола». Согласно существующим канонам, Тацит в разных частях своего сочинения в соответствии с решаемой задачей несколько варьирует свой стиль, например, в «ораторских» частях — во вступлении, заключении и речах действующих лиц — очень заметно влияние Цицерона. О цицероновском красноречии заставляют вспомнить и тацитовские периоды, отдельные части которых уравновешены параллелизмами, различными звуковыми повторами: анафорой, аллитерацией, ассонансами. В исторических частях есть нечто от стилистической манеры Тита Ливия: сочетание классически соразмерных периодов с короткими сжатыми фразами, предвещающими стиль следующих сочинений Тацита.

Самобытная манера тацитовского письма проявилась главным образом в искусном употреблении *sententiae* — сжато и острожно выраженных мыслей, имеющих форму афоризмов. Эффект от их использования усиливается тем, что они встречаются в самых неожиданных местах, например в описании природных богатств Британии («мне легче поверить, что скорее здешним жемчужинам недостает их природных качеств,

чем нам — корысти», — 12,2) или в рассказе о завоевании острова («были покорены народы, пленены цари и судьбой замечен Веспасиан», — 13,2). Сентенции часто имеют вид антитезы, гиперболы, смелого олицетворения, парадоксальной формулировки, например, в изложении принципов внешней политики Рима: «в силу древнего и давно усвоенного римским народом обыкновения — иметь и царей орудием поражения» (14,2).

Завсегдатаи рецитаций были особенно падки на внешние эффекты, и Тацит, видимо, учел это обстоятельство, предназначая «Агриколу» сначала для произнесения вслух, как того требовал сам характер жанра публичного восхваления. Виртуозное владение разными оттенками стиля в «Агриколе» дает нам некоторое представление о том, каким было ораторское искусство Тацита, об успехах которого на этом поприще свидетельствует его современник Плиний Младший.

С художественной точки зрения в «Агриколе» достойны внимания портреты некоторых исторических личностей, описание отдельных мест и интерес историка к варварам, который мы найдем и в последующих его сочинениях, прежде всего в «Германии», целиком посвященной рассказу об образе жизни германцев.

Полное название этой монографии — «*De origine, situ, moribus ac populis Germaniae*» («О происхождении, положении, нравах и народах Германии»). Время ее написания — 98 г. Уже само название исследования помещает его в разряд сочинений не столько исторических, сколько географических и этнографических, чему полностью соответствует содержание, которое может быть разделено на две части. Первая — более общего характера: в ней излагаются сведения о местоположении и климате страны, ее почве и продуктах, о происхождении и физических свойствах германцев, их нравах, военном, религиозном и политическом устройстве, а также данные о повседневной жизни (главы 1—27). Во второй, более частного характера, дается обзор отдельных племен: галлов, гельветов, кимбров и т. д. (главы 28—46).

Итак, перед нами исключительно этнографическое исследование, что, впрочем, не противоречит историографической концепции древних, видевших в сочинениях подобного рода одну из разновидностей исторической прозы. Заняться описанием германских народов побудили Тацита назревшие проблемы современности, на которых он акцентирует свое внимание в традиционном жанре монографии. Вопрос о германских границах в I в. н. э. был одним из узловых вопросов внешней политики Рима. Укреплением северных границ империи занимался лично император Траян, ставший после смерти Нервы его наследником. Хотя известие о кончине предшественника застало Траяна в Германии, он не спешил вернуться в Рим, жители

которого увидели своего властителя лишь в октябре 99 г. — почти два года спустя после наследования им власти.

То, что Тацит обратил внимание на серьезность германской проблемы, свидетельствует о его историческом чутье. Подчеркивая опасность, исходящую от варваров, историк содействует таким образом планам Траяна. Возможно, он хотел также призвать императора к осмотрительности в германских делах. История и политика увидены Тацитом в ракурсе нравственности, потому что именно *virtus* (доблесть) германцев представляет, на его взгляд, главную опасность для римлян. Общему разложению римского общества противостоит нравственное здоровье варварских народов с их нерастраченными силами.

Интерес римского писателя к народам, населявшим германские земли, находится в русле устойчивых интересов римских историков. Так, к германской теме обращались Юлий Цезарь в «Записках о галльской войне», Саллюстий в «Истории», Тит Ливий и другие, как греческие, так и римские авторы. Но, как уже отмечалось, интересы Тацита выходят далеко за пределы чистой этнографии, поскольку его восхищение примитивным обществом, патриархальностью общественных отношений, естественностью и простотой жизненного уклада, не испорченного утонченностью и пороками загнивающей цивилизации, подразумевает противопоставление германского варварства романскому миру. Восхваление примитивных обществ, живущих в природной чистоте, является очень старым мотивом, известным еще Геродоту и представленным у Саллюстия.

Противопоставление мира примитивных народов, в данном случае германцев, миру цивилизованных народов в лице Рима у Тацита почти никогда не выражено прямо и определенно, а всегда косвенно или скрыто. Не случайно многие из достоинств германцев историк перечисляет в форме отрицательных предложений: «Женщины не знают соблазнов зрелищ и пиров», «никто не осмеивает порок и не называет его модой» (глава 19) и т. д. Сопоставление с тем, что происходит в современном автору Риме, напрашивается как бы само собой. Положительная оценка многих сторон германских нравов не препятствует Тациту отмечать в поведении варваров черты, неприемлемые для цивилизованного человека, такие пороки, как лень, страсть к азартным играм, склонность к пьянству и ссорам, жестокость и т. п.

В «Германии» Тацит гораздо решительнее, чем в «Агриколе», где еще сильны его пристрастия оратора, вступает на путь историка, точнее историка-моралиста. Его морализм проявляется как в отдельных главах, в которых он восхваляет достоинства германцев или, наоборот, порицает их пороки, так и в общей направленности сочинения, в том, что его взор зафиксирован на слабых сторонах современного ему Рима. Многие сведения, сообщаемые Тацитом о германцах, впоследствии

были подтверждены документами и результатами научных изысканий. Труд Тацита по сей день остается важнейшим источником для изучения древней истории Германии.

Несмотря на то, что Тацит в своей работе использовал самые разные источники на греческом и латинском языках и, кроме упомянутых сочинений Цезаря, Саллюстия и Ливия, имел под рукой монографии Авфидия Басса и Плиния Старшего, его «Германия» — уникальное явление в римской литературе. Среди произведений, дошедших до нас от античности, аналогов ему нет, потому что до этого ни один автор не посвящал отдельное сочинение целиком варварскому народу. Правда, у Сенеки-философа были какие-то сочинения под названием «О местонахождении Индии» и «О местонахождении и религии египтян», но вследствие их утраты мы не можем судить об их жанровой принадлежности.

В связи с тем, что «Германия» стоит особняком среди сохранившихся произведений латинской письменности, была выдвинута гипотеза, что это сочинение было задумано автором как экскурс, предназначенный первоначально для «Истории», но затем расширенный для отдельной публикации. Предполагалось также, что «Германия» могла входить в репертуар рецитаций или быть публичной лекцией. Действительно, в жанровом отношении «Германия» создает определенные трудности, среди прочего она лишена вступления, в котором обычно излагается общее назначение сочинения.

Вглядываясь в быт и нравы людей, вызывавших к себе в Риме неизменно враждебное отношение, Тацит ярко и выразительно передает атмосферу сурового края, не увлекаясь, однако, варварской экзотикой, всюду сохраняя ту сдержанность и простоту рисунка, которые являются характерными чертами его писательского искусства.

Уже в «Агриколе» Тацит выразил намерение написать более крупное историческое сочинение о тирании Домициана и либеральном правлении Нервы и Траяна. «Я не пожалею труда для написания сочинения, в котором — пусть неискусным и необработанным языком — расскажу о былом нашем рабстве и о нынешнем благоденствии» (гл. 3). Однако это намерение писатель осуществил лишь частично в своем следующем произведении «История», над которым он работал между 100 и 109 гг.

В «Истории» излагались события от смерти Нерона (68 г.) до смерти Домициана (96 г.). Выбор названия для этого труда совершенно естествен, поскольку в нем рассматривается современная автору история. Аналогичным образом были озаглавлены сочинения Сизенны, Саллюстия и других историков, опиывавших события, случившиеся при их жизни.

В прологе Тацит объясняет, почему для своего изложения он выбрал эпоху Флавиев, а не обещанную им ранее в «Агриколе», и подтверждает, что он не отказывается от рассказа

о принцепате Нервы и Траяна: этот более благодарный и менее опасный труд он побережет на свою старость. «Старость же свою, если только хватит жизни, я думаю посвятить труду более благодарному и не столь опасному — рассказать о принцепате Нервы и владычестве Траяна, о годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» (1,1; пер. Г. С. Кнабе).

«История» включала в себя 14 или, возможно, 12 книг, от которых до нас дошли первые 4 книги и 26 глав 5-й. В сохранившихся частях излагаются события, охватывающие период с 1 января 69 г. по 70 г, т. е. от последних дней жизни императора Гальбы до иудейского восстания. То, что Тацит начал изложение с 1 января, а не с какого-то значительного события, — дань анналистической традиции, которая требует, чтобы повествование велось год за годом.

1-я книга после вводных глав содержит рассказ о последних месяцах короткого правления Гальбы, о его убийстве и захвате власти Отоном, в то время как в Германии легионеры провозглашают императором Вителлия. Содержание 2-й и 3-й книг — борьба за власть между Вителлием и Отоном, который после нескольких удачных сражений с германскими легионами Вителлия терпит от соперника сокрушительное поражение и кончает жизнь самоубийством. Между тем вырисовывается новая кандидатура на римский престол. Это — полководец Веспасиан, командующий римской армией в Иудее, которого поддерживают легионы, расквартированные в Испании, Британии и Галлии. Веспасиан ведет свои войска на Рим, где укрылся Вителлий. Вителлий захвачен и казнен солдатами Веспасиана. Младший сын Веспасиана Домициан провозглашается цезарем. Войска тем временем грабят Рим. В Галлии и Германии происходят волнения (4-я книга). 5-ю книгу открывает экскурс об Иудее, для покорения которой назначается старший сын Веспасиана Тит. Повествование обрывается на рассказе о боевых действиях римлян против Цивилиса, предводителя восстания в Германии.

Тацит прекрасно сознает, что события, которые ему приходится излагать, — по большей части сумбурные и беспорядочные. Он сам говорит об этом во вступлении. «Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах диких и неистовых даже в мирную пору» (1, 2). Однако историк проявляет замечательное политическое чутье: прежде чем приступить к изложению, он выделяет три реальные силы, не только определившие внешнее течение событий, но и вызвавшие их: город Рим, войска, провинции.

После публикации «Истории» Тацит приступил к созданию «Анналов», второго исторического сочинения большого объема, в котором он исследовал историю правления династии Юлиев —

Клавдиев «ab excessu divi Augusti» («от кончины божественного Августа»), как гласит его подзаголовок, приводящий на память название ливиевского труда «Ab urbe condita». Таким образом, Тацит, чтобы понять сущность принципата, обращается к исследованию его истоков, как в свое время Саллюстий, постоянно углубляясь в события более отдаленного прошлого.

«Анналы» дошли до нас не в полном объеме: сохранились книги 1—4, фрагменты 5-й и часть 6-й книг, затем книги 11—16, из которых 11-я — с лакунами и 16-я — без заключительной части. В итоге мы имеем рассказ о событиях римской истории, начиная от смерти Августа (14 г.) до смерти Тиберия (37 г.) с пропуском приблизительно в два года (29—31 г.) из-за утраты соответствующих книг, и с седьмого года правления Клавдия (47 г.) до событий 66 г., когда у власти находился Нерон.

Если название «Historiae» указывает на изложение событий, современных автору или близких к нему по времени, то название «Annales» отсылает к временам более удаленным, хотя и не самым древнейшим — «от основания Города», как это было у первых римских анналистов. Все же Тацит делает уступку общепринятой традиции, хотя и чисто символическую, начав первую главу «Анналов» словами «Urbe[m] Roman[am] a principio reges habuerunt» («Городом Римом, как только возник он, цари управляли»), которые к тому же являются гекзаметром и заставляют нас вспомнить Энния. Коротко упомянув о прошлом Рима, Тацит сразу же переходит к основному содержанию, изложение которого доводится до событий, последовавших за раскрытием антинероновского заговора Пизона. При подавлении заговора погибают самые видные люди Рима: философ Сенека, поэт Лукан, автор «Сатирикона» Петроний, глава стоической оппозиции Тразей Пет, рассказом о смерти которого, прерванном на середине, завершаются дошедшие до нас части «Анналов».

В последних книгах «Анналов» Тацит отклоняется от строго анналистического способа изложения и группирует события, объединяя их в одной сцене; чаще вводятся прямые речи персонажей, однако не столь тщательно обработанные, как в начальных книгах; реже встречаются отступления и портреты героев; манера письма становится менее смелой и более искусственной.

Обширнейший материал для «Истории» и «Анналов» мог быть почерпнут Тацитом из самых разных источников. За необходимыми ему сведениями он мог обращаться к официальным документам, прежде всего к протоколам сенатских заседаний (Acta senatus) и Acta diurna populi Romani, в которых содержались правительственные постановления и информация о том, что случилось в городе и при дворе, что-то вроде нынешних газет. В своем распоряжении Тацит имел сборники ре-

чей императоров, письма и воспоминания членов императорской семьи (например, Агриппины Младшей), мемуары военных деятелей (Корбулона и др.).

Из литературных источников, служивших ему для справок, Тацит называет сочинения Плиния Старшего, Клувия Руфа, Фабия Рустика, Випстана Мессалы, описавшего боевые действия, которые происходили в бытность его военным трибуном в войске Веспасиана. В особых случаях Тацит пользовался специальными сочинениями, а также устными свидетельствами безымянных очевидцев событий.

Сочинения Тацита можно рассматривать под разным углом зрения — и как труд преимущественно историко-политический, и как создание литератора и стилиста. Более плодотворным представляется комплексное изучение творческого наследия Тацита, потому что в его историографии исследователь и художник органически дополняют друг друга. Скорее всего, Тацит не разделял эти два аспекта исторического изложения, следуя известной концепции, согласно которой история является «трудом ораторским» (*opus oratorium*) или, по словам Квинтилиана, чуть ли не «стихотворением в прозе» (*carmen solutum*).

Как мы уже не раз отмечали, историография для римлян была больше искусством, чем наукой. Это — скорее гимн величию родины, призыв к преклонению перед доблестью соотечественников, обращение к сокровищнице выдающихся примеров прошлого, нежели историческая точность и научная объективность. Историческое сочинение всегда имело своей целью навязать читателю этическую и политическую концепцию автора. С приходом к власти Августа завершилась целая историческая эпоха, эпоха римской республики. Отныне история Рима — это, по существу, деятельность принцепса-монарха, а историография — это биографии императоров. Вместе с тем историография продолжала оставаться произведением красноречия, потому что политическая страстность еще не выветрилась из души историка, который более чем когда-либо является оратором, в совершенстве владеющим техникой и художественными средствами инвективы и панегирика и пользующимся ими нередко в ущерб достоверности своего рассказа.

Историографию эпохи ранней империи характеризуют две тенденции: одна — изображать уже умерших императоров в неблагоприятном для них освещении для большей славы царствующего монарха, другая — безудержно льстить сидящим на троне властителям, чтобы, если и не снискать их расположения, то хотя бы отвратить от себя их ненависть. И в первом и во втором случаях историческая правда искажается. После смерти Августа писать о современных событиях становится просто опасным. Теперь победы римлян над внешними врагами должны были освещаться непременно как победы самого прин-

цепса, похвала же победоносному полководцу должна быть предельно сдержанной, чтобы не возбудить зависти цезаря, в противном случае историк мог рисковать собственной жизнью.

Все это не могло не породить пессимизма в таких людях, как Тацит. Правда, когда он посвятил себя историографии, Домициана уже не было в живых, а поколение Нервы, по словам самого историка, живет в счастливейшие времена, когда можно наслаждаться одновременно порядком и человеческим достоинством. Но Тацит понимает, что сменился только принципс, а люди остались прежними и что они по-прежнему равнодушны к традиционной римской добродетели. Все это не могло заглушить недоверия и боли в душе историка, взвизгивающего на свои времена суровым взором судьбы пришедшего в упадок римского общества, ослабленного вековой тиранией сначала династии Юлиев-Клавдиев, затем Флавиев.

Неудовлетворенный существующим состоянием нравов, Тацит считает, что заслугой принципата является, по крайней мере, то, что он обеспечил в Италии мир и дал империи устойчивую политическую структуру. Нерва сумел примирить власть монарха и свободу подданных. Личный опыт, приобретенный историком при Домициане, подвел его к выводу, в общем не новому и не оригинальному, что монархию трансформируют в тиранию процессы, аналогичные тем, которые в свое время привели к вырождению республики в анархию.

Тацит готов примириться с монархической формой государственного устройства, лишь бы на троне находился умеренный самодержец. Необходимость авторитарического правления вызвана, помимо прочего, обширностью империи, которая простерлась далеко за пределы Италии, а государственный организм должен быть единым и хорошо согласованным. Императорское единовластие, считает Тацит, служит интересам римских граждан, гарантируя им мир. То, что Тацит вынужден приспособляться к императорскому строю, не следует смешивать с политическим оппортунизмом. В сущности, душевное состояние историка мало чем отличается от состояния заговорщиков, которые выражали недовольство скорее личностью того или иного императора, а не режимом в целом. Они не руководствовались какой-то конструктивной идеей и хотели лишь свергнуть одного самодержца, чтобы заменить его другим, может быть, даже не лучше правящего. Так же, как они, Тацит ставит вопросом главным образом об исполнителях верховной власти, а не о самой форме правления. Во имя мира и порядка в Италии он допускает существующее положение вещей, не отказываясь при этом от своих убеждений ревнителя староримских этических идеалов, выразителем которых по-прежнему оставалась сенатская аристократия. Из контраста между прошлым величием и позором настоящего рождается консер-

вативное мироощущение Тацита, пронизанное острой горечью пессимизма.

К простому народу Тацит испытывает лишь презрение. Сведения о христианах у него настолько поверхностные, что он их всех делает иудеями, которых изображает как врагов человечества, пришедших посягать на Рим. Его отношение к неримскому миру всегда пронизано чувством культурного и интеллектуального превосходства римлянина старого склада. Тацитовское понимание человечности имеет ярко выраженный аристократический характер и целиком соответствует староримской идеологии. Оно порождено сознанием имперской миссии Рима, его величия и неизменной правоты по отношению к побежденным народам, основанной на праве сильного.

В «Анналах» Тацит выразил намерение писать «*sine ira et studio*» («без гнева и пристрастия»). Действительно, ему нельзя отказать в независимости суждений и в стремлении к беспристрастности, особенно в тех случаях, когда он сталкивается с противоречивостью находящихся в его распоряжении источников. Иногда, правда, он ставит в один ряд источники, которые между собой расходятся, не производя при этом какого-либо отбора, не высказывая собственного мнения и не углубляясь в субъективные мотивы, которые могли исказить историческую истину.

Внимательно вглядываясь в окружающую его действительность, Тацит старается учесть все положительное, что достигнуто империей, и отрицательное, что вызвано, по его мнению, неспособностью властителей поставить заслон своим низменным инстинктам.

Благодаря своему психологическому чутью он улавливает самые сокровенные движения человеческой души и по поведению императоров судит о том, что утрачено и что приобретено с гибелью республики. Но сожаление о древних республиканских временах он выражает лишь в тех случаях, когда ничем не сдерживаемый произвол императоров приводит к гонениям и бесчисленным жертвам. Основой всех суждений Тацита являются этические установки, которые остаются неизменными, о чем бы историк ни повествовал.

Что касается философии, то, хотя Тацит и признает ее значение в деле воспитания гражданской сознательности, он тем не менее не проявляет к ней особого интереса, считая, что философия грешит чрезмерной отвлеченностью и созерцательностью. Для Тацита редкостной добродетелью Агриколы является то, что он, изучая философию, усвоил мудрую умеренность даже в отношении увлечения философией.

Тацит не одобряет представителей сенатской оппозиции за их прямолинейный, доходящий до фанатизма стоицизм, далекий от требований повседневной действительности. Мужественная смерть последователей стоической философии Сенеки и

Трагизм является в его глазах героизмом, не приносящим никакой пользы. Впрочем, у Тацита можно заметить некоторую склонность к фатализму, особенно в тех случаях, когда он задумывается о силах, управляющих историей. «Определяются ли дела человеческие роком и непреклонной необходимостью, или случайностью», — задает он себе вопрос в «Анналах» (6,22; ср. 4,20). Однако он далек от того, чтобы глубоко исповедовать стоическое учение о роке. Вместе с тем, следуя анналистической традиции, он, не колеблясь, сообщает о всех необычных событиях каждого года и, кажется, верит в знамения и чудеса.

В целом же историческому мышлению Тацита присущи ясность анализа и трезвость оценок. Это подтверждают такие его качества, как способность устанавливать ведущие силы исторических процессов (речь о чем шла выше) и умение различать скрытую за внешними проявлениями подлинную сущность происходящего. Например, он прекрасно понимает, что под именем принцепса Август сосредоточил в своих руках абсолютную власть («Анналы», 1,1).

Тацит считает, что для анализа существующего положения «будет полезным собрать и рассмотреть все особенности этого времени, потому что мало кто благодаря собственной проницательности отличает честное от дурного и полезное от губительного, а большинство учится этому на чужих судьбах» («Анналы», 4,33). Призывая к познанию через чужой опыт (*aliojunt eventis doceri*), Тацит присоединяется, таким образом, к концепции истории, сформулированной Фукидидом и Полибием. Похоже, что вслед за греческими историками он отдает приоритет пользе перед удовольствием, получаемым при чтении исторического сочинения.

Это дидактическое и утилитарное значение истории Тацит видит не только в сфере политики, но и морали. Однако история не сводится у него к изложению нравственных догм и иллюстраций к ним: этические оценки вытекают из самых политических ситуаций, так что историк чувствует необходимость извиниться перед своими читателями за вынужденную монотонность изложения, вызванную однообразным содержанием. «Сколько бы подобный рассказ ни был полезен, он способен доставить лишь самое ничтожное удовольствие, ибо внимание читающих поддерживается и восстанавливается описанием образа жизни народов, превратностей битв, славной гибели полководцев; у нас же идут чередой свирепые приказания, бесконечные обвинения, лицемерная дружба, истребление ни в чем не повинных и судебные разбирательства с одним и тем же неизбежным исходом — все, утомляющее своим однообразием» («Анналы», 4,33; пер. А. С. Бобовича).

Как мы видим, Тацит не собирается украшать свое повествование занимательными рассказами и придавать ему привле-

кательность описанием захватывающих воображение сцен, хотя знает, что с их помощью гораздо легче удержать внимание читателей. Его цель — не развлекать, а дать предельно правдивый отчет о реальных фактах. С этой точки зрения его историография — прагматическая. Но так как действительность, которую он описывает, — ничтожная и отвратительная жизнь императорского двора или солдатские мятежи, то его повествование приобретает тон трагической историографии. И «История», и «Анналы» изобилуют эпизодами, развитие которых напоминает сцены трагедии. Своим драматическим пафосом они способны взбудоражить читателя, который становится как бы участником изображаемых событий. Например, сцена самоубийства Отона («История», 2,47—49), рассказ о бунте легионов в Паннонии и Германии («Анналы», 1,16—52) или знаменитое описание убийства Агриппины, матери Нерона («Анналы», 14,3—9), в котором взгляд художника останавливается то на обреченной на смерть жертве, то на ее убийце — Нероне, терзаемом сомнениями, страхами и, возможно, угрозами со стороны.

Особенно сильное впечатление производят сцены героической смерти Сенеки и главы стоической оппозиции при Нероне Тразей Пета в «Анналах». В этих описаниях художник, кажется, берет верх над историком. Хотя ни к Сенеке, ни к Тразее Тацит не испытывал личной симпатии, склонность рассказчика к пафосу и интерес к психологии исторических деятелей пересиливают сдержанное к ним отношение.

Интуиция художника помогает Тациту-историку высвечивать те скрытые мотивы поступков и причины событий, которые при традиционных методах исследования не всегда поддаются четкому определению, так как по своей природе они часто иррациональны и относятся исключительно к сфере человеческой психологии. Поскольку психология человеческого поведения стоит для Тацита всегда на первом месте, его история в итоге оказывается серией драматически разворачивающихся эпизодов. Нечто схожее мы встречали уже у Тита Ливия. Но пафос Тацита, более напряженный и мучительный, окрашен беспросветным пессимизмом. У Ливия почти все герои похожи друг на друга, потому что неизменно являются воплощением общей для всех римской доблести (*virtus Romana*) и олицетворяют собой Рим, его народ и вековые традиции. У Тацита каждый персонаж — это прежде всего человек, неповторимая личность, где бы он ни родился и какое бы положение ни занимал. Исследующий своих героев в их внутренней противоречивости, Тацит предстает перед нами как тонкий психолог-аналитик и замечательный художник.

Многие исторические личности в его изображении имеют скульптурную выразительность, словно они высечены из камня. Зафиксированные в каком-то конкретном состоянии, они

производят впечатление исключительной суровости и простоты. Следует делать различие между описаниями, представляющими собой действительно портреты, и показом персонажей в действии, как это сделал бы романист или драматург, выделив какие-то отдельные черты и сопроводив их своими замечаниями. Первый тип изображения — литературный портрет — наиболее часто встречается в произведениях, предшествующих «Анналам», между тем как в последних преобладает второй тип изображения героев, требующий особого умения и более совершенного искусства. В своих героях Тацит подчеркивает в первую очередь их нравственные качества; на внешних чертах он задерживается лишь тогда, когда они помогают ему объяснить этическую сторону поступков.

Для драматизации изложения и характеристики персонажей Тацит часто вводит речи. Более многочисленные в «Анналах», чем в предыдущих произведениях, речи героев отличаются от тех, которые были произнесены в действительности. В соответствии с античной историографической традицией Тацит в уста своих персонажей вкладывает речи, сочиненные им самим, причем даже в тех случаях, когда мог бы привести подлинный текст. Так, он заявляет о том, что воздерживается от пересказа последних слов Сенеки, поскольку они слишком известны, чтобы передавать их своими словами («Анналы», 15,63).

С помощью фиктивных речей историк, то усиливая драматизм рассказа, то углубленно исследуя и всесторонне изображая психологию своих героев, добивается замечательного художественного эффекта. Нередко речи персонажей служат ему для выражения собственных мыслей, демонстрируя его яркое, обладающее мощной силой убеждения красноречие. Драматизм повествования достигается с помощью исключительно своеобразного стиля, характерными чертами которого являются напряженность и краткость. К ним Тацит стремится постоянно, взяв себе за образец прозу Саллюстия.

Зрелые сочинения Тацита «История» и первые книги «Анналов» демонстрируют тягу историка к необычному субъективному стилю, к ломке традиционных норм цинцероновского классицизма, к которому, однако, он в конце концов все же склоняется в последних книгах «Анналов». Так, некоторые архаизмы, весьма частые в ранних произведениях и перешедшие из них в сочинения большого объема, в книгах 13—16 почти полностью исчезают.

Саллюстий — не единственный латинский писатель, служивший образцом для Тацита. Саллюстианское тяготение к архаическим формам и вкус к вергилиевскому поэтическому колориту, сочетаясь с пристрастием к неологизмам, которые, насколько мы можем судить, впервые встречаются у Тацита (итеративные и интенсивные глаголы, новые композиты

и т. д.), создают неповторимую стилистическую палитру, прекрасно передающую энергию тацитовского пафоса и сообщающую его прозе исключительную индивидуальность. Общее построение фразы у Тацита целиком свободно от классической симметрии. Это не означает, что все его периоды являются непременно короткими — длинные периоды встречаются, но всегда в чередовании с короткими. Однако они никогда не создают, как у Цицерона или Ливия, ощущения широкого и плавного течения, которое достигается за счет гармонического расположения частей предложения в соответствии со степенью их важности и значения в целом.

В противоположность писателям классической эпохи Тацит стремится поразить читателей неожиданно резкой, тревожащей манерой письма, ее асимметричностью, противостоящей соразмерности цicerоновских периодов. Эта чисто тацитовская «нестройность» достигается прежде всего через *variatio* («разнообразие»), когда, например, в один ряд ставятся конструкции с разной грамматической структурой, хотя и являющиеся одинаковыми в синтаксическом отношении частями предложения.

Исключительной сжатости слога Тацита способствуют частые эллипсы (особенно глаголов, которые угадываются по контексту), многочисленные асиндетоны (преимущественно при перечислениях) и зевгмы, хорошо отражающие сложность и противоречивость описываемых людей и событий.

Прерывистый, сжатый, насыщенный смысловой выразительностью стиль Тацита требует от читателя напряженного внимания, вдумчивости и немалого интеллектуального усилия.

Особую заботу проявляет историк о звуковом оформлении фразы, как бы приглашая своего читателя, вслушиваясь в звучание каждого слова, постигать его акустическую и смысловую глубину. Художественный эффект нередко достигается с помощью риторических фигур, антитез, метафор, гипербол, сентенций. Однако ни поэтический колорит в вергилиевском духе, ни поиск разнообразия и новизны никогда не выходят из под контроля Тацита, в его прозе нет пустого блеска и бессодержательности. Более того, от произведений к произведению возрастает, становясь все рельефнее, его *gravitas*, т. е. величавость и суровость.

Несмотря на высокий результат, достигнутый Тацитом-стилистом, слава писателя, видимо, не была его главной целью. Желание историка писать точно и беспристрастно часто вызывало замешательство среди исследователей его творчества. Хотя Тацит старается сдерживать свое обещание быть беспристрастным, его видение истории все же обусловлено мировоззрением и идеологией сенатской аристократии, отождествлявшей свободу с республикой, добродетель с военной и политической активностью и величие римского народа с благородством

мом и честностью правящего сословия. Однако он понимает, что традиционные ценности пришли в упадок, сама аристократия вырождается и лишена былой политической мощи. Сознание этого сообщает его историографии глубоко трагическую и пессимистическую тональность.

Глава пятнадцатая

ОТ АННАЛИСТИКИ К БИОГРАФИИ И ЭПИТОМЕ: СВЕТОНИЙ И ФЛОР

В сочинениях большого объема Тацит следовал схеме, принятой еще древними анналистами, хотя уже не вызывало сомнения то обстоятельство, что традиционные формы не соответствуют новой действительности. Анналистический способ повествования был уместен в те времена, когда ежегодная смена магистратов, консулов и других должностных лиц, была фактом политически значимым, а римская история являлась историей преимущественно города Рима. Теперь же, когда реальностью стала периодизация по времени правления отдельных императоров, а маленький римский полис превратился в огромную державу, включавшую самые разные народы, анналистическая форма изложения оказалась малоприменимой для исторического повествования. Уже Тацит понимал это и в последних книгах «Анналов» иногда отказывался от анналистической схемы и группировал факты, связанные единством темы, достигая, таким образом, непрерывности изложения независимо от того, совпадает ли начало события с началом года.

Решающее значение принцепса в политической жизни империи, ставшего центром государственной власти, способствовало тому, что историография все чаще приобретала черты биографического жанра, издавна представленного в римской литературе. Но для того чтобы история полностью вылилась в биографию, нужна была авторская установка, абсолютно независимая от вековых традиций сенаторской культуры, с которой еще тесно был связан Тацит.

В определенном смысле в идеальной ситуации оказался Гай Светоний Транквилл. Он принадлежал к роду всадников, а отношения всаднического сословия с императорской властью даже при Домициане были гораздо менее напряженными, чем взаимоотношения императора и сената.

Ни год рождения, ни год смерти Светония нам неизвестны. Он родился предположительно около 75 г. Насколько мы мо-

жем судить, будущий историк получил неплохое образование. После нескольких попыток заняться адвокатской деятельностью он был принят в императорскую администрацию и при поддержке Плиния Младшего, близкого к императорским кругам, и Септимия Клара, префекта претория при Адриане, достиг весьма высоких должностей: возглавлял канцелярию по учебным делам, затем был главным управляющим публичными библиотеками и, наконец, стал личным секретарем Адриана. В его обязанности входило все, что имело отношение к императорской переписке. Благодаря своей должности он получил доступ к государственным архивам и информации, стекавшейся со всех концов необъятной империи. Карьера Светония была внезапно прервана. По приказу Адриана в 121 или 122 г. он лишился своего поста.

Высокое положение секретаря, отвечающего за дворцовую корреспонденцию, дало Светонию возможность увидеть историю империи изнутри, т. е. глазами человека, входящего в совет принцепса, непосредственно знакомого с точкой зрения двора и знающего закулисную сторону происходящих событий, что перед любым историком открывало весьма широкие возможности. Однако Светоний, как, впрочем, вся культура, представителем которой он являлся, не имел сколь-нибудь глубоких историографических и тем более политических интересов, типичных для сенатских кругов. Культура всаднического сословия тяготела ко всякого рода систематизации разнообразных знаний, изложенных в энциклопедической форме, что полностью отвечало внутренним склонностям самого Светония, который характеризуется Плинием Младшим как *scholasticus* («книжник») и *eruditissimus* («образованнейший человек»). В самом деле, Светоний представляется кабинетным ученым, замкнувшимся в книжных занятиях, сосредоточенно собирающим и каталогизирующим различные сведения, часто мелкие и незначительные, не претендующим при этом на особую оригинальность и широту видения.

Известно, что он написал какое-то сочинение энциклопедического характера, охватывающее материал от археологии до права и даже зоологии. В списке произведений Светония — сочинения о римских обычаях и нравах, трактат в защиту политических теорий Цицерона, книги о детских играх у греков, о римских зрелищах и состязаниях и т. д., их тематическое разнообразие говорит об его историко-антикварных интересах варроновского типа. Все эти сочинения утрачены. До нас дошел труд Светония «Жизнь двенадцати цезарей» и неполностью книга «О грамматиках и риторах», которая являлась частью обширного собрания биографий литературных деятелей («*De viris illustribus*» — «О знаменитых людях»), распределенных по разделам (поэты, ораторы, историки, грамматики и риторы, философы), как у Варрона и Корнелия Непота.

Согласно Светонию, в древнейшие времена грамматика и риторика в Риме были неизвестны, они проникли в Италию в результате контактов с греческой культурой. После этого предварительного пояснения Светоний о каждом из грамматиков и риторов дает краткую биографическую справку по следующей схеме: место рождения, преподавательская деятельность, главные произведения, иногда в нескольких словах сообщается о человеческих качествах.

На основе позднейших свидетельств и компиляций мы можем частично реконструировать содержание раздела «О поэтах», хотя невозможно установить, где прямая цитация уступает место краткому изложению или парафразу.

О широте светониевской эрудиции мы можем судить на основании «Жизнеописаний цезарей» («De vita Caesarum») — двенадцать биографий в восьми книгах. Первая биография — Цезаря, последняя — Домициана. Таким образом, мы имеем серию жизнеописаний императоров династии Юлиев — Клавдиев и Флавиев. Начало биографии Цезаря утрачено. По всей видимости, это сочинение создавалось в то время, когда Светоний был секретарем Адриана и имел свободный доступ к императорским архивам.

От эллинистической культуры римские историки унаследовали два основных типа биографии. В одном биографический материал излагался по схеме ученых биографий, т. е. по образцу биографий писателей и поэтов, как в сочинении Светония «О знаменитых людях», в котором данные распределены по разделам. Другой тип биографии, имеющий художественную направленность, был нацелен на показ психологии личности, поэтому изложение в нем велось в хронологической последовательности от рождения героя до его смерти.

Из двух типов биографии Светоний выбрал биографию «по рубрикам», причем совершенно сознательно, о чем свидетельствует отрывок из «Жизнеописания Августа» (9,1), в котором повествованию «per tempora» («в последовательности времени») противопоставляется повествование «per species» («в последовательности предметов»). Разумеется, определенные модификации в этом случае были неизбежны, потому что одно дело — рассказывать о литературной деятельности, и совершенно другое — о гражданских и военных деяниях. Используя схему ученой биографии, Светоний не отказывается от психологической обрисовки своих персонажей.

Изложение по рубрикам отвечало культурным запросам времени и уже имело место в литературе императорского периода, например в «Замечательных делах и словах» Валерия Максима и «Естественной истории» Плиния Старшего, а еще раньше в «Деяниях божественного Августа». Рубрикация материала позволяла без особых структурных проблем дать максимум сведений в минимальном отрезке текста. Эту работу

Светоний проделал с величайшей тщательностью, собрав о каждом персонаже все, что мог обнаружить в самых разных источниках, не делая различия между общественной и частной жизнью исторических деятелей, потому что его и его читателей интересовали в равной степени все подробности биографии императоров и прежде всего детали скандального и курьезного характера.

Светоний распределяет факты по разделам и рубрикам, в одном разделе дается внешний облик, в другом — психологический портрет, в одном перечисляются добродетели, в другом — пороки. Как уже отмечалось, он не придерживается хронологической последовательности событий, что позволило бы проследить за развитием личности того или иного императора, а группирует собранные факты по более или менее постоянным рубрикам: 1) семья, рождение, отрочество; 2) государственная деятельность; 3) частная жизнь; 4) облик внешний (наружность, здоровье, образ жизни) и внутренний (характер, образованность, интеллектуальная деятельность); 5) смерть и погребение.

Рубрики нередко членятся на подрубрики, например, перечисляются заслуги и достоинства императора и сразу же делается переход к поступкам, заслуживающим порицания.

Таким образом, Светоний возвращается к традиционному распределению материала, размещенного с дидактической целью по рубрикам. Он подбирает примеры для подражания и примеры, которых надо избегать, как это сделал в свое время Валерий Максим. Следствием рубрикации материала и нарушения хронологической последовательности стало, например, то, что эпизод гонения на христиан (Светоний ставит это Нерону в заслугу) и рассказ о пожаре Рима (ответственность за который возлагается на принципса) оказались помещенными в разных разделах, тогда как у Тацита два эти события тесно связаны между собой и христиане выставлены Нероном поджигателями города.

Личность каждого императора в светониевском изображении оказывается как бы раздробленной на мелкие кусочки мозаики, соединить которые воедино писатель представляет самому читателю. Императоры в «Жизнеописаниях...» оторваны от империи, центром которой они являются, более того, они, можно сказать, оставлены за кулисами самой истории. Историческое же повествование выливается в анекдот, забавный рассказ, пикантную сплетню.

К сведениям, подтверждаемым документами, Светоний нередко примешивает анекдотические и скандальные подробности, источником которых являются непроверенные слухи, лживые известия, а подчас и злые сплетни. Но все это не останавливает писателя, который хочет во что бы то ни стало поразить воображение своих читателей и удовлетворить их любопытство.

Стиль Светония, как и образ его мыслей, не представляется чем-то оригинальным. Впрочем, историк и не стремится к оригинальности. Его стиль без претензий, пафоса и манерности одинаково удален как от архаизирующей манеры повествования, так и от модного в его время «нового стиля». В сдержанности и простоте светониевского изложения есть что-то от канцелярского слога. В синтаксисе историк предпочитает конструкции с сочинительной связью, при этом главное и существенное тонет в обилии частных и деталей. Простота и гладкий стиль изложения, а также богатство фактических данных, легко застревающих в памяти и будоражащих фантазию любознательного читателя, обеспечили сочинению Светония замечательную судьбу в последующих веках.

Светониевские биографии императоров были предназначены для аудитории, существенно отличающейся от читательской аудитории Тацита. Светоний старался угодить широкой массе читателей, уже утративших интерес к государственным делам и ждущих от историка занимательного рассказа, изобилующего анекдотическими и курьезными подробностями из частной жизни исторических деятелей. Читатели Светония — это, как правило, люди, занятые коммерческой, финансовой и предпринимательской деятельностью. Обремененные заботами и вечно спешащие, они не располагали временем для длительного досуга и поэтому искали в историографии и вообще в литературе главным образом развлечения и удовольствия.

Все это обусловило распространение таких форм историографии, в которых материал излагался предельно сжато, в виде краткого, но риторически украшенного обзора. Указанная тенденция нашла выражение в сочинении Аннея Флора «*Bellogum omnium annorum DCC libri II*» («Две книги всех войн за 700 лет»). Это — история войн, которые несколько упрощенно делятся на войны внешние и внутренние. Завершается повествование миротворческими войнами Августа. Автор следует схеме чисто внешней, основывающейся на соображениях скорее этико-политических, нежели на принципах подлинного историзма и хронологической точности.

Сочинение Флора переросло в самый настоящий элогий римскому народу, который является главным действующим лицом изложения. Автор объявляет в предисловии о своем намерении вызвать у читателей восхищение первым народом в мире (*princeps populis*): «Разнообразие деяний утомляет читателей, поэтому я поступлю, подобно тем, которые рисуют географические карты: я помещу весь образ, так сказать, на маленькой картинке и надеюсь, что не мало буду содействовать возвеличению первого народа, если опишу вкратце все его величие» (пер. С. И. Соболевского). Именно Флора имеет в виду Августин, когда говорит о писателях, «которые намеревались

не столько изложить римские войны, сколько восхвалить римское владычество» (О граде Божием, 3,19).

В рукописи сочинение Флора имеет также название «*Epitoma de Tito Livio*» («Извлечение из Тита Ливия»). На самом деле это название не совсем подходит к труду Флора, потому что Тит Ливий, которому он следует довольно точно, делая из него даже дословные заимствования, главный, но не единственный его источник. Иногда Флор сильно отклоняется от Ливия. Во всяком случае, он показывает свое знакомство и с другими писателями: Катонем Цензором, Саллюстием, Цезарем и пр.

Об этом сочинении следует говорить скорее не как об эпитафеме, а как об интерпретации исторического материала в риторическом ключе. Флор кладет начало жанру кратких исторических обзоров-бревиариев.

О жизни писателя нам ничего не известно, даже имя его вызывает сомнения. Трудно сказать, есть ли какая-нибудь связь между историком Флором, ритором Флором и поэтом с этим же именем. Ученые склоняются к тому, чтобы считать всех троих одной личностью. Достоверным является лишь то, что и историк, и ритор, и поэт жили во времена правления Адриана. Что касается историка, то на основании его слов о том, что от Августа (появившегося на политической арене в 43 г. до н. э.) до времени самого Флора прошло неполных 200 лет, можно заключить, что он писал свое сочинение в конце правления Адриана (117—138 гг.).

Установка Флора-историка в основном риторическая, с ней согласуется панегирический характер сочинения, прославляющего военные подвиги римского народа. Откровенно риторическим является вступление, где история римского народа сопоставляется с жизнью отдельного человека: детство — это царский период; юность — первый век республики, когда вся Италия была подчинена и превращена в римскую провинцию; зрелость — время от заморских завоеваний до прихода к власти Августа и, наконец, старость — период упадка от Августа до времени самого автора. Но при Траяне «сверх ожидания всех, старость империи вновь зазеленела, как будто ей возвращен зрелый возраст» (1,1). Каждому из четырех периодов соответствует раздел, который завершается кратким резюмированием изложенного в нем материала.

Сопоставляя историю с человеческой жизнью, Флор возобновляет аналогию Сенеки-ритора и создает своеобразную разновидность биографии, героем которой становится римский народ. Таким образом, он как бы соединил историческую и биографическую традицию, дав образец историко-биографического жанра.

1-я книга Флора посвящена внешним войнам от времен Ромула до разгрома Красса в парфянской войне (53 г. до н. э.). 2-я книга начинается с рассказа о движении Гракхов и по-

вествует о внутренних и внешних войнах — с союзниками, рабами, Митридатом, Катилиной, о гражданской войне между Цезарем и Помпеем, завершаясь войнами эпохи Августа. Заканчивается книга описанием победы, одержанной над парфянами; финал ее находится как бы в симметричной оппозиции с концовкой 1-й книги.

Послеавгустовская эпоха — старость — не вписывается в картину идеализации римского народа, который является подлинным героем истории, в связи с чем полководцы, консулы и другие личности у Флора не названы вовсе или появляются в роли исполнителей воли римского народа. Типичны выражения вроде следующего: «При консуле Марке Филиппе римский народ вступил в эту провинцию».

В рассказе о гражданских войнах, где картина общего разложения нравов берет верх над панегириком, выражение «*populus Romanus*» («римский народ») в функции подлежащего фразы встречается значительно реже. Поскольку при премирниках Августа римский народ перестает быть героем исторического процесса, повествование завершается до императорского периода.

Пронизанная чувством восхищения победами римского народа и отвращения и ужаса перед гражданскими войнами эпитафия Флора — не столько рассказ о событиях, сколько ораторский комментарий к ним. Общая нравоучительная установка и стремление автора к преувеличениям ради достижения моралистического эффекта приводят иной раз к искажениям фактов и хронологическим смещениям.

Риторическим является также стиль, часто поэтически окрашенный и насыщенный хиазмами, гиперболами, антитезами, метафорами. Флор нередко использует звуковые эффекты, в частности аллитерации и риторические клаузулы, среди которых немало типично цicerоновских, применяемых историком с исключительным старанием.

Изложение в форме компендия имело значительный успех уже во II в. В этот период появляется сочинение Луция Ампелия, представляющее собой небольшое руководство справочного характера. Его заглавие — «*Liber memorialis*» («Памятная книга»). Это что-то вроде краткого изложения или конспекта всеобщей истории с особым выделением истории римской республики (главы 17—50). Компендий Ампелия — не синтез, а крайне схематический перечень сведений, довольно беспорядочный и неравномерный, о космографии, географии, мифологии и истории: от созвездий до чудес мира, от спартанских полководцев до побед римского оружия, от истории народов, воевавших с Римом, до гражданских войн. Объем книжки невелик — всего 50 глав. Исследование всеобщей истории развернуто Ампелием «по рубрикам». Одержимый страстью к различным редкостям, Ампелий не стремится отделять сущ-

ность от частности, считая самым важным зарегистрировать все необычное и удивительное.

Склонность к необыкновенному (*mirabilia*) характерна и для Грания Лициниана, от сочинения которого до нас дошли отрывки. В них речь идет о событиях, относящихся к римской истории 164—78 гг. до н. э. Труд Лициниана был весьма обширен и состоял по меньшей мере из 36 книг. Основой ему служила главным образом история Тита Ливия. Судя по дошедшим фрагментам, форма изложения была весьма схематичной, периоды краткими и насыщенными.

Время жизни Грания Лициниана неизвестно. Но то, что он дожил до времени правления императора Адриана, подтверждается фрагментом, в котором говорится о храме Зевса Олимпийского в Афинах, строительство которого было завершено именно при Адриане. У нас есть сведение еще о каком-то сочинении Лициниана энциклопедического характера.

Как мы видим, характерной приметой историографии рассматриваемой эпохи является тяга к редкому и любопытному, к различным анекдотам и поучительным примерам, которые приводятся в исторических сочинениях главным образом с наглядной целью.

Глава шестнадцатая

ИСТОРИОГРАФИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

В римской культуре III—IV вв. мотив упадка и кризиса традиционных ценностей становится доминирующим. Идеологические основы империи были окончательно подорваны набирающим силу христианством, которое, превратившись к началу IV в. в сильнейшую организацию, при императоре Константине (323—337 гг.) получило статус государственной религии. Победоносное шествие христианства вызывало яростное сопротивление со стороны приверженцев староримских традиций. Отголоски идеологических споров язычников с христианами доносит до нас литература той эпохи.

Что касается историографии, то, за исключением Аммиана Марцеллина, она не может похвалиться выдающимися историками. Одни историки, как Евтропий, следуя по пути, указанному Флором, сжато излагают историю Тита Ливия в сухих кратких обзорах учебного характера. Другие, как Аврелий Виктор, подражают Светонию и пишут занимательные биографии.

О степени духовного упадка, в котором находились правящие круги Римской империи, можно судить по сочинению, обычно называемому «*Scriptores Historiae Augustae*» («Авторы жизнеописаний Августов»). Речь идет о сборнике из 30 биографий римских императоров, сменявших друг друга на протяжении II—III вв. Утрачены биографии императоров, правящих в 244—253 гг. и, по всей видимости, биографии Нервы и Траяна, которые открывали весь сборник. Надо полагать, что сочинение было задумано как продолжение «Жизнеописаний цезарей» Светония, который довел свое повествование до императоров династии Флавиев.

Сборник представляет собой крайнее проявление биографо-моралистического метода светониевских «Жизнеописаний...», а именно изложение занимательных курьезов, забавных историй и анекдотов «по рубрикам», без хронологического порядка. Авторы биографий не проявляют ни малейшего интереса к социальным, экономическим и религиозным аспектам истории. Не интересуют их и вопросы идеологии. Полностью сосредоточены на личностях самих императоров, их добродетелях, но гораздо чаще пороках, авторы далеки от того, чтобы осмыслить деятельность императоров как людей, стоявших во главе политических событий. Правда, в биографиях временами звучит ностальгия по былому величию римского сената, что в какой-то мере обостряет неприязненное отношение к тиранам на троне. Однако это чувство скорее диссонирует с общей установкой авторов на «занимательность» (*curiositas*), хотя они и заверяют о своем «стремлении блюсти историческую добросовестность».

Задача, которую ставят перед собой авторы биографий, абсолютно ясна — дать увлекательный рассказ. Отсюда то особое значение, которое они придают частностям личной жизни императоров, пикантным и сенсационным подробностям, доходя в этом до нелепой клеветы. Чтобы произвести на читателя впечатление полной правдивости, авторы жизнеописаний неумеренно пользуются документами, цитируют и упоминают письма, речи, постановления и т. п., причем не останавливаются даже перед вымыслом, выдумывая несуществующие свидетельства. Если в светониевских биографиях свидетельства всегда подлинные, то здесь они по большей части фальсифицированы. Впрочем, в схожем ключе были написаны сочинения, послужившие непосредственным источником для авторов биографий, например, произведения Мария Максима и Юния Корда. По всей видимости, на протяжении III в. было создано немало сочинений этого рода, мемуаров, биографий и т. п.

Исходя из внутренних данных и рукописной традиции, можно заключить, что авторами биографий были шесть писателей. Часть биографий была написана во время правления императора Диоклетиана (284—305 гг.) историками Элием Спартия-

ном, Юлием Капитолином, Вулкацием Галликаном и Требеллием Поллионом. Несколько десятилетий спустя, между 305 и 330 гг., писали два других биографа — Элий Лампридий и Флавий Вописк.

Биографии расположены в хронологическом порядке. Изложение ведется более или менее по светониевской схеме: детство, приход к власти, смерть императора. Авторы не упускают возможности рассказать о различных чудесных явлениях. Часто биографии завершаются кратким резюме, включающим в себя сжатый обзор общественно полезных деяний, войн, нравов и всякого рода странностей.

Насколько мы можем судить, авторы биографий принадлежали к консервативным кругам почитателей римского сената. Не исключено, что все они были близки к императорскому двору. Их филосенаторская тенденция выражается, в частности, в том, что мерой оценки достоинств того или иного императора им служит его отношение к сенату: хороший император — тот, который уважает политические и экономические интересы сенаторов, плохой — тот, который противодействует им.

По всей видимости, авторы биографий отражают в своих произведениях официальную точку зрения, поэтому тон изложения — то хвалебный, то порицающий — в зависимости от меняющейся конъюнктуры. Так, например, обширная биография Александра Севера, написанная Элием Лампридием, с большой долей наивности идеализирует правление этого императора, будто бы исполненное уважения к римскому сенату, в то время как биографии Коммода и Гелиогабала того же автора или биография Каракаллы, принадлежащая перу Элия Спартиана, представляют собой не что иное, как калейдоскоп ужасов и мерзостей. Эти три биографии изображают правителей по образцу «порочных императоров» (*imperatores vitiosi*) Светония (Калигула, Нерон, Вителлий), между тем как изображение Александра Севера напоминает фигуры «хороших императоров» (*imperatores boni*), каковыми у Светония представлены Август и Клавдий. Вследствие этого документальная ценность биографий, естественно, снижается.

Несмотря на недостоверность многих сведений и анекдотический, чисто занимательный характер изложения, сочинение шести авторов вызывает все же определенный интерес, по крайней мере, в отношении языка и изображения быта и нравов того времени. До сдержанности повествовательной манеры римских историков-классиков этим биографиям, разумеется, очень далеко. Однако их грубый и часто неряшливый язык сохранил для нас простонародные выражения, обороты канцелярского, юридического, военного обихода первой трети IV в. н. э. Поздняя разговорная латынь нашла отражение также в синтаксисе сборника.

В историографии поздней империи преобладающей стала

тенденция излагать историю в форме компендиев и эпитом. И здесь в первую очередь следует назвать уже упомянутого Евтропия. Евтропий жил во второй половине IV в. В свите императора Юлиана принимал участие в военной экспедиции против персов (363 г.). Затем в должности секретаря служил при дворе императоров Валентиниана I и Валента. По поручению Валента, желавшего получить сведения о тысячелетней истории Рима в форме сжатого, компактного изложения, Евтропий написал «*Breviarium ab Urbe condita*» («Бревиарий от основания Города») в 10-ти книгах.

Возникший из кризиса III в. новый руководящий класс Римской империи был столь несведущ в области знаний о славном прошлом Рима и его освященных временем традициях, что испытывал потребность в этой информации, разумеется, предельно суммарной и неглубокой. Труд Евтропия и другие сочинения этого рода полностью отвечали духу времени.

Прямолинейный, ясный, часто слишком лаконичный «Бревиарий...» представляет собой поверхностный компендий истории Рима от его истоков до 364 г., начала правления Валентиниана I. Но даже обращаясь к наследию величайших римских историков, таких, как Тит Ливий, Евтропий предпочитает пользоваться не подлинниками их сочинений, а краткими изложениями.

В сочинении Евтропия совершенно отсутствует какая-либо руководящая идея. Бросаются в глаза некоторые хронологические неточности, которых Евтропий, располагавший архивными материалами, мог бы легко избежать. Рассказ посвящен сначала военным событиям от Ромула до смерти Юлия Цезаря (книги 1—6), затем истории императорского периода до смерти императора Иовиана (книги 7—10). В духе уже устаревших моралистических схем историк, по примеру Светония, концентрирует внимание на фигурах отдельных императоров. В заключении Евтропий обещает изложить современные события, однако никаких других его сочинений до нас не дошло, и мы не знаем, писал ли он еще что-нибудь.

Отвечавший запросам времени труд Евтропия пользовался популярностью и у современников, и в последующие века. Его успех был таков, что он трижды переводился на греческий язык. Еще ни одно произведение римской литературы не удостоивалось подобной участи.

Еще более сжатым был компендий римской истории, составленный также секретарем императора Валента Руфом Фестом. Он озаглавлен «*Breviarium rerum gestarum populi Romani*» («Бревиарий деяний римского народа») и насчитывает два десятка современных страниц. Сверхкраткий обзор Феста посвящен описанию войн, преимущественно тех, которые римляне вели на Востоке против парфян и персов. Изложение доведено до современных автору событий.

Кроме бревиариев Евтропия и Феста, сохранились три кратких компендия, объединенных вместе неизвестным нам компилятором, который из существовавших уже сочинений по отдельным периодам римской истории намеревался составить цельную историю Рима до IV в. включительно. При объединении разных сочинений в один сборник составитель руководствовался хронологическим принципом. Первое из них — и самое интересное — анонимный трактат «*Origo gentis Romae*» («Происхождение римского народа»), изложение древнейшей римской истории от Сатурна до Ромула. Затем следует сочинение «*De viris illustribus urbis Romae*» («О знаменитых людях города Рима»), в котором конспективно излагаются биографии исторических лиц от Ромула до Антония и Клеопатры. Заключает всю серию сочинение под названием «*Liber de Caesaribus*» («Книга о Цезарях»), или «*Historiae abbreviatae*» («Сокращенная история»), автор которого нам известен. Это Секст Аврелий Виктор, африканец по происхождению, который при императоре Феодосии I (379—395 гг.) был префектом Рима. Его сочинение состоит из кратких биографий от Августа до Констанция (353—361 гг.). Как с исторической, так и с литературной точки зрения оно не представляет большого значения.

Известно также анонимное сочинение «*Epitome de Caesaribus*» («Извлечение из Цезарей»), которое является извлечением частично из Евтропия, частично из Аврелия Виктора, хотя от последнего нередко отделяется, время от времени расширяя его.

Между авторами бревиариев и эпитом и Аммианом Марцелином, давшим свое оригинальное осмысление истории, промежуточное место занимает писатель второй половины IV в. Вирий Никомах Флавиан (334—394 гг.), государственный деятель и близкий друг оратора Симмаха, главы сторонников староримских традиций в сенате. Назначенный в 394 г. консулом, Никомах выступил с программой реставрации язычества в религии, но, когда его надежды на возрождение язычества в Риме рухнули, он, как стоик, покончил жизнь самоубийством. Из его литературной продукции ничего не сохранилось. Известно, что ему принадлежало историческое сочинение «*Анналы*», в котором он выразил свое чувство религиозного благоговения перед римским духом и, возможно, веру в будущее римской империи.

К этому же периоду относится сочинение Юлия Обсеквента «*Liber prodigiorum*» («Книга чудесных явлений») — сухой перечень всех предзнаменований в римской истории по ливиевским эпитомам. Первая часть этого сочинения утрачена. То, что сохранилось, охватывает события от 190 до 12 гг. до н. э. Время жизни Юлия Обсеквента установить трудно, во всяком случае, оно приходится до правления императора Гонория (395—423 гг.). По всей видимости, Юлий Обсеквент был язычником,

его цель — показать, сколько счастливых предзнаменований сопровождали рост римского могущества. Автор живет надеждой на реставрацию традиционной языческой культуры, разделяя, таким образом, взгляды Симмаха и Никомаха Флавиана.

Глава семнадцатая

АММИАН МАРЦЕЛЛИН — ПОСЛЕДНИЙ РИМСКИЙ ИСТОРИК

По причине утраты «Анналов» Никомаха Флавиана история Аммиана Марцеллина — единственное историческое сочинение большой формы, оставшееся нам от поздней римской литературы.

Последний великий историк Рима — грек родом из Антиохии. Он жил между 330 и 400 гг. Избрав военную карьеру, Аммиан Марцеллин служил в Галлии и Месопотамии. В войске императора Юлиана он участвовал в войне с персами. После смерти Юлиана он навсегда оставляет военную службу и возвращается в свой родной город Антиохию, откуда приблизительно через двадцать лет (около 380 г.) перебирается в Рим, где и живет до конца своей жизни. Известно о его путешествиях в Египет, Фракию и Пелопоннес.

Сочинение Аммиана, озаглавленное «*Res gestarum libri XXXI*» («Деяния в 31-й книге»), охватывало период от восшествия на трон императора Нервы (96 г.) до смерти императора Валента (378 г.). Таким образом, Аммиан начал свое повествование с события, которым завершалась «История» Тацита. До нас дошли последние 18 книг: с 14-й по 31-ю, излагающие события 353—378 гг.

По всей видимости, Аммиан первоначально планировал ограничиться 25 книгами, но благосклонный прием его сочинения у римской публики побудил историка продолжить свой труд. Одно из писем ритора того времени Либания содержит сведение о том, что Аммиан публично читал свое сочинение, часть которого была опубликована в 392 г.

Следует считать большой удачей, что уцелела именно та часть сочинения, в которой рассказывается о современных автору событиях, свидетелем и участником которых он был и потому поведал о них с наибольшей полнотой. Дошедшим до нас кингам «Деяний...» сообщает единство фигура императора Юлиана, которая имеет особую выразительность. Историк-мемуарист ярко и правдиво повествует о военной и государственной деятельности любимого им императора, нашедшего свой преждевременный конец в Месопотамии.

Сам факт, что Аммиан, по национальности грек, писал на латыни, которая не была его родным языком, является красноречивым свидетельством того, что историк предназначал свой труд латиноязычному читателю. Более того, по всем признакам это сочинение родилось в образованной среде римской столицы и глубоко отражает идеалы возрождения язычества.

Обширный план «Деяний...», охватывавший события многовековой истории Римской империи, а также то, что образцом для подражания Аммиану служит Тацит, все это указывает на его честолюбивое намерение продолжить великую традицию римской историографии и противодействовать ее вырождению — будь то убогий, страдающий многословием морализм, превративший историческое повествование в галерею отдельных императоров, как в сборнике «Авторы жизнеописаний Августов», будь то поверхностность эпитом и компендиев, вроде «Бревиария» Евтропия. Вместе с тем Аммиан не хочет походить и на тех историков, которые ограничивались только современными событиями. Взяв себе за образец Тацита, Аммиан полностью разделяет его пессимистический взгляд на будущее римской империи, симптомы упадка которой вызывают у него тревогу.

О связях Аммиана с языческими кругами императорского Рима убедительно говорят идеи, питающие его творчество. Подлинных чувств историка не может скрыть даже его искреннее стремление к объективности и беспристрастности. Аммиану трудно преодолеть полный для него драматизма разлад между реальным положением вещей и идеалом, который навсегда остался в великом прошлом Рима. Надо полагать, историк находился в дружеских отношениях со многими именитыми представителями римского сената. Он произносит самый настоящий элогий Симмаху и обращает к Никомеху Флавиану слова, исполненные глубокого уважения. Хотя картина интеллектуальной жизни римского общества конца IV в. довольно сложна, мы, наверное, не ошибемся, если допустим, что Аммиан находился в центре духовной атмосферы Рима, имел тесные контакты с образованными слоями и, более того, стал выразителем их мыслей и тревог.

В «Деяниях...» Аммиан соединил повествовательные принципы разных историографических жанров. Внешне он продолжает традиции римской анналистики и, по примеру Тацита, излагает исторический материал погодно, в хронологическом порядке. Вместе с тем он использует схему исторических биографий, популярных в императорский период. И это вполне естественно, потому что императоры, в особенности Юлиан, к которому Аммиан испытывает особое восхищение, всегда находятся в центре его рассказа, и после сообщения об их смерти обязательно следует краткий очерк о добродетелях и пороках каждого из них.

Особенностью сочинения Аммиана являются разнообразные

экскурсы в духе антикварно-энциклопедической учености, которые он охотно включает в свое повествование. Следует сказать и о другой весьма своеобразной и необычной в классической историографии особенности Аммиана, а именно о широком использовании им примеров из прошлого. Сравнения с историческим прошлым в сочинении Аммиана многочисленны и разнообразны.

Что касается источников, которыми пользовался Аммиан, то в отношении уцелевших книг «Деяний...» он сам говорит, что полагался скорее на собственные воспоминания, чем на сведения, почерпнутые из книг. Действительно, опыт, приобретенный писателем во время его военной службы, контакты, которые он имел с самыми разными людьми, и путешествия оказались весьма полезны в его деятельности историка. За годы, проведенные в Галлии и на Востоке, он мог собрать обширный и ценный материал для своих «Деяний...».

Однако, по мнению современных исследователей, Аммиан гораздо чаще, чем это нам представляется, обращался к документам, донесениям, официальным сообщениям. Проще установить источники Аммиана для ученых экскурсов (географических, натуралистских, антикварных). Это были сочинения авторов послереспубликанского периода Страбона, Плиния Старшего, Сенеки-философа, Валерия Максима, Авла Геллия и др. Иное дело — сведения, предназначенные поражать, приводить в изумление: этнографические описания галлов, сарацинов, фракийцев, персов, гуннов и т. д., информация о землетрясениях, эпидемиях чумы, затмениях солнца, различные предзнаменования и т. п. Эти данные получены, по всей вероятности, устным путем.

Общериторическому колориту «Деяний...», кроме указанных описаний, немало способствуют сцены, в которых с большой выразительностью показано всеобщее разложение нравов в Риме. Сильное впечатление производит рассказ о войнах с варварами на границах римской империи (книги 17—18), ведь автор является не только очевидцем, но и активным участником описываемых событий. Величайшей достоверности, напряжения и драматизма достигает Аммиан в эпизодах, описывающих его собственные превратности на войне. С особым, присущим роману драматизмом он повествует об опасности, которой подвергся на Востоке, едва избежав пленения. Оказавшись в осажденном персами городе Амиде, он с трудом спасся, ускользнув из города под покровом ночи (книга 19).

Основной принцип, которому Аммиан стремится следовать в своем повествовании — максимальная правдивость. Постоянно проверяя достоверность своих сведений, он старается избегать не только вымысла, но и умолчаний. «Я обещал в труде своем дать истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания умолчанием и ложью» (31, 16, 9). Однако он

не является бесстрастным рассказчиком, который воздерживается как от похвал, так и от порицаний. Наоборот, Аммиан не упускает возможности высказать собственное мнение. Обычно он заставляет сами факты говорить за себя. Но иногда его рассказ становится таким горячим и взволнованным, что факты при этом неизбежно деформируются.

Внимание историка обращено преимущественно на те стороны событий и личные качества героев, которые допускают эмоциональное восприятие. Характеры исторических личностей очерчены историком с удивительным мастерством, при этом с величайшей наглядностью показаны те черты, которые могут сильнее всего поразить читателей.

В соединении ужасного и причудливого, тяга к которым была присуща римскому искусству императорской эпохи, Аммиан достигает замечательных результатов. Он создает яркую картину какой-то неистово судорожной действительности, некое подобие кошмара. С одной стороны, он развенчивает господствующее сословие, спесивое и жестокое, трусливо предчувствующее свой конец; с другой — через этнографические экскурсы вводит читателя в таинственный зловещий мир варваров, способных уничтожить не только Римскую империю, но и весь цивилизованный мир. Историком владеет чувство обеспокоенности и тревоги, когда он обращает свой взор на мир варваров, со всех сторон обступивших империю. С высокой художественностью, драматизмом и экспрессией передает Аммиан настроения, которые распространялись по столице, становясь все мрачнее, по мере того как из пограничных областей поступали все более тревожные известия. Чтобы наглядно показать зверскую сущность варваров, он иногда ограничивается какой-нибудь одной яркой деталью, иногда дает целую устрашающую сцену, изображая фракийцев, с жадностью пьющих человеческую кровь из черепов своих жертв или диких гуннов, похожих на сказочных чудовищ и приводящих в ужас своей внешностью. Здесь чувство реальности и меры явно покидает историка, которым владеет тревожное чувство опасности, исходящей от варваров.

Аммиан испытывает глубокое почтение к общественному строю империи и проникнут благоговением к великому прошлому Рима, который он неоднократно называет «вечным городом». «Воля божества возвеличила Рим от самой его колыбели и обещала ему вечность» (19, 10, 4). К народным низам Аммиан относится враждебно. Он глубоко презирает чернь и не жалеет для нее черных красок. Впрочем, с неменьшей суровостью и резкостью обличает он и римскую аристократию, которую растлили лень, невежество, стремление к роскоши. Давно утратившая чувство ответственности за судьбу империи, римская аристократия демонстрирует свою бездеятельность и политическую беспомощность. Но как все римские историки, Аммиан

не поднимается до осуждения социальной системы и путь к возрождению видит в распространении образования и культуры. Огромное значение он придает чувству гражданского долга и высоко ценит такие качества, как дисциплинированность и патриотизм.

Аммиан возлагает большие надежды на хороших властителей. Образцами, по его мнению, могут служить Траян, Марк Аврелий, но прежде всего глубоко почитаемый им Юлиан. «Добрый правитель, — пишет он, — должен ограничивать свое имущество, бороться с порывами страсти и с побуждениями сильного гнева и знать, как говаривал диктатор Цезарь, что воспоминание о жестокости — плохая подпора в старости» (29, 2, 18).

Хотя речи персонажей у Аммиана встречаются редко (как правило, это торжественные обращения полководцев к войску перед сражением), он весьма охотно заставляет говорить Юлиана, пытаясь таким образом проникнуть в его самые сокровенные мысли и понять его человеческую сущность. Очарованный своим кумиром, историк разделяет его идеалы и программу по возрождению империи. Правда, не все начинания императора находят у него поддержку, и в ряде случаев историк выражает свое несогласие с ним. Объективность Аммиана проявилась, в частности, в том, что он не одобряет запрет Юлиана на профессию учителя для лиц христианского вероисповедания, определяя это распоряжение как «жестокое настолько, чтобы быть преданным вечному забвению» (22, 10, 7; 25, 4, 20).

Склоняясь в целом к язычеству, Аммиан неожиданно для нас оказывается человеком, наделенным веротерпимостью. Историк терпим к христианской религии, потому что его интересуют не столько религиозные, сколько общечеловеческие проблемы гуманизма и социального устройства. Конечно, не следует забывать, что Аммиан публиковал свои «Деяния...» во время правления императора Феодосия I (378—395 гг.), когда христианство было признано государственной религией.

Из религиозно-философских учений ближе всего Аммиану был неоплатонизм. Веру в языческих богов Олимпа сменила вера в высшее божество, управляющее миром, к которому свободно мог обращаться любой человек. Это животворный дух мира — *пипен*. Согласно учению неоплатоников IV в., в общении между человеком и Богом огромное значение имеет искусство предсказывать будущее и магия. Аммиан, как многие образованные люди его времени, полностью доверяет предсказаниям, магии, астрологии, видя в них возможность узнать божественную волю и, следовательно, предвидеть неотвратимый ход событий. У Аммиана астральный детерминизм соседствует с человеческой свободой, а неоплатонизм не отделен от любви к традиционной языческой культуре. Этим, видимо, объясняется его слабый интерес к христианской религии.

Отдавая дань героизму христианских мучеников и признавая, что многие христиане наделены справедливостью, мужеством, нравственной чистотой, Аммиан вместе с тем осуждает их за те дикие, на его взгляд, религиозные распри, которые нередко возникают между духовными лицами. В конечном счете, как уже отмечалось, Аммиан проявляет терпимость к христианству, хотя и считает его главной причиной исчезновения многих прекрасных римских обычаев и традиций.

Преклоняясь перед славным героическим прошлым римского народа, Аммиан создает остросатирические картины современных нравов, контрастирующие с доблестью прошлых времен. Все его сочинение пронизано глубоким чувством патриотизма и восхищением римской культурой и литературой, нашедшими выражение также в языке и стиле «Деяний...». Историк широко использует узкоспециальную лексику из сферы юриспруденции, коммерции и т. п. Эта лексика, а также канцеляризм из административного обихода указывают на его высокое мастерство владения неродным для него латинским языком, общепринятым в то время в административно-бюрократической среде, близкой к императорскому двору.

Все же в стиле «Деяний...» чувствуется греческое происхождение автора. Прежде чем написать фразу по-латыни, Аммиан строил ее в уме по-гречески, поэтому часто брал подходящее слово из своего родного языка или создавал обороты по греческому образцу, отсюда в его сочинении так много гречизмов и калек с греческого языка.

Культура Аммиана Марцеллина вскормлена соками римской классической культуры. Чаше всего он обращается к литературному наследию Цицерона, цитаты, реминисценции и открытые имитации из которого рассеяны в «Деяниях...» повсюду. Ставя авторитет Цицерона как политического оратора, знатка жизни и вопросов этики очень высоко, Аммиан защищает его от критики старых и новых хулителей.

Кроме упомянутых римских писателей-ученых, Аммиан хорошо знаком с творчеством Вергилия и, конечно, с произведениями историков. Моралистическая установка связывает его прежде всего с Тацитом, от которого он унаследовал мрачный взгляд на историю и драматическую манеру повествования. В стилистическом плане он также следует за Тацитом, добиваясь красочности и поэтического колорита в изложении. Иногда его периоды перегружены второстепенными членами и вставными конструкциями. Стиль Аммиана, весьма вычурный, образный и энергичный, изобличает в авторе старание избежать вульгаризмов. Если вульгаризмы все же встречаются, то, как правило, в образных выражениях, метафорах и сравнениях, заимствованных из животного мира, с помощью которых историк лишний раз напоминает римскому читателю о диких варварах, угрожающих границам империи.

Стоявший у истоков латинской историографии римлянин Фабий Пиктор, предназначая свой исторический труд грекоязычной аудитории, писал его по-гречески. Последний римский историк грек Аммиан Марцеллин пользуется латинским языком и обращается к латиноязычному читателю. Подлинный патриот Рима, он хронологически замыкает шеренгу не только римских, но вообще античных историков.

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП
ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

Главы 1—4 *

Перевод С. Маркиша

1. Если человек желает отличиться меж остальными созданиями, ему должно приложить все усилия к тому, чтобы не провести жизнь неприметно, словно скот, который по природе своей клонит голову к земле и заботится лишь о брюхе. Все наше существо разделяется на дух и тело. Дух обычно правит, тело служит и повинуется. Духом мы владеем наравно с богами, телом — наравне со зверем. И потому мне представляется более правильным искать славы силою разума, а не голою силой, и, поскольку жизнь, которую мы вкушаем, коротка, память о себе надо оставить как можно более долгую. Ведь слава, приносимая богатством или красотой, быстролетна и непрочна, а доблесть — достояние высокое и вечное.

Впрочем, давно уже идут между смертными споры, что важнее в делах войны — телесная ли крепость или достоинства духа. Но прежде чем начать, нужно решиться, а когда решился — действовать без отлагательств. Стало быть, в отдельности и того и другого недостаточно и потребна взаимная их поддержка.

2. Вначале цари — этот образ правления был на земле первым — поступали розно: кто развивал ум, кто — тело. Тогда жизнь человеческая еще не знала алчности: всякий довольствовался тем, что имел. Но впоследствии, когда в Азии Кир, а в Греции лакедемоняне и афиняне начали покорять города и народы, когда причиною войны стала жажда власти и величайшую славу стали усматривать в ничем не ограниченном владычестве, тут впервые, через беды и опасности, обнаружилось, что главное на войне — ум.

Если бы в мирное время цари и властители выказывали те же достоинства духа, что во время войны, наша жизнь была бы стройнее и устойчивее, не видели бы наши глаза, как все разлетается в разные стороны или смешивается в беспорядке.

* Печатается по: Историки Рима: Сборник / Под ред. С. Апта и др. М., 1970.

Власть нетрудно удержать теми же средствами, какими ее приобрели. Но когда на место труда вламывается безделие, на место воздержности и справедливости — произвол и высокомерие, то одновременно с нравами меняется и судьба. Таким образом, власть неизменно переходит от менее достойного к достойнейшему.

Все труды человеческие — на пашне ли, в морском плавании, на стройке — подчинены доблести. Но многие смертные, непросвещенные и невоспитанные, преданные лишь сну да ожорству, проходят сквозь жизнь, словно странники по чужой земле; им, без сомнения, тело — в удовольствии, а душа — в тягость, вопреки природе. Жизнь их, по-моему, не дороже смерти, потому что и та и другая теряются в молчании. Я бы сказал, что по-настоящему живет и наслаждается дарами души лишь человек, который, посвятив себя какому-либо занятию, ищет славы в замечательных поступках или высоких познаниях.

3. Но природа обладает многоразличными возможностями и всякому указывает особый путь. Прекрасно служить государству делом, но и говорить искусно — дело немаловажное. Отличиться можно как на войне, так и в мирные времена: похвалами украшены многие и среди тех, кто действовал сам, и среди тех, кто описывал чужие деяния. И хотя отнюдь не равная достается слава писателю и деятелю, мне кажется, что писать историю чрезвычайно трудно: во-первых, рассказ должен полностью отвечать событиям, а во-вторых, порицаешь ли ты ошибки — большинство видит в этом изъявление недоброжелательства и зависти, вспоминаешь ли о великой доблести и славе лучших — к тому, на что читатель, по его разумению, способен и сам, он остается равнодушен, все же, что выше его способностей, считает вымыслом и ложью.

Поначалу, в ранние годы, я, как и большинство других, с увлечением погрузился в государственные дела, но много препятствий встретилось мне на этом поприще, ибо вместо скромности, вместо сдержанности, вместо доблести процветали наглость, подкуп, алчность. Непривычный к подлым приемам, я, правда, чуждался всего этого, но в окружении стольких пороков неокрепшая моя юность попала в сети честолюбия. И хотя дурные нравы остальных я никак не одобрял, собственная страсть к почестям делала и меня наравне с ними предметом злословия и ненависти.

4. И вот, когда после многих бедствий и опасностей я возвратился к покою и твердо решил остаток жизни провести вдали от государственных дел, у меня и в мыслях не было ни расточить драгоценный досуг в беспечной праздности, ни целиком отдаться земледелию или охоте — рабским обязанностям. Нет, вернувшись к тому начинанию, к той страсти, от которых оторвало меня проклятое честолюбие, я надумал писать

историю римского народа — по частям, которые мне представлялись достопамятными, — тем более, что душа освободилась от надежд, страха и приверженности к одному из враждующих на государственном поприще станом.

ВОЙНА С ЮГУРТОЙ

Главы 1—5

Перевод С. Маркиша

1. Попусту жалуются люди на свою природу, будто они немощны и коротки веком и потому правит ими не доблесть, а случай. Неверно! Поразмысли — и ты убедишься, что нет ничего выше и прекраснее человеческой природы и что не силы и не века ей мало, но воли к действию. Вожатый и повелитель жизни смертных — дух. И если он путем доблести шагает к славе, он бодр, и могуч, и ясен без меры, и ничем не обязан судьбе, которая ни честности, ни воли, ни иных добрых качеств не способна ни дать, ни лишить. А когда, попавши во власть низких страстей, угождая опасным влечениям, он постепенно погрязает в лени и телесных утехах, когда в бездлии расточены силы, время, дарование, мы виним в слабости нашу природу: свою собственную вину каждый сваливает на обстоятельства. Но если бы люди заботились о благе с тем же усердием, с каким стремятся к вещам неподобающим, совершенно бесполезным, а часто и вредным, не случай правил бы ими, а они случаем и поднялись бы так высоко, что, вопреки смертной своей природе, стяжали бы вечную славу.

2. Человек состоит из души и тела, и все дела наши, все стремления определены одни природою тела, другие — души. Красивая наружность, богатство, телесная сила и все прочее тому подобное быстро исчезают, но замечательные деяния ума бессмертны наравне с душою. Коротко говоря, блага телесные и блага судьбы имеют свое начало и свой конец, все, однажды возникнув, погибает, достигнув зрелости, стареет, а дух неразрушим, вечен, он правит человеком, он движет и объемлет все, сам же не объемлется ничем.

Тем большего изумления достойно уродство тех, кто, предавшись радостям тела, проводит жизнь в роскоши и в праздности, а ум — самое лучшее и великое, что есть в природе смертных, — оставляет коснеть без призора и ухода, когда для духа есть столько различных занятий, возводящих к вершине славы.

3. Однако же среди этих занятий руководство государственными делами или командование войском, словом, любая общественная служба представляется мне по нашим временам наи-

менее завидной, ибо достойным почетные должности не достаются, а те, кто достигнет их обманом, не знает не только что почета, но хотя бы уверенности в себе. Да, править родиною и родными через насилие — даже если бы это оказалось возможно, даже если бы приносило пользу, — все равно и тягостно, и жестоко, потому в особенности, что всякий государственный переворот возвещает кровопролития, изгнания и прочие беды. И уже явное безумие — выбиваться из сил без всякой цели, не стяжая ничего, кроме ненависти, — разве что ты одержим бесстыдным и пагубным желанием пожертвовать собственною честью и свободой ради могущества немногих.

4. Среди прочих же умственных занятий всего более пользы в писании истории. О значении истории говорили многие, и мне об этом распространяться незачем; вдобавок я не хочу, чтобы кто-нибудь подумал, будто я нескромно восхваляю свое любимое дело. А я не сомневаюсь, что сыщутся люди, которые, прослышав о моем решении удалиться от государственных забот, назовут мой труд, такой важный и полезный, пустою праздностью — в первую очередь, конечно, те, для кого нет выше задачи, как заискивать перед толпою и угощениями домогаться ее благосклонности. Но если они припомнят, в какие времена исполнял я государственные обязанности и какие люди рвались к тому же, но безуспешно и какого рода личности пробрались позже в сенат, они, бесспорно, убедятся, что прежним своим намерениям я изменил не из лени, а по здравому размышлению и что мои досуги принесут государству больше выгоды, чем хлопоты других.

Как известно, и Квинт Максим, и Публий Сципион, и другие знаменитые мужи Рима часто повторяли, что, когда они глядят на изображения предков, дух зажигается неудержимою тягою к доблести. Ясно, что не воск и не внешние черты заключают в себе такую силу, но память о былых подвигах поддерживает в сердце великих мужей этот огонь и не дает ему угаснуть до тех пор, пока собственная их доблесть не сравнивается со славою предков. А при нынешних нравах!.. Найдется ли хоть один, кто бы захотел поспорить со своими предками не богатством и не расходами, но честностью и трудолюбием? Даже новые люди, которые прежде, бывало, старались догнать и обогнать знатных в доблести, теперь устремляются к власти и почестям не добрыми путями, но воровскими и разбойными. Как будто преторство, консульство и прочие почетные должности светлы и великолепны сами по себе, как будто вся их цена не в доблести тех, кто их занимает! Впрочем, в досаде и в стыде за теперешние нравы, я зашел слишком далеко. Возвращаюсь к своему замыслу.

5. Я намерен описать войну, которую римский народ вел с Югуртой, царем нумидийцев — оттого, во-первых, что она была тяжелой и жестокой, а военное счастье до крайности пе-

ременчивым, во-вторых же, оттого, что тогда впервые было оказано сопротивление высокомерию знати и борьба эта опрокинула все законы божеские и человеческие и дошла до такого иступления, что лишь война и опустошение Италии положили предел гражданским смутам.

ТИТ ЛИВИЙ

ИСТОРИЯ РИМА ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА

Предисловие *

Перевод В. Смирин

Создам ли я нечто, стоящее труда, если опишу деяния народа римского от первых начал Города, того твердо не знаю, да и знал бы, не решился бы сказать, ибо вижу — затея эта и старая, и не необычная, коль скоро все новые писатели верят, что дано им либо в изложении событий приблизиться к истине, либо превзойти неискусную древность в умении писать. Но, как бы то ни было, я найду радость в том, что и я, в меру своих сил, постарался увековечить подвиги первенствующего на земле народа; и, если в столь великой толпе писателей слава моя не будет заметна, утешением мне будет знатность и величие тех, в чьей тени окажется мое имя. Сверх того, самый предмет требует трудов непомерных — ведь надо углубиться в минувшее более чем на семьсот лет, ведь государство, начав с малого, так разрослось, что страдает уже от своей громадности; к тому же рассказ о первоначальных и близких к ним временам, не сомневаюсь, доставит немного удовольствия большинству читателей — они поспешат к событиям той недавней поры, когда силы народа, давно уже могущественного, истребляли сами себя; я же, напротив, и в том буду искать награды за свой труд, что, хоть на время — пока всеми мыслями устремляюсь туда, к старине, — отвлекусь от зрелища бедствий, свидетелем которых столько лет было наше поколение, и освобожусь от забот, способных если не отклонить пишущего от истины, то смутить его душевный покой. Рассказы о событиях, предшествовавших основанию Города и еще более ранних, приличны скорее твореньям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать. Древности простительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов; а если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение

* Печатается по: Ливий, Тит. История Рима от основания Города: В 2 т. Т. 1. М., 1989.

и возводить его к богам, то военная слава народа римского такова, что, назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племени людские и это снесут с тем же покорством, с каким сносят власть Рима. Но подобного рода рассказам, как бы на них ни смотрели и что бы ни думали о них люди, я не придаю большой важности. Мне бы хотелось, чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действий — дома ли, на войне ли — обязана держава своим зарожждением и ростом; пусть он далее последует мыслью за тем, как в нравах появился сперва разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времен, когда мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах. В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамление величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же — чего избегать: бесславные начала, бесславные концы.

Впрочем, либо пристрастность к взятому на себя делу вводит меня в заблуждение, либо и впрямь не было никогда государства более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость. Да, чем меньше было имущество, тем меньшею была жадность; лишь недавно богатство привело за собою корыстолюбие, а избыток удовольствий — готовность погубить все ради роскоши и телесных утех.

Не следует, однако, начинать такой труд сетованиями, которые не будут приятными и тогда, когда окажутся неизбежными; с добрых знамений и обетов предпочли бы мы начать, а будь то у нас, как у поэтов, в обычае — и с молитв богам и богиням, чтобы они даровали начатому успешное завершение.

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЮЛИЯ АГРИКОЛЫ

Главы 1—3*

Перевод А. Бобовича

1. Сообщать потомству о деяниях и нравах знаменитых мужей повелось исстари, и даже в наши дни столь равнодушное к своим современникам поколение не пренебрегало этим обы-

* Печатается по: Тацит, Корнелий. Сочинения: В 2 т. Л., 1969.

чаем, лишь только чья-нибудь высокая и благородная добродетель осиливала и превозмогала общие как для малых, так и больших сообществ пороки — неведение справедливости и взаимную неприязнь. Но поскольку нашим предкам ничто не препятствовало совершать достопамятные дела и у них были большие, чем у нас, возможности к этому, всякий, наделенный выдающимся дарованием, побуждался к увековечению в памяти образцов добродетели не личным пристрастием или стремлением к выгоде, а только тою наградой, которая даруется чистою совестью. И многие сочли, что собственноручный рассказ о прожитой ими жизни скорее свидетельствует об их уверенности в своей нравственной правоте, чем об их самомнении; так, например, поступили Рутилий и Скавр, и это не навлекло на них ни недоверия, ни порицания: и выходит, что добродетели превыше всего почитаются именно в те времена, когда они легче всего возникают. А ныне, вознамерясь поведать о жизни покойного мужа, я вынужден просить снисхождения, которого не искал бы, собираясь выступить против него с обвинениями: вот до чего свирепо и враждебно добродетелям наше время.

2. Мы прочитали о том, что восхвалявшие Тразею Пета — Арулен Рустик, Гельвидия Приска — Геренний Сенецион были осуждены за это на смерть и что казни подверглись не только сами писатели, но и их книги, ибо триумвирам вменили в обязанность сжечь в той части форума, где приводятся в исполнение приговоры, творения этих столь светлых умов. Отдавшие это распоряжение, разумеется, полагали, что подобный костер заставит умолкнуть римский народ, пресечет вольнолюбивые речи в сенате, задушит самую совесть рода людского; сверх того, были изгнаны учителя философии и наложен запрет на все прочие возвышенные науки, дабы впредь нигде более не встречалось ничего честного. Мы же явили поистине великий пример терпения; и если былые поколения видели, что представляет собою ничем не ограниченная свобода, то мы — такое же порабощение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать.

3. Только теперь, наконец, мы приходим в себя; и хотя Цезарь Нерва в самом начале нынешней благословенной поры совокупил вместе вещи, дотоле несовместимые, — принципат и свободу, а Траян Нерва что ни день приумножает счастье нашего времени, и установление общественного правопорядка — уже не только предмет всеобщих надежд и желаний, а то, в осуществлении чего мы твердо уверены, однако в силу природы человеческого несовершенства целебные средства действуют на нас медленнее недугов и, как наши тела растут постепенно и мало-помалу, а разрушаются сразу, точно так же легче

угасить дарования и душевный пламень, чем их разжечь заново: ведь нас покоряет сладость безделья, и прежде ненавистную праздность мы в конце концов начинаем любить. Да и о чем толковать, если в течение целых пятнадцати лет, срока очень значительного для бренного века людского, многих сразили роковые удары судьбы, а всякого, наиболее деятельного и ревностного — свирепость принцепса? Лишь в малом числе пережили мы их и, я бы сказал, даже самих себя, изъятые из жизни на протяжении стольких и притом лучших лет, в течение которых, молодые и цветущие, мы приблизились в полном молчании к старости, а старики — почти к крайним пределам преклонного возраста. И все же я не пожалею труда для написания сочинения, в котором — пусть неискusstным и необработанным языком — расскажу о былом нашем рабстве и о нынешнем благоденствии. А тем временем эта книга, задуманная как воздаяние должного памяти моего тестя Агриколы, будет принята с одобрением или, во всяком случае, снисходительно; ведь она — дань сыновней любви.

ИСТОРИЯ

Книга 1, главы 1—4

Перевод Г. Кнабе

1. Началом моего повествования станет год, когда консулами были Сервий Гальба во второй раз и Тит Виний. События предыдущих восьмисот двадцати лет, прошедших с основания нашего города, описывали многие, и, пока они вели речь о деяниях римского народа, рассказы их были красноречивы и искренни. Но после битвы при Акции, когда в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека, эти великие таланты перевелись. Правду стали всячески искажать — сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом — из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним. До мнения потомства не стало дела ни хулителям, ни льстецам. Но если лесть, которой историк пользуется, чтобы преуспеть, противна каждому, то к наветам и клевете все охотно прислушиваются; это и понятно: лесть несет на себе отвратительный отпечаток рабства, тогда как коварство выступает под личиной любви к правде. Если говорить обо мне, то от Гальбы, Отона и Вителлия я не видел ни хорошего, ни плохого. Не буду отрицать, что начало моим успехам на службе положил Веспасиан, Тит умножил их, а Домициан возвысил меня еще больше; но тем, кто решил неколебимо держаться истины, следует вести свое повествование, не поддаваясь любви и

не зная ненависти. Старость же свою, если только хватит жизни, я думаю посвятить труду более благодарному и не столь опасному: рассказать о принцепате Нервы и о владычестве Траяна, о годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает.

2. Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах, диких и неистовых даже в мирную пору. Четыре принцепса, погибших насильственной смертью, три гражданские войны, ряд внешних и много таких, что были одновременно и гражданскими, и внешними, удачи на Востоке и беды на Западе — Иллирия объята волнениями, колеблется Галлия, Британия покорена и тут же утрачена, племена сарматов и свебов объединяются против нас, растет слава даков, ударом отвечающих Риму на каждый удар, и даже парфяне, следуя за шутом, надевшим личину Нерона, готовы взяться за оружие. На Италию обрушиваются беды, каких она не знала никогда или не видела уже с незапамятных времен: цветущие побережья Кампании где затоплены морем, где погребены под лавой и пеплом; Рим опустошают пожары, в которых гибнут древние храмы, выгорел Капитолий, подоженный руками граждан. Поруганы древние обряды, осквернены брачные узы; море покрыто кораблями, увозящими в изгнание осужденных, утесы запятнаны кровью убитых. Еще худшая жестокость бушует в самом Риме — все вменяется в преступление: знатность, богатство, почетные должности, которые человек занимал или от которых он отказался, и неминуемая гибель вознаграждает добродетель. Денежные премии, выплачиваемые доносчикам, вызывают не меньше негодования, чем их преступления. Некоторые из них в награду за свои подвиги получают жреческие и консульские должности, другие управляют провинциями императора и вершат дела в его дворце. Внушая ужас и ненависть, они правят всем по своему произволу. Рабов подкупами восстанавливают против хозяев, вольноотпущенников — против патронов. Если у кого нет врагов, его губят друзья.

3. Время это, однако, не вовсе было лишено людей добродетельных и оставило нам также хорошие примеры. Были матери, которые сопровождали детей, вынужденных бежать из Рима; жены, следовавшие в изгнание за своими мужьями; друзья и близкие, не отступившие от опальных; зятья, сохранившие верность попавшему в беду тестю; рабы, чью преданность не могли сломить и пытки; мужи, достойно сносившие несчастья, стойко встречавшие смерть и уходившие из жизни как прославленные герои древности. Не только на людей обрушились бесчисленные бедствия: небо и земля были полны чудесных явлений: вещая судьбу, сверкали молнии, и знамения — радостные и печальные, смутные и ясные — предрекали будущее. Словом, никогда еще боги не давали римскому народу

более очевидных и более ужасных доказательств того, что их дело — не заботиться о людях, а карать их.

4. Однако прежде чем приступить к задуманному рассказу, нужно, я полагаю, оглянуться назад и представить себе, каково было положение в Риме, настроение войск, состояние провинций и что было в мире здорово, а что гнило. Это необходимо, если мы хотим узнать не только внешнее течение событий, которое по большей части зависит от случая, но также их смысл и причины.

ЛИТЕРАТУРА

- Август Октавиан. Перечень деяний божественного Августа // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула / Пер. с лат. Воронеж, 1985. С. 193—206.
- Аврелий Виктор. О цезарях / Пер. В. С. Соколова // Вестник древней истории. 1963. № 4; 1964, № 1—2.
- Авторы жизнеописаний Августов / Пер. с лат. С. П. Кондратьева // Вестник древней истории. 1957—1959; 1960, № 1—2.
- Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. Вып. 1—3. Киев, 1906—1908.
- Аммиан Марцеллин. Деяния. Из книг 17, 19, 25 / Пер. Я. Любарского // Историки Рима (Сборник). М., 1970.
- Веллей Патеркул. Римская история // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула / Пер. с лат. Воронеж, 1985.
- Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1963.
- Ливий, Тит. История Рима от основания Города: В 3 т. Т. 1. М., 1989; Т. 2. М., 1991. Т. 3: в печати / Пер. с лат.
- Непот, Корнелий. Биографии знаменитых полководцев / Пер. с лат. И. Тимошенко. Киев, 1883.
- Непот, Корнелий. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер. с лат. Н. Н. Трухиной. М., 1992.
- Саллюстий Крисп, Гай. Заговор Катилины. Война с Югуртой / Пер. с лат. С. Маркиша // История Рима (Сборник). М., 1970.
- Саллюстий Крисп, Гай. Сочинения / Пер. с лат. В. Горенштейна. М., 1981.
- Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подг. М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман. М., 1966.
- Тацит, Корнелий. Сочинения: В 2 т. / Пер. с лат.; Изд. подг. А. Бобович, Г. Кнабе и др. Л., 1969.
- Флор, Анней. Эпитомы Ливия // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Луций Анней Флор — историк Древнего Рима / Пер. с лат. Воронеж, 1977.
- Цезарь, Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей / Пер. М. Покровского. М., 1962.
- Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Пер. с лат. А. А. Деконского и М. И. Рижского // Вестник древней истории, 1954. № 2—4; 1955. № 1.

- Август** Октавиан 36, 41, 43, 64, 65, 67, 68, 70, 71, 75—77, 80, 81, 83, 86, 87, 92, 101, 102, 105, 111, 113—115, 118, 120
Августин 31, 113
Аврелий Виктор, Секст 116, 120
Агриппина Младшая 93, 102, 106
Азиний Поллион, Гай 46, 65, 66, 79, 80
Альбин, Авл Постумий 21, 25
Аммиан Марцеллин 7—9, 116, 120, 121—127
Ампелий, Луций 115
Аполлодор Афинский 37
Аппиан 66
Аттик, Тит Помпоний 36—38, 41
Ацилий, Гай 21, 33
Басс Авфидий 84, 85, 91, 99
Берос 18
Валерий Анциат 32—34, 71, 72
Валерий Максим 37, 88, 89, 111, 112, 123
Варрон Реатинский, Марк Теренций 35—37, 66, 75, 110
Веллей Патеркул, Гай 37, 86—88
Випстан Мессала 102
Вольтацилий Пилут, Луций 36
Вописк Флавий 118
Галликан Вулкаций 118
Геллий, Гней 25
Геродот 11, 81, 98
Гиртий, Авл 43
Дион Кассий 47
Дионисий Галикарнасский 20
Доминций Корбулон, Гней 91, 92, 102
Дурид Самосский 12
Евтропий 116, 119, 120, 122
Исократ 12—14, 30, 36, 70, 80
Капитолин Юлий 118
Кассий Гемна, Луций 25
Катон, Марк Порций (Цензор) 21—27, 37, 39, 52, 53, 62, 63, 66, 71, 114
Катул, Квинт Лутаций 32
Клавдий (император) 89, 92, 93, 101, 118
Клавдий Квадригарий, Квинт 33, 34, 71
Клитарх 34, 90
Клувий Руф 92, 102
Корд Кремуций 83, 84
Корд Юний 117
Корнелий Эпикад 32, 36
Ксенофонт 31, 36, 45
Курций Руф, Квинт 89—91
Лабие, Тит 83—85
Лампридий Элий 118
Ливий, Тит 4, 6, 8, 9, 28, 32, 37, 67—79, 80—82, 84, 89, 92, 96, 98, 99, 106, 108, 114, 116, 119
Лициниан Граний 116
Лициний Макр, Гай 33, 34, 71, 72
Лукцей, Луций 5, 6
Манефон 18
Марий Максим 117
Марк Аврелий 31, 125
Непот, Корнелий 3, 36—38, 89, 110
Обсеквент Юлий 120
Пизон Фруги, Луций Кальпурний 25—27
Платон 12, 61
Плиний Старший 37, 91, 92, 99, 102, 111, 123

Плутарх 7, 37, 66
 Полибий 5, 7, 11, 13—15, 18, 21, 25,
 26, 28, 30, 45, 53, 71, 73, 77, 82,
 105
 Помпей Трог 80—82, 85, 86, 89
 Посидоний 53

Рутилий Руф, Публий 32, 59

Саллюстий Крисп, Гай 3, 4, 8, 26,
 49—63, 66, 69, 70, 77—79, 82, 96,
 98, 99, 101, 107, 114
 Сантра 36
 Светоний Транквилл, Гай 47, 89,
 109—113, 116—119
 Семпроний Азеллион, Луций 28—30
 Сенека Младший, Луций Анней (фи-
 лософ) 92, 99, 101, 104, 106, 107,
 123
 Сенека Старший (ритор) 8, 68, 73,
 84, 114
 Сизенна, Луций Корнелий 34, 35,
 59, 71, 99
 Скавр, Марк Эмилий 32
 Спартиан Элий 117, 118
 Сулла, Луций Корнелий 32, 34—36,
 39, 52, 57, 59, 71, 87

Тацит, Публий Корнелий 8, 9, 26,
 73, 91—109, 112, 113, 121, 122,
 127
 Тиберий (император) 84—87, 89, 93
 Тимаген Александрийский 80

Тимей Тавроменский 14, 15, 17, 27
 Титиний Капитон 92
 Тразея Пет 92, 101, 105, 106
 Требеллий Поллион 118
 Туберон Элий, Луций 71

Фабий Пиктор, Квинт 16, 18—21, 24,
 71, 73, 127
 Фабий Рустик 92, 102
 Фанний, Гай 25, 26, 92
 Фенестелла 84, 85
 Феопомп 12, 13, 62, 80
 Фест Руф 119, 120
 Филин 18
 Флавиан Никомах, Вирий 120, 121,
 123
 Флор, Анней 113—116
 Фукидид 8, 10—13, 45, 59, 60, 63,
 66, 105

Цезарь, Гай Юлий 8, 35, 38—51,
 53—56, 63, 65—67, 69, 76, 80, 84,
 94, 96, 98, 99,, 111, 114, 115, 119,
 125
 Целий Антипатр, Луций 27—31, 71,
 78
 Цинций Алимент, Луций 16, 18, 20,
 24, 71

Эфор 12—14

Юстин 80

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«Авторы жизнеописаний Августов»
 117, 122
 «Агесилай» 36
 «Агрикола» («Книга о жизни Юлия
 Агриколы»; «Жизнеописание
 Юлия Агриколы») 94, 96—99
 «Александрийская война» 43
 «Анабасис» 31, 45
 «Анналы» (Ацилий) 33
 «Анналы» (Валерий Анциат) 32
 «Анналы» (Клавдий Квадригарий)
 33
 «Анналы» (Корд) 83, 84
 «Анналы» (Лициний) 33, 34
 «Анналы» (Пизон Фруги) 26, 27
 «Анналы» (Тацит) 8, 100, 101, 104—
 107, 109
 «Анналы» (Туберон) 71
 «Анналы» (Фанний) 26
 «Анналы» (Фенестелла) 84
 «Анналы» (Флавиан) 120, 121

«Апология Сократа» 36
 «Африканская война» 43
 «Бревиарий деяний римского народа»
 119
 «Бревиарий от основания Города»
 119, 122
 «Всеобщая история» 13, 25, 82
 «Галльская война» (книга 8-я—
 Гиртий) 43
 «Германские войны» (Басс) 91
 «Германские войны» (Плиний Стар-
 ший) 91
 «Германия» 97—99
 «Две книги всех войн за 700 лет»
 («Извлечение из Тита Ливия») 113, 114
 «Деяния» (Аммиан Марцеллин) 9,
 121—124, 126, 127
 «Деяния божественного Августа» 64,
 65, 111

- «Деяния римлян» 16
 «Древности человеческие и божественные» 66
 «Евагор» 36
 «Жизнь двенадцати цезарей» («Жизнеописание цезарей») 110—112, 117
 «Жизнь Помпония Секунда» 92
 «Заговор Катилины» («О заговоре Катилины»; «Катилинова война») 3, 51, 52, 54, 55, 58—70
 «Замечательные дела и слова в 9-ти книгах» 88, 111
 «Записки о галльской войне» («Галльская война») 42, 43, 45—48, 94, 96, 98
 «Записки о гражданской войне» («Гражданская война») 42, 43, 46—48
 «Извлечения из Тита Ливия» см. «Две книги всех войн за 700 лет»
 «Извлечения из Цезарей» 120
 «Испанская война» 43
 «История» (Азиний Поллион) 65, 66
 «История» (Басс) 85
 «История» (Геродот) 81
 «История» (Дурид) 12
 «История» (Клувий Руф) 92
 «История» (Ливий) см. «От основания города»
 «История» (Полибий) см. «Всеобщая история»
 «История» (Саллюстий) 52, 59, 98
 «История» («От начала гражданских войн») — Сенека Старший) 84
 «История» (Сизенна) 34, 71
 «История» (Тацит) 94, 99—101, 106, 107, 121
 «История» (Тимей) 14, 17, 18
 «История» (Фукидид) 60
 «История Александра Великого Македонского» 89
 «История Карфагена» 92
 «История Рима» 16
 «История тирренов» 92
 «История Филиппа» 80
 «Книга о жизни Юлия Агриколы» см. «Агрикола»
 «Книга о Цезарях» («Сокращенная история») 120
 «Книга чудесных явлений» 120
 «Летописная книга» 38
 «Мемуары» 32
 «Начала» 23, 24, 27
 «О выдающихся полководцах иноземных народов» 37
 «О грамматиках и риторках» 110
 «О жизни римского народа» 66
 «О знаменитых людях» (Непот) 37, 89
 «О знаменитых людях» (Сантра) 36
 «О знаменитых людях» (Светоний) 110
 «О знаменитых людях города Рима» 120
 «О происхождении, положении, нравах и народах Германии» см. «Германия»
 «О римском народе» 66
 «О смерти лиц, казненных или сосланных Нероном» 92
 «От основания Города» 8, 68, 89, 101
 «Памятная книга» 115
 «Перечень деяний» см. «Деяния божественного Августа»
 «Портреты» 35—37
 «Примеры» 37
 «Происхождение римского народа» 120
 «Римская история» 86—88
 «Сокращенная история» см. «Книга о Цезарях»
 «Филиппова история» 80—82, 86, 89
 «Хроника» 37
 «Цари» 80
 «Югуртинская война» («Война с Югуртой») 52, 56—59, 61
 «Ab excessu divi Augusti» («Appales») см. «Анналы» (Тацит)
 «Ab initio bellorum civilium» см. «История» (Сенека Старший)
 «Ab urbe condita» см. «История» (Ливий)
 «A fine Aufidii Bassi» 92
 «Antiquitates rerum humanarum et divinarum» см. «Древности человеческие и божественные»
 «Bellum Africum» см. «Африканская война»
 «Bellum Alexandrinum» см. «Александрийская война»
 «Bella Germaniae» см. «Германские войны»
 «Bellum Hispaniense» см. «Испанская война»
 «Bellum Iugurthinum» см. «Югуртинская война»
 «Bellorum omnium annorum DCC libri II» («Epitoma de Tito Livio») — см. «Две книги всех войн за 700 лет»
 «Breviarium ab urbe condita» см. «Бревиарий от основания Города»
 «Breviarium rerum gestarum populi Romani» см. «Бревиарий деяний римского народа»
 «Chronica» см. «Хроника»

- «Commentarii belli civilis» см. «Записки о гражданской войне»
- «Commentarii belli Gallici» («De bello Gallico») см. «Записки о галльской войне»
- «De Catilinae coniuratione» («Bellum Catilinae») см. «Заговор Катилины»
- «De excellentibus ducibus exterarum gentium» см. «О выдающихся полководцах иноземных народов»
- «De gente populi Romani» см. «О римском народе»
- «De Latinis historicis» 37
- «De origine, situ, moribus ac populis Germaniae» см. «О происхождении, положении, нравах и народах Германии»
- «De regibus» 37
- «De viris illustribus» (Nepos) см. «О знаменитых людях» (Непот)
- «De viris illustribus» (Suetonius) см. «О знаменитых людях» (Светоний)
- «De viris illustribus urbis Romae» см. «О знаменитых людях города Рима»
- «De vita Caesarum» см. «Жизнь двенадцати цезарей»
- «De vita Iulii Agricolae liber» см. «Книга о жизни Юлия Агриколы»
- «De vita populi Romani» см. «О жизни римского народа»
- «Epitoma de Tito Livio» см. «Извлечение из Тита Ливия»
- «Epitomae» 84
- «Epitome de Caesaribus» см. «Извлечение из Цезарей»
- «Exempla» см. «Примеры»
- «Factorum et dictorum memorabilium libri IX» см. «Замечательные дела и слова в 9-ти книгах»
- «Historiae» (Asinius Pollio) см. «История» (Азиний Поллион)
- «Historiae» (Sisenna) см. «История» (Сизенна)
- «Historiae abbreviatae» («Liber de Caesaribus») см. «Сокращенная история»
- «Historiae Alexandri Magni Macedonis» см. «История Александра Великого Македонского»
- «Historiae Philippicae» см. «Филиппова история»
- «Historia Romana» см. «Римская история»
- «Imagines» см. «Портреты»
- Index rerum gestarum» («Res gestae divi Augusti») см. «Перечень деяний»
- «Liber Annalis» см. «Летописная книга»
- «Liber de Caesaribus» («Historiae abbreviatae») см. «Книга о Цезарях»
- «Liber memorialis» см. «Памятная книга»
- «Liber prodigiorum» см. «Книга чудесных явлений»
- «Origines» см. «Начала»
- «Origo gentis Romae» см. «Происхождение римского народа»
- «Philippicā» см. «История Филиппа»
- «Rhomāion práxeis» см. «Деяния римлян»
- «Rerum gestarum libri XXXI» см. «Деяния» (Аммиан Марцеллин)
- «Res gestae» («Historiae») 28
- «Res gestae divi Augusti» («Index rerum gestarum») см. «Деяния божественного Августа»
- «Scriptores Historiae Augustae» см. «Авторы жизнеописаний Августов»
- «Vita Pomponii Secundi» см. «Жизнь Помпония Секунда»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	10
Глава первая. Основные направления греческой историографии . . .	15
Глава вторая. Рождение римской историографии на греческом языке	21
Глава третья. Марк Порций Катон и римская историография на латинском языке	27
Глава четвертая. На пути к художественной историографии . . .	30
Глава пятая. Поиск новых форм	38
Глава шестая. Историография и политика в жизни Г. Юлия Цезаря .	49
Глава седьмая. Драматизм исторической прозы Саллюстия . . .	64
Глава восьмая. Наследие прошлого и новые тенденции в историографии эпохи Августа	67
Глава девятая. Эпическая историография Тита Ливия	80
Глава десятая. Универсальная история Помпея Трога	83
Глава одиннадцатая. Историография оппозиции в эпоху Юлиев—Клавдиев	85
Глава двенадцатая. Консервативная историография: Веллей Патеркул, Валерий Максим, Курций Руф	91
Глава тринадцатая. Формы исторической прозы в I веке н. э. . . .	93
Глава четырнадцатая. Корнелий Тацит	109
Глава пятнадцатая. От анналистики к биографии и эпитоме: Светоний и Флор	116
Глава шестнадцатая. Историография в эпоху поздней империи . . .	121
Глава семнадцатая. Аммиан Марцеллин — последний римский историк	128
Отрывки из сочинений римских историков	—
Гай Саллюстий Крисп. Заговор Катилины. Главы 1—4	130
Война с Югуртой, Главы 1—5	132
Тит Ливий. История Рима от основания Города. Предисловие . . .	133
Корнелий Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы. Главы 1—3	135
История. Книга 1, главы 1—4	138
Литература	139
Указатель имен историков	140
Указатель исторических произведений	140

Научное издание

Дуров Валерий Семенович

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ДРЕВНЕГО РИМА**

Редактор *В. С. Кизило*

Художественный редактор *О. В. Угнич*

Технический редактор *Е. И. Егорова, А. В. Борщева*

Корректоры *М. В. Унковская, Н. В. Ермолаева*

ИБ № 4076

Сдано в набор 07.09.92. Подписано в печать 14.04.93. Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 2.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9. Усл. кр.-отг. 9,25.
Уч.-изд. л. 9,62. Тираж 4310 экз. Заказ № 210.

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография Изд-ва СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.